

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

ДАМА И ФЕФЁЛА.

«Ученикъ спросилъ мудраго: не знаю, женишься ли я или нѣтъ?»

«Мудрецъ ему отвѣтствовалъ: поступи какъ знаешь,—все равно будешь раскапываться».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весною 1894 г. одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей высказалъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей о томъ, какія «подруги жизни» лучше для литератора,—образованныя или необразованныя. Разбиралось и то, какія удобства и неудобства представляются литератору въ сожителствѣ съ женщиною образованною, и что онъ можетъ встрѣтить съ простою женщиною малаго развитія. Предложенные вопросы, можетъ-быть, и не серьезны, но они не лишены своего интереса. Къ сожалѣнью, возбудившій ихъ авторъ, почему-то, однако, не развилъ своихъ положеній и не доказалъ ихъ основательности. Въ другомъ боѣкомъ органѣ ему возражали и смѣшно, и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющаго дѣло. Вѣрно это такъ и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинахъ нѣчто новое» (Bonfilers). Я тоже не имѣю ни малѣйшей претензiи свести любопытный споръ къ какому-нибудь рѣшительному заключенiю, но я хочу дать кстати подходящія иллюстрацiи, которыя беру изъ моихъ воспоминанiй о литераторской жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незадолго передъ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* изъ рукъ Дудышкина и Краевского подъ редакцію Пекра-сова и Салтыкова, въ этомъ журналѣ работалъ одинъ пи-сатель, котораго въ нынѣшнемъ случаѣ неудобно было бы называть по имени. Въ данномъ случаѣ его имя и не важно, такъ какъ интересъ представляетъ само положеніе лица и характеръ двухъ его подругъ, изъ которыхъ одна была «дама», а другая «фефела». Дама была его «законная по-ловина», а фефела—его «беззаконница». Обѣ онѣ имѣли для упоминаемаго писателя очень серьезное значеніе во время его жизни и различно исполнили свое призваніе къ его потомству.

Я узналъ этого человѣка въ 1865 году, когда Дудыш-кинъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одну его статью, которая въ публикѣ многимъ понравилась и при-влекла автору благорасположеніе обонхъ редакторовъ, т.-е. Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевского. Писателю назна-чили плату по 80 рублей «за статью», и это его повело къ худу: онъ былъ совершенно счастливъ и до того увлекся литературнымъ успѣхомъ, что сталъ пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его спеці-альности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а все-таки она обезпечивала его вѣрнѣе, чѣмъ литература. Но съ этихъ поръ онъ службою не дорожилъ, а занятіямъ литературою предавался съ неудержимою страстью. Къ деньгамъ вообще онъ былъ не только не жадець, но даже почти равнодушень, и въ употребленіи ихъ безразсчетливъ. Къ тому же, онъ былъ очень нетре-бователенъ и спартански простъ въ своихъ привычкахъ. Какъ ни ѣсть и гдѣ ни жить—это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность вы-сказывать то, о чемъ онъ думалъ и что признавалъ за нужное и полезное для общества. Каковъ бы онъ ни былъ по его значенію въ литературѣ, но по *характеру* это былъ настоящій литераторъ, которому, кромѣ того, что дѣлается въ литературѣ, все тринь-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить отъ литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть съ голода. Такіе люди тогда между писателями встрѣчались не въ рѣдкость: нѣкоторые изъ

нихъ такъ вѣрили въ высокое значеніе своего литературнаго призванія, что не считали за важное потеригѣть ради идеи не только лишенія, но даже и муки... Вдобавокъ къ этому настроенію писателя, его осѣнило еще другое искушеніе, къ нему начали писать сочувственныя письма разныя незнакомки, и женскія письма расшевелпли въ немъ влюбчивость и фантазіи. Словомъ, успѣхъ совсѣмъ вскружилъ ему голову, а дамскія письма даже начали портить его характеръ и мѣшали ему исполнять всѣ его обязанности,—служебныя, литературныя и супружескія, такъ какъ писатель, на его несчастіе, тогда уже былъ женатъ, и супруга у него была съ характеромъ. Женился онъ, кажется, еще студентомъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ прославился въ писательствѣ, а поставилъ онъ себя дома такъ неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глухимъ» и никакъ не хотѣла вѣрить тому, что онъ можетъ «сочинить» что-нибудь стоящее вниманія. Это его сердило и оскорбляло, и онъ старался измѣнить въ женѣ такой неблагоприятный для него взглядъ, но достигъ этого не могъ. Болѣе всего женѣ писателя казалось невѣроятнымъ, что онъ можетъ что-нибудь понимать о супружескихъ обязанностяхъ, а вниманіе постороннихъ дамъ къ ея мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она отъ оскорбленій на словахъ перешла къ обиднымъ дѣйствіямъ и явилась къ А. А. Краевскому возвѣстить ему свою побѣду и выразить журналу порицаніе за то, что черезъ его посредство у ея мужа «начались пашни съ дамами».

А. А. Краевскій выслушалъ ее, помычаль и направилъ ее къ Дудышкину, но самъ встревожился, пробурчаль нѣсколько разъ «Богъ съ ней» и распорядился, чтобъ ее къ нему впередъ не пускали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Писатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, бѣлокурый, маленькаго роста, очень слабый и первый, съ небольшими голубыми глазками и вихрястою ивелепурой. Нравъ онъ имѣлъ добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «пѣтушливый». Бракосочетался онъ «по состраданію». Тогда такія благородныя вещи тоже были въ модѣ и на нихъ очень многіе попались.

Пріятель мой былъ изъ числа этихъ счастливицевъ и очень горько расплачивался за свое великодушіе. Супруга его имѣла надъ нимъ самыя разностороннія преимущества: по ея словамъ, она была старше его только на пять лѣтъ, по по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнѣе, а притомъ она была крѣпкая, сплывная, очень предприимчивая и обладала счастливиѣйшимъ женскимъ талантомъ—не бояться никакихъ скандаловъ. Обладая такими боевыми свойствами, дама, притомъ, была также чрезвычайно неутомима какъ въ натискѣ, такъ и въ преслѣдованіи. Мужъ съ женою едва ли не съ первыхъ же дней брака не поладили, и съ тѣхъ поръ они постоянно жили очень дурно, а по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ жена постаралась устроить такъ, что это скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ редакціи. Пріемъ, для этого употреблявшійся, былъ простой: дама, съ виду очень образованная, сама приходила въ редакцію или въ контору и жаловалась на мужа всѣмъ: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавалъ деньги. Дама дѣлала это не только безъ малѣйшей застыдливости, но и безъ всякой нужды, просто какъ бы по влеченію души. Впрочемъ, можетъ-быть, она имѣла какую-нибудь цѣль понизить акціи своего мужа, представляя его смѣшнымъ и пошлымъ. Скромность она не уважала и безъ всякаго стыда рассказывала самыя ужасныя вещи о томъ, какъ грубо и безцеремонно она обращается съ мужемъ.

— Огъ хочеть меня остановить жалкими словами,—говорила она.—*Mais c'est drôle!* Какъ же онъ можетъ на это надѣяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? *Je sais ce que j'ai faire!*

Она, однакоже, скоро всѣмъ надоѣла, и Дудышкинъ пересталъ ее принимать, такъ же какъ и Краевскій; но въ контору она еще являлась и срамила мужа какъ только находила возможнымъ. Ей, конечно, не вѣрили, но, однако, все-таки она повредила мужу ужъ однимъ тѣмъ, что сдѣлала его смѣшнымъ. Вдобавокъ, она вооружила противъ него Краевского, котораго она подстерегла разъ на его пути отъ дома къ Гимнастическому навильону и засынала его претензіями, а когда онъ сталъ отъ нея убѣгать, повторяя: «*Ей-Богу, ей-Богу, я боленъ и ничего не могу!*»—она, не получивъ отъ него желаемаго сочувствія сказала

ему вслухъ: «*Que! vieux idiot!*»—и бросилась въ открытыя двери Симеоновской церкви, закричавъ съ крыльца, что «проклянетъ его передъ образомъ». Краевскій, впрочемъ, на нее не сердился и не обробѣлъ отъ проклятія, а говорилъ вечеромъ: «Бабы! я ихъ знаю!» И онъ, кажется, дѣйствительно «зналъ бабъ», и потому въ редакціи дѣло писателя облаживалось хорошо, но не такъ это выходило въ очахъ служебнаго начальства, къ которому предприимчивая супруга тоже являлась и говорила тамъ, что ся «*rique-assietes*» не вѣрять въ Бога и неочтительно говорить о такихъ и такихъ особахъ, чего-де она, какъ институтка, не можетъ сносить, и «доведесть до свѣдѣнія», потому что у нея есть дитя, которое надо воспитывать въ добрыхъ правилахъ.

— Да! Je ne suis pas seul!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чего хотѣла достигъ эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Определенно, она стремилась только «получать его жалованье». Это она замѣствовала гдѣ-то у женъ фабричныхъ рабочихъ, у которыхъ мужья пропиваютъ заработки. Хорошій примѣръ понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ея мужъ не пропивалъ заработка, ну, а все-таки...

— Je ne suis pas seul! Сдѣлайте милость!

Краевскій приказалъ:

— Отдайте, отдайте!

Онъ зналъ женщинъ.

Мужъ какъ услышалъ объ этихъ извѣстахъ, такъ и заболѣлъ; больной онъ остался совершенно безпомощенъ при своей безпощадной тиранкѣ. Мы жили тогда неподалеку другъ отъ друга у Таврическаго сада, гдѣ я живу тридцать лѣтъ, и я два раза навѣстилъ больного и видѣлъ его въ ужасной обстановкѣ: разъ я засталъ его въ комнатѣ, напитанной самымъ невыносимымъ зловоніемъ, а въ другой разъ въ комнатѣ было открыто окно и на больного естранно дуло.

Я спросилъ его, для чего открыто окно въ такой холодный день?

А онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтобъ я скорѣе умеръ!

Я всталъ и закрылъ окно, а какъ это произвело соответственный звукъ, который былъ слышенъ за стѣною, то оттуда изъ другой комнаты послышался гадкій сдержанный смѣхъ. Затѣмъ я ушелъ, а большой вскорѣ поправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ на редакціонный вечеръ, который мнѣ остался памятнымъ по дебатированнымъ тогда роковымъ вопросамъ о русскомъ искусствѣ. Это было вскорѣ послѣ достопамятной лекціи, прочитанной въ бывшемъ художественномъ клубѣ г-жею Якоби, которая тогда только-что возвратилась въ отечество и много сообщала о гарибальдійскомъ движеніи, въ которомъ она принимала живое участіе и пользовалась пріязнью итальянскаго героя. Теперь, когда послѣ этого прошло около тридцати пяти лѣтъ, очень трудно передать то оживленіе и симпатіи, которыя вызвала эта лекція, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интереснаго. Художники не только аплодировали г-жѣ Якоби, какъ дамѣ, но и выражали настоящее удовольствіе по поводу ея сужденій о художественныхъ вопросахъ. Тогда помощи для русскаго искусства искали повсюду и говорили то о профессорѣ Якоби, то о Микѣшинѣ, которые тогда были въ модѣ и навѣрняка могли «спасти русское искусство», а заурядъ вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что всѣ эти уважаемыя лица были наносны однимъ духомъ художниковъ Александра и Дмитрія, о которыхъ упоминается въ книгѣ «Дѣяніи Апостольскіихъ», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умѣли что-то различать въ нихъ. Но нашлись, впрочемъ, и такіе, которымъ лекція г-жи Якоби не понравилась,—не понравилась она и нашему писателю, которому было противно видѣть вызванное ею возбужденіе, и онъ захотѣлъ подвергнуть и лекцію, и восторгъ слушателей критикѣ. Статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ должна была явиться въ той книжкѣ, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе, и авторъ ея едва уцѣлѣлъ.

Въ семействѣ критика произошли ужасныя событія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ лекціи, поздно вечеромъ, когда въ Таврическомъ саду свистали соловьи и у частокота, ограждавшаго садъ, стояли въ молчаніи и слушали

нѣвцовъ нѣскольکو любителей соловьиного пѣнія, я увидалъ здѣсь воспоминаемаго литератора. Онъ былъ чрезвычайно унылъ и, вдобавокъ, все его изнеможенное болѣзною лицо было исцарапано и исцачкано, а платье его было въ сору и въ пуху: очевидно, онъ былъ въ большой передѣлкѣ.

Я его тогда все-таки еще мало зналъ и заподозрилъ, не выпивши ли онъ, но это было напрасно. Жалостливый видъ, въ которомъ онъ слушалъ соловьевъ у частокола, былъ результатомъ того, что онъ въ это время особенно сильно пострадалъ за свое пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ, и, притомъ, все въ этотъ разъ имъ написанное *было уничтожено*, а именно, статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ была изорвана супругою писателя въ клочки, а самъ онъ оцарапанъ, облилъ чернилами, отлученъ отъ домашняго очага и изгнанъ изъ дома съ отобраніемъ отъ него часовъ и денегъ. Затѣмъ жена пригрозила ему, что она поѣдетъ къ институтскому начальству и расскажетъ, какія у ея мужа дурныя понятія о самыхъ священныя предметахъ... А ужъ затѣмъ, разумѣется, «ему покажутъ!»

Я пригласилъ его къ себѣ переночевать, и онъ это принялъ, такъ какъ ему рѣшительно нельзя было иначе устроиться. Онъ прозябъ и былъ голоденъ, и потому съ аппетитомъ кушалъ мой чай съ булками и при этомъ рассказъ мнѣ длинную исторію своихъ многостороннихъ страданій отъ жены, и въ этотъ разъ онъ сообщилъ мнѣ и нѣкоторыя подробности о ея происхожденіи: она была дворянка изъ южнаго края и окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ, потомъ поссорилась съ матерью и жила въ Швейцаріи и чему-то училась; послѣ была гувернанткою, потомъ переводчицею и актрисою,—нигдѣ не прижилась. На несчастіе моего товарища, она показала ему очень несчастною, и онъ на ней женился, а она потомъ въ минуту нѣжности призналась ему, что «хотѣла въ его лицѣ отмстить всѣмъ мужчинамъ за угнетеніе женщинъ». А въ доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу съ такою послѣдовательностью, что у бѣдняка отшибло память на очень важные случаи ихъ семейной жизни. Она его такъ огорошила, что онъ все позабылъ и пренанвно говорилъ о своемъ ребенкѣ:

— Знаете, откуда онъ у насъ взялся,—я этого, право, даже не могу себѣ представить.

По возвратимся къ порядку событій.

Пострадавшій въ эту пору былъ очень разстроенъ и не хотѣлъ возвращаться къ своей мучительницѣ, а собирался жить отъ нея особо. Я по его просьбѣ ходилъ на слѣдующій день къ его женѣ для переговоровъ, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положеніе, или не признаетъ ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознагражденіе? Въ особѣ этой я увидѣлъ женщину очень некрасивую и пожилую, но смѣлую и бойкую и, безъ сомнѣнія, способную на большія нахальства. Въ приѣмахъ у нея оставался какой-то слѣдъ «гостинности», но перемѣняемый съ самою рѣзкою вульгарностью или, лучше сказать, хамствомъ. Художникъ могъ бы взять ее за модель для изображенія русской ассамблейной боярыни, которую культивируетъ императоръ Петръ Первый и съ образовательною цѣлью нанялъ вполнѣяна и пустил срамословить. Кое-какъ, хоть клочками, я припоминаю нашу бесѣду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дама встрѣтила меня очень веселая, безъ малѣйшей застѣчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русскія слова французскими:

— Пожалуйста, пожалуйста! Dieu vous bénisse: я очень рада примирителю. Вы вѣдь пришли насъ мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не изъ добрыхъ и особенно — извините! — я не люблю мужчинъ.

И, занявъ о своей несправедливости къ мужчинамъ, она сейчѣсь же упомянула и о томъ, что «передъ нею за всѣхъ за нихъ отвѣчаетъ ея мужъ». Она весело расхохоталась и затѣмъ все время потѣшалась надъ своимъ мужемъ, рассказывая о немъ дрянной и неприличный вздоръ, послѣ чего тотчасъ же начинала злословить дамъ, писавшихъ ему литературныя письма, и называла ихъ именами своего изобрѣтенія, какъ-то: «маркиза Денкураисъ», «баронесса Шлюхманъ» и леди «Кис-ме-квикъ», да двѣ русскія помѣщицы «Обнимайкина» и «Цѣловалкина», которыхъ она «всѣхъ презирала», а сводила она все это къ тому, что «всѣ онѣ дуры, и мужъ ея смѣшонъ и рѣшительно ни на что не годенъ, особливо vis-à-vis d'une femme». Для нея это, впрочемъ, tant mieux, потому что у нея другая натура

и она находить, что жепница должна быть выше природы, потому что «природа—свинья».

— Кто любить свинство, тотъ и можетъ признавать надъ собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понималъ и она поясняла:

— Всѣ эти взгляды, и мины, и вздохи, и положенія... словомъ, все это, и прочее, что воспѣваютъ поэты,—это отвратъ, все это *c'est archibête!*

Поэтому я надѣялся, что она довольно легко согласится разѣхаться со своимъ супругомъ; но она, однако, требовала, чтобъ еѣ за это дать какъ можно больше денегъ.

— Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? *Je ne suis pas seul!*

Мы поторговались, и она согласилась «получить» и *послѣ того*, не иначе, она поѣдетъ на югъ,—на теплый, теплый югъ съ этого противнаго, холоднаго сѣвера.

— *Le diable!* я даже давно этого хотѣла и теперь очень этому рада.

Казалось, все было улажено, и дама даже сказала мнѣ: «*le bon Dieu vous bénisse*», и сейчасъ же перемѣнилась: окончивъ дѣловой разговоръ, она призвала своего двухлѣтняго сына, много разъ его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тутъ я могъ его разглядѣть: это былъ болѣзненный, рахитическій мальчикъ, съ большими, почти безцвѣтными глазами, въ которыхъ выражался постоянный испугъ, возбуждавшій къ нему сожалѣніе. Его держала на рукахъ свѣжая, бѣлолиценькая и румяная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ очень большими, какъ-будто даже непропорціонально большими сѣрыми глазами и пристальнымъ и добрымъ, но очень твердымъ взглядомъ (я описываю эту молодую «фефѣлу» потому, что она не пройдетъ передъ нами мелькомъ, а у нея есть роль въ моемъ воспоминаніи). Дѣвушка, вѣроятно, недавно пришла изъ села и была очень застѣлива, а дама находила удовольствіе смущать ея стыдливость. Она подсмѣивалась надъ ея свѣжестью и при мнѣ пашла случай назвать ее нѣсколько разъ то «орлеанскою дѣвственницей», то деревенскою «фефѣлою», при чемъ дама такъ разрѣвилась, что повернула дѣвучку передъ собою

и стала ее рекомендовать тономъ французскаго панорамщика:

— Voilà Jeanne Darc, surnomée la Pucelle d'Orleans, héroïne. Extrêmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver... son maître.—Дама разсмѣялась и продолжала:—Безъ шутокъ, безъ шутокъ, эта дѣвица очень одухотворена и она видитъ вѣщіе слы... да, да, да! И она часто плачетъ и даже иногда рыдаетъ во снѣ... о моемъ супругѣ, а я ее бужу и посылаю на вѣтеръ... C'est bien comique! Потому я высылаю туда же этого дурака, которому данъ дивный даръ трогать и располагать къ себѣ сердца дуръ, изъ коихъ вотъ первая... La voilà, фефѣла и Pucelle!

Названіе, выраженное по-французски, очевидно, очень обижало дѣвушку, и она, зардѣвшись, какъ вишня на солищѣ, сказала:

— Фефѣла я—это точно, я простая дѣвушка и никакихъ примѣровъ не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсѣмъ не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

— «Примѣровъ не получи-ла», такъ пди съ Богомъ.

И, перекрестивъ нѣсколько разъ своего ребенка, сидѣвшаго на лѣвой рукѣ дѣвушки, дама подала ей въ правую руку дождевой зонтикъ и проѣхала:

«Voici qu'à bien tourne la guerre
Quand Pucelle porte bannière!»

Затѣмъ она взяла дѣвушку за плечи, повернула и, воскликнувъ: «Peste!»—выставила ее за дверь.

Дѣвушка эта на видъ была ни хороша, ни дурна и по казалась ни умною, ни глупою, а какова она была на самомъ дѣлѣ, это увидимъ ниже.

Звали ее Праншею.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Супруги «разѣхались». Совершилось это почти такъ, какъ часто дѣлается, т. е. «не безъ неприятностей»,—ни смиренность мужа, ни французскіе ритуалы жены не устранили ссоры, и при самомъ послѣднемъ «adieu» дѣло не обошлось безъ участія «народныхъ представителей» въ лицѣ двухъ дворниковъ, которые при этомъ обнаружили непосредственное народное міросозерцаніе. «Неприятность» под-

пялась-было изъ-за маленькой книжной этажерки, которую тянули въ двѣ противоположныя стороны до тѣхъ поръ, пока она съ трескомъ распалась на свои составныя части, и тогда тѣ части, которыя остались въ рукахъ дамы, полетѣли въ лицо мужу.

Одинъ изъ народныхъ представителей былъ противъ этого и говорилъ, что «не надо скандалить, а надо разойтись чинно и благородно»; но другой, напротивъ, находилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и сказалъ: «Если не ссориться, такъ тогда зачѣмъ и расходиться?» Мнѣ это показалось оригинально, и я послѣ побесѣдовалъ съ этимъ мыслителемъ, по выводамъ котораго «въ развратъ идти» (т. е. разлучаться) можно только «до того поругамшись, когда уже терять нельзя. Тогда и разводись. И тогда—поскандалить очень пріятно, потому что впередъ лучше и знаться не захочешь».

Это разсужденіе осталось у меня въ памяти, и я не разъ въ жизни видѣлъ, что въ немъ есть основательность.

Но, какъ бы то ни было, супруги разлучились такимъ образомъ, что взволнованный и огорченный мужъ прошипѣлъ на порогѣ:

— Желаю вамъ всего лучшаго!

А жена ему отвѣтила:

— *Diablo t'emporte*—и заперла за нимъ дверь.

Ребенокъ остался при матери и съ ними же осталась и Праша. Съ недѣлю ее всякій день можно было встрѣчать въ Таврическомъ саду, гдѣ она возила въ колясочкѣ писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила объ изгнанномъ хозяинѣ.

— Очень простой и смирднй, добрый баринъ!—говорила она и сама краснѣла, задумывалась и однажды даже заплакала.

— Вотъ это хорошо, что вы такая добрая дѣвушка,—сказалъ я.—Хорошо, что вы жалѣете человѣка. Но, впрочемъ, надо жалѣть и барыню. У нея какой-то несчастный характеръ.

— Ахъ, это точно, что жалѣть надо всякаго, но она смѣливая, а онъ ужасно какой смирднй. Ему и на волѣ тоже мало будетъ хорошаго.

И вскорѣ послѣ этого такой пассажъ, что съ дѣтскою

колясочкой въ Таврическомъ саду появилась сама мать, съ зонтикомъ и съ книгой въ рукахъ, а Праши уже не было.

Что у нихъ случилось?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Помню сѣрый, холодноватый день. Мать сидитъ и держитъ въ рукѣ волюмчикъ Таухницкаго изданія. Но чтеніе, повидимому, плохо ее занимаетъ: она роляетъ книгу и опять ее поднимаетъ, кладетъ ее на колѣни и хочетъ рѣзать листы головою шпилькой, но листы рвутся, и книга падаетъ. Она хочетъ ее поймать и попадетъ себѣ въ лицо зонтикомъ, который держитъ въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы положить его возлѣ себя и сдѣлать что нужно обѣими руками. Ребенку наскучило смотрѣть на это неуклюжество, и онъ сталъ плакать. Тогда дама бросила книгу и стала поправлять дитя, но у нея ничего не выходило. Она нагнулась пребезобразно надъ коляской ребенка и опаранала ему булавкой лицо; онъ заревѣлъ. Она ему погрозила, потомъ выхватила его и перевернула, опустивъ его внизъ головою, и, разсердясь на себя, прибила его рукой справа и слева. Ребенокъ вытянулся и зашелся въ рыданіяхъ. Двѣ близко сидѣвшія дамы, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, замѣтили матери, что ребенокъ испугался и что отъ этого можетъ случиться припадокъ. Она отвѣчала имъ, что это «не ихъ дѣло», что она «сама мать», и, быстро вставъ съ мѣста, она повезла колясочку къ выходу изъ сада, но на виду у всѣхъ попала въ колесо зонтикомъ и за одинъ пріемъ переломила въ зонтикѣ ручку и опрокинула коляску. Это ее такъ взбѣсило, что она бросила и коляску, и ребенка, и со всѣхъ ногъ упала ницъ въ траву куртины и истерически зарыдала.

Дитя, видя безуміе матери, стихло.

Нѣсколько дамъ кинулись къ ней, чтобы ей помогать, но она на нихъ напесла ужасъ своими судорогами, и дамы отступились.

Пришли садовый сторожъ и солдатъ и стали ее поднимать; но она вскрикнула: «Peste!»—и ударила ихъ обоихъ по рукамъ обломкомъ зонтика, а потомъ встала сама, посадила дитя и повезла сбоченную коляску, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который, теперь, однако, молчалъ, какъ-будто онъ понялъ, что его дѣло не шутка.

Произошло вотъ что: Праша узнала, что ея «смирный» и «простой» баринъ заболѣлъ и валяется безъ присмотра и безъ помощи, такъ что и «воды подать некому». Внутренній жаръ и истома недуга ей были знакомы, и она знала, что тутъ нужна помощь. Больше ей соображать было пачего, и она сейчасъ же бросила ребенка матери на руки и ушла служить больному. Какъ простолюдинка, она начала съ того, что она его «убрала», т. е. освѣжила его постель, вытерла самого его водой съ уксуомъ, обласкала утѣшительными словами и сварила ему бульонъ, а потомъ, когда онъ «пошелъ на поправку», онъ ощутилъ близость ея женственнаго присутствія и отблагодарилъ ее своимъ мужскимъ вниманіемъ. Это вѣдь такъ обыкновенно... Но, можетъ-быть, это ему надо поставить въ вину, особенно если онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія; но она... она «всѣмъ предалась» и ни о чемъ болѣе вовсе и не разсуждала.

— Я,—разсказывала она:—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*.

Такое сердце и такія понятія!

Но не пренебрегите пока этимъ рабскимъ сердцемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ своихъ новыхъ отношеній къ «господину» Праша не дѣлала никакого секрета, по и не бравировала ими, что со стороны «фефѣлы»—рѣдкость. Все въ домѣ у нихъ шло такъ тихо и благоприсойно, какъ будто связи и не существуетъ. Приятельскому кружку, однако, скоро стало извѣстно, что между ними установилась любовь. Узнала это и его жена, и оттого-то она и каталась по травѣ, оттого у нея все падало изъ рукъ и ломалось. И какъ она его ни порицала, «особенно *vis-à-vis d'une femme*», но измѣны она ни мужу, ни Прашѣ не подарила и вызывала ихъ обоихъ къ мировому, гдѣ былъ какой-то инцидентъ съ истерикой, и потомъ все успокоилось. Супруга взяла еще, что могла, съ оброчнаго мужа и синкла съ нашихъ глазъ, а у Праши къ году родился ребенокъ, котораго она сама кормила, а при этомъ, конечно, все мыла, шила и варила. Жили они на очень маленькія средства, и Праша тряслась за всякій грошъ, чтобы было изъ чего жить и «*посылать баринъ*». Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться одной и дожидать поздно ночью своего господина, то она

чувствовала «жуть» и тоже нашла чѣмъ себѣ помочь въ этомъ горѣ: она брала изъ пачки писательскихъ фотографій карточку Александра Дюма съ его странно кучерявою шевелюрой и начинала ее разсматривать: «тогда ей тотчасъ же становилось смѣшпо» и жуткость проходила.

Съ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* къ Некрасову писатель остался безъ работы, и у нихъ было худо; но потомъ онъ скоро былъ приглашенъ во *Всемирный Трудъ* къ доктору Хану, гдѣ работы было много, и дѣла поправились. Праша близко въ это вникала и отлично поняла, что нужно человеку при «сиѣшкѣ». Она ему все приспособила для занятій въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоявшей всего изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ въ надворномъ деревянномъ флигелѣ.

Она сдѣлала все, что позволяла ей возможность, а онъ былъ такъ не избалованъ и такъ не требователенъ, что не желалъ большаго.

— Чего же съ мнѣ еще надобно?—говорилъ онъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ.—Я теперь могу работать спокойно и дни, и ночи: мнѣ никто не мѣшаетъ, и я докажу, что значить эстетика!

У него «былъ задуманъ рядъ статей», но онѣ написаны не были. Не прошло полугода послѣ этого, какъ Гр. П. Данилевскій навѣстилъ его и нашелъ «заработавшимся до безчувствія». Данилевскій уговорилъ его немножко прогуляться,—провезъ его въ коляскѣ по островамъ, угостилъ на воздухѣ ужиномъ и отвезъ домой, сдавъ на руки ожидавшей его Прашѣ. Данилевскій былъ пораженъ худобою и усталымъ видомъ писателя и тѣмъ, что онъ какъ будто не замѣчалъ ничего окружающаго и могъ говорить только о рядѣ задуманныхъ имъ статей. Прашѣ сказали, чтобы она его непременно выпроваживала гулять, и она объ этомъ очень заботилась: звала его «въ садъ, смотрѣть звѣрушекъ», которыхъ ей будто очень хочется видѣть, но онъ не слушался и даже сердился. Зимой, продолжая такой же «безотходительный» образъ жизни, онъ ослабѣлъ, закашлялъ и расхворался, а великимъ постомъ умеръ. Праша испытала неожиданный ужасъ: она оставалась одна, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ. «Закопная вдова» усоняго сблизала случай смерти мужа съ тѣмъ, что Данилевскій передъ этимъ угостилъ его ужиномъ, и добивалась узнать, какъ

онъ возвратился домою: «sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?»—и въ то же время она вступила во все свои законныя права и получила все, что могло быть усвоено ей и ея законному ребенку. А «беззаконницъ» Прашъ и ея ребенку не досталось *ничего*. Власть, обезпечивавшая имущество покойнаго, т. е. его дрянную мебелишку и черняки недописанныхъ статей, опечатала помещеніе, гдѣ жилъ литераторъ, а Прашу, какъ прислугу, «вывели» и никому до нея не было никакого дѣла. О бѣдной Прашѣ рѣшительно никто не подумалъ; но она и въ изгнаніи не оробѣла, а провожала гробъ и показала у могилы съ твердымъ видомъ.

Такъ, пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ: мать, имѣющая дитя, *должна жить...* и она должна хорошо жить, *честно!*

Посмотримъ, какъ она это выполнить?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день послѣ похоронъ литератора Праша пришла ко мнѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и сказала:

— Не обижайтесь на меня, что я съ ребенкомъ пришла. Не на кого его оставить. Посовѣтуйте: какъ мнѣ быть?

Она меня сконфузила: я видѣлъ, что мы не сдѣлали послѣ смерти товарища самаго важнаго дѣла: мы не подумали объ этой женщинѣ и объ ея ребенкѣ, и къ этой оплошности я прибавилъ другую, еще худшую и даже достойную строгаго осужденія: я заговорилъ о томъ, чтобъ отдать ребенка, а Праша, которая стояла передо мною, отъ этого такъ страшно поблѣднѣла, что я уиросилъ ее сѣсть, и тогда она сейчасъ же заговорила:

— Отдать дитя навсегда... ни за что!.. Словъ нѣтъ, я сама виновата,—ну, все же я могу о немъ и обдумать. Въ этомъ домѣ, гдѣ я вчера уголь взяла, и мы тамъ ночевали, тамъ бабы живутъ и ходятъ шить мѣшки. И я могу шить мѣшки, но его туда съ собой нельзя брать.

Она прижала къ себѣ ребенка и залилась слезами.

У меня въ тогдашнее время не было никакихъ запасовъ, которыми я могъ бы подѣлиться, и все, что я могъ дать бѣдной Прашѣ, это было пять рублей. Я просилъ ее взять это пособіе и идти пожить на квартирѣ два-три дня, пока я испробую, нѣтъ ли возможности устроить для нея съ ре-

бенкомъ какую-нибудь новую складчину. Она, не ломаясь, взяла деньги, шопотомъ сказала:

— Благодарю васъ, постарайтесь!—и ушла.

Но стараться тогда было мудрено, и многого въ нашемъ положеніи сдѣлать было невозможно. Тогда еще не было такихъ хорошихъ литературныхъ заработковъ, какими нынче похваляются нынѣшніе молодые писатели, между которыми есть уже и капиталисты, и даже сибариты. Мы тогда работали очень много и очень старательно, но получали мы мало, а часто и вовсе ничего не получали. Сами бѣдняки, мы нерѣдко сотрудничали «изъ чести» у очень необеспеченныхъ издателей, которымъ, однако, мы считали за обязанность помогать «по сочувствію къ хорошему направленію». Нѣкоторые изъ этихъ благородныхъ предпринимателей скоро сообразили, что изъ наивнаго настроенія искреннихъ писателей можно извлечь выгоды, и они этимъ воспользовались (кто хочетъ лучше съ этимъ познакомиться, пусть прочтетъ переписку Д. И. Писарева съ Г. Е. Благовѣстовымъ).

Гончаровъ называлъ это время «грубымъ періодомъ въ литературѣ». Оно и дѣйствительно было грубовато и очень несправедливо; но тогда въ литературной средѣ встрѣчались характеры до такой степени цѣльные и строго относившіеся къ призванію писателя, что теперь даже не вѣрится, вправду ли это было, а если было, то отчего же это такъ скоро прошло? А это было! Люди бѣдствовали при своихъ ничтожнѣйшихъ заработкахъ, которыхъ, притомъ, еще часто нельзя было получить изъ тощихъ кассъ редакцій, и частенько эти люди другъ съ другомъ ссорились, по выгодѣ отъ перехода къ «чужому направленію» они не искали. Измѣнить своему знамени и перейти подъ чужое тогда иочиталось за дѣло вполне безчестное, и то, что теперь въ этомъ родѣ дѣлается безпрестанно, тогда происходило чрезвычайно рѣдко.

Благородная строгость стала ослабѣвать послѣ того, какъ «софисты XIX вѣка» замолели о томъ, что все на свѣтѣ можно защищать безъ стѣсненія, и сами стали показывать примѣръ слишкомъ «широкой жизни». Литераторы не захотѣли отстать и стали маскировать литературною независимостью.

(Тогда же начали пренебрегать и внѣшнимъ времяпро-

рожденіемъ, и въ литературныхъ домахъ стали раскрывать ломберные столы и начали играть въ карты, чего ранѣе почти всѣ стыдились).

Но возвратимся къ осиротѣлой Прашѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ огромнымъ усиленіемъ собралъ я для этихъ сиротъ двѣсти рублей. Послѣ смерти А. П. Пальма я собралъ и передать въ литературный фондъ слишкомъ двѣ тысячи рублей, но это было легче сдѣлать, чѣмъ въ прежнее время собрать двѣ сотни. Зато дамы даромъ дали совѣтъ помѣстить ребенка «на молоко» къ почтамтскимъ сторожкамъ, а матери идти служить въ прачки или въ горничныя.

Дамы обѣщали также похлопотать о ней, и такъ какъ имъ хотѣлось видѣть Прашу, то онѣ просили прислать ее на смотръ къ нимъ.

Я позвалъ Прашу и сказалъ ей, что въ моихъ рукахъ есть для ея ребенка двѣсти рублей и что ей остается теперь помѣстить дитя въ почтамтъ, а самой идти на мѣсто, о которомъ для нея постараются дамы. Я это объявилъ ей съ анлобомъ, потому что мнѣ представлялось, будто мы съ дамами превосходно обдумали ея положеніе. Праша выслушала меня со вниманіемъ и не противорѣчила, а немедленно же пошла въ почтамтъ. Но только мнѣ показалось, что она «собирала лобъ» и какъ-будто была чѣмъ-то недовольна, когда я ей изъяснялъ свои соображенія.

Вечеромъ въ этотъ же день она возвратилась и спокойно объявила, что въ почтамтѣ дѣйствительно дѣтей берутъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и что, можетъ-быть, между тѣмъ, которые берутъ, есть люди и очень добрые.

— Кого же вы выбрали?

— Пока никого... Есть тамъ двое,—отвѣчала она, глядя внизъ и покапывая по полу кончикомъ зонтика, и вдругъ заплакала.

Я ее укорилъ за то, что она отнимаетъ у себя бодрость.

— Именно,—сказала она:—но только какъ я этихъ прищуровъ еще не видала, то... я дура, фефѣла...—и она хотѣла улыбнуться, но вмѣсто того еще горче заплакала.

— Ну, и довольно!.. Больше не буду!

— И прекрасно!

— Да, не буду!

— Вотъ же вамъ десять рублей за первые два мѣсяца, а остальные ваши деньги я положу въ сохранную казну, и вы будете ихъ брать и платить за ребенка.

Тогда она взяла десять рублей и завязала ихъ въ уголокъ платка, а мнѣ отвѣтила:

— Очень вамъ благодарна, и словъ нѣтъ, что такъ насъ устроили, но позвольте, притомъ, вамъ сказать, что изъ этого очень хорошаго ничего быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что у нея перемѣнился тонъ и голосъ, и даже самая манера говорить стала иная: дѣвочки Пранш уже не было, а была молодая мать, которая увидала себя въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и вся насторожилась, чтобы найти выходъ.

— Не обижайтесь, что я скажу,—продолжала она:— я вѣдь никакихъ примѣровъ воспитанія не получила, но я не безъ понятійвъ. Позвольте сказать вамъ: два дня назадъ я думала, что я съ дитемъ совсѣмъ пропала и очень хотѣла кинуться съ нимъ за одинъ разъ въ рѣку, а теперь, когда добрые люди намъ помогли, я уже какъ оса ожила и начинаю думать, какъ неблагодарная... Дамы, конечно, очень добры, но онѣ тоже всѣ примѣры не постигаютъ.

— Пожалуйста, объясните, Пранша, что вы хотите?

— Вотъ, я за ребенка буду платить пять рублей въ мѣсяцъ. Это, скажемъ, шестьдесятъ рублей въ годъ?

— Да, шестьдесятъ въ годъ.

— Въ два года сто двадцать рублей, въ четыре—двѣсти сорокъ, ну, вотъ и всѣ... А ему будетъ всего еще пятый годъ...

— Да, вашъ расчетъ вѣренъ.

— И тогда я могу его взять къ себѣ?

— Да, можете взять.

— А кто же тогда меня съ нимъ вмѣстѣ возьметъ?

Вопросъ этотъ мнѣ показался несерьезнымъ, и я далъ ей почувствовать, что я понимаю дѣло: я сказалъ, что съ груднымъ ребенкомъ ей трудно было бы устроиться, а когда онъ будетъ по нитому году, тогда это не трудно: съ такими дѣтьми берутъ.

— Да, берутъ,—отвѣчала Пранша:— словъ нѣтъ, берутъ, только за самую дешевую цѣну. Вотъ и выйдетъ такой примѣръ, что черезъ пять лѣтъ у меня не будетъ ни копейки

денегъ и будетъ ребенокъ на рукахъ, съ которымъ мнѣ нельзя будетъ найти мѣсто съ цѣною. И я его ни во что настоящее не произведу.

— Такъ что же, какой примѣръ надо сдѣлать, по-вашему?

— Это примѣръ вовсе не глупый. Конечно, я еще молода и уже такой вредный поступокъ сдѣлала... Но я еще раньше, чѣмъ сюда въ городъ приѣхала, я съ дяденькой на нарходѣ по Волгѣ плавала... Дяденька содержали буфетъ, а я у нихъ салфетки стирала... И я это очень хорошо умѣю и вамъ вѣрно говорю, что я отличная прачка. Противъ меня даже не всякая потрафитъ отмыть красное вино или вредный соусъ, а я умѣю, и если бы деньги, которые вы собирали, вы бы мнѣ бы довѣрили, — вотъ вы бы тогда увидели, что я сдѣлаю!

— А что бы вы сдѣлали?

— А вотъ у меня здѣсь другой мой дяденька въ трактиръ вторымъ поваромъ служить и у нихъ салфеточная часть огромная. И я у него уже была и ноговорила, и онъ съ буфетникомъ поговорилъ и говорить: «Старайся, отдадимъ тебѣ».

— Что же надо постараться?

— Ивартиренку надо изъ мусорныхъ и посуду... Я зашла уже и посмотрѣла: квартира есть въ подвальномъ этажѣ и съ большою комнатою. Самое чудесное для прачечной, а въ другой, маленькой, можно жить съ дѣвушкой и съ ребенкомъ. Я бы взяла двухъ дѣвчонокъ, да сама третья стала, и всѣ бы мы пропитались, и ребенку путь показала бы.

— Не ошибитесь-ка вы, Прапа!

— Нѣтъ-съ. Я вѣдь какихъ примѣровъ не знаю, о тѣхъ не говорю, а это я вѣрно знаю, да еще я, вѣдь, секретъ умѣю, какъ красное вино можно отмыть безъ фими... И я свое дитя тогда никому бы за глаза не отдала, а сама бы его возрастила и произвела къ дѣлу. Отчего же не такъ?.. Но, впрочемъ, я это такъ говорю, а вамъ какъ угодно.

И она показалась мнѣ такою искреннею и честною, такою толковою, серьезною и надежною, что я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, то-есть я отдалъ ей всѣ деньги и сказалъ ей съ шуткою:

— Пате, Праша, и дѣлайте свои хорошіе примѣры!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Черезъ мѣсяцъ Праша пришла звать меня къ себѣ на новоселье. Я пошелъ съ другимъ моимъ, литературнымъ товарищемъ, теперь уже умершимъ (изъ всей нашей тогдашней компаніи теперь въ живыхъ остаются только трое: Тимирязевъ, Всев. Крестовскій и я). Праша устроилась хорошо: у нея была одна дѣйствительно очень большая комната, въ которой у нея стояла ея кровать и деревянная колыбелька писательскаго сына.

Въ большой комнатѣ была прачечная съ новымъ инвентаремъ, приобретеннымъ и разставленнымъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла.

Тутъ, какъ слѣдуетъ, было сыро и пахло мокрою словою клежкой и мыломъ. Въ прачечной ужъ, разумѣется, какъ въ прачечной, но въ жилой комнатѣ было и сухо, и приютно. Мы пили чай съ тремя мастерицами и Прашинымъ дяденькой, вторымъ палкинскимъ поваромъ, который привелъ съ собою еще другого второго повара изъ Балабинскаго трактира, памятнаго тѣмъ, что тамъ въ воспоминаемое время былъ особенный «литературный столикъ», за которымъ ежедневно садился пить чай П. П. Костомаровъ, книгопродавецъ Кожанчиковъ и другіе солидные и дѣловитые литературные люди, при которыхъ мы, тогдашняя молодежь, держали себя почтительно и скромно.

Повара пришли къ Прашѣ раньше насъ и выжили все имъ предложенное расчетливою хозяйкой, надымли скверными напиросками и ушли. Праша была ими очень недовольна, потому что балабинскій поваръ, узнавъ, что Праша завела свое хозяйство, пришелъ это достойнымъ своего вниманія и пришелъ съ дяденькою не просто, а съ тѣмъ, чтобы Прашу смотрѣть и потомъ се посватать и на ней жениться. Это Прашу обидѣло, и она сразу отказалась отъ жениха и очень обрадовалась, когда повара ушли, оставивъ насъ съ одиными фефѣлами. А изъ этихъ фефѣлъ одна была, въ своемъ родѣ, прелюбопытная. Это была женщина лѣтъ тридцати двухъ, которая, что называется, *всѣмъ взяла*: ростомъ, дородствомъ и красотою, а также и простою, которою одною только и можно было объяснить полунищенское положеніе этой женщины, обладавшей большою и яркою красотою. Сообразно великолѣпной наружности, у

ней было и великолѣпное имя: звали ее Зинаида Павловна, а по фамиліи она была Потемкина. Знатностью породы она, впрочемъ, не отличалась: Зинаида Павловна была мѣщанка изъ подгородней слободы того самаго города, откуда была родомъ и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ея лѣтъ на двѣнадцать, такъ что въ это время, когда Прашѣ было лѣтъ двадцать, Зинаидѣ Павловнѣ уже перевалило за тридцать. «Природы» онѣ были различной: Праша была кругленькая, боченочкомъ и носилъшлывал, а Зинаида Павловна—медлительная, величественная и авантажная; фигура у нея была чрезвычайно стройная и мощная, а лицо тонкой и яркой, но замѣчательно скромной красоты, напоминающей нѣсколько обликъ Попней-Сабины. По уму и душевнымъ своимъ свойствамъ обѣ женщины тоже совсѣмъ были не похожи одна на другую: Праша еще не созрѣла умомъ, но все замѣчала и во все вдумывалась, тогда какъ Зинаида Павловна ни о чемъ не думала. На красивомъ лицѣ всегда отражалось самое полное и самое невинное дѣтское простодушіе, граничащее даже съ уметвенною бѣдностью. При этомъ Праша была скромница, а Зинаида Павловна—болтушка, которая всегда неудержимо стремилась говорить какъ можно болѣе и въ молчаньи скучала. Словоохотливость ея была такъ велика, что она не ограничивалась произнесениемъ одного только настоящаго имени даннаго лица, а еще сама присочиняла всякому еще нѣсколько именъ. Такъ, напримѣръ, она звала: «Праша—Пахита-Пашенція! Пашокъ—мой дружокъ!» Въ другой разъ она еще варьировала и говорила: «Прасковья Пахитосовна! Прашенька! Занька бѣленькій, хвостикъ горѣленькій! Сядь, обонрись на меня лалочкой, закроюся тряпочкой, да пошелчемся!» И во всѣхъ ея словахъ, во всей манерѣ и во всей окружающей ее атмосферѣ вѣялось что-то ласковое и несчастное, доброе и безпутное.

Въ этой исторіи Зинаида Павловна должна имѣть свое мѣсто съ своею вводною исторіей, которая интересна и сама по себѣ, и по тому вліянію, какое она могла имѣть на Прашу.

Введемъ къ одной фефѣлѣ еще другую, пного склада и пного лада: ея краткая исторія представляеть въ своемъ родѣ бытовую картинку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я выше сказала, что Зинаида Павловна была уроженка подгородной слободы. Мать ея была солдатка и занималась плетеніемъ кружевъ на клюшкахъ, а отцомъ случилось быть усатому поляку, офицеру гусарскаго полка, стоявшаго въ городѣ постоемъ. Отъ этого случайнаго союза родилась писаная и несчастная красавица Зинка, которую пятнадцати лѣтъ, въ ужасный голодный годъ, тяжкая домашняя нужда, а, можетъ-быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купецъ, заплативъ за дѣвчонку деньги, взялъ съ нея, что хотѣлъ, а «остальную часть» бросилъ. Остальное это было вся ея душа и все тѣло, доставшіяся теперь на посмѣяніе людямъ.

Такъ Зинка начала страдать и пряталась отъ всѣхъ и покрывала платкомъ косу, боясь, чтобы нравственные сосѣди не вымазали ночью дегтемъ ворота у ея матери. Ея почти никто не видалъ; но если кто видѣлъ, тотъ замѣчалъ, что она «ужасно красива», и почиталъ себя въ правѣ махнуть ея на грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глодало ее горе, она все хорошилась и, наконецъ, попала на глаза пожилому саножнику, который такъ ею плѣнился, что прямо спросилъ ее:

— Пойдешь или нѣтъ за меня, если посватаю?

Дѣвушка отвѣчала:

— На мнѣ былъ грѣхъ.

— Знаю, да ничего не сдѣлать: надо помыловать. Если ты согласна, я посватаю.

Она отвѣчала:

— Я пойду.

Ей было все равно, лишь бы перестать косою трепать; но саножникъ былъ парень смѣтливый, онъ любилъ женскую красоту, да умѣлъ и дѣла дѣлать; онъ явился къ купцу и сказалъ:

— Ваше степенство! Такъ и такъ, былъ такой грѣхъ, разумѣется, не въ укоръ вашей чести, потому она дѣвушка бѣднаго званія, но я теперь хочу ее за себя взять, съ жалости, чтобы покрыть ея грѣхъ, такъ какъ ей отъ людей проходу нѣтъ, то вотъ она меня послала къ вамъ — благословить ее просить. Не обезсудьте, ваше степенство!

Купецъ былъ въ хорошемъ расположеніи и отвѣчалъ, что

«ликъ Божій» ему надъ Зинадой «держатъ зазорно», а онъ такъ просто даетъ ей сто рублей на приданое.

Сапожникъ поклонился въ ноги и, получая деньги, поцѣловалъ руку, а затѣмъ женился на Зинадѣ, разумѣется, ни слова не сказавъ ей о подаренномъ ей отъ купца приданомъ. Въ бракъ съ сапожникомъ Зинада пробыла три года. Родила трехъ дѣтей, сначала дочь, а потомъ двухъ мальчиковъ. Мужъ ея былъ человѣкъ аккуратный и чудесный мастеръ, и прошлымъ ее не урекалъ, но до того былъ ревнивъ, что даже не позволялъ ей разговаривать ни съ однимъ мужчиной. По словамъ Зинады Павловны, онъ ее ревновалъ даже «къ деревянной ногѣ» и много разъ этою же самою ногой ее билъ. Разъ она претерпѣла отъ него такое наставленіе, что ее даже сочли мертвою, и это ей досталось за то, что она похристосовалась съ своимъ роднымъ дядей.

— Но, однако,—говорила Зинада Павловна:—билъ онъ меня не даромъ, потому что я ужасно его ненавидѣла.

Когда же этотъ самый драчунъ-мужъ заболѣлъ и приступилъ умирать, то онъ сталъ такъ ужасно тосковать, что Зинада Павловна надъ нимъ разжалобилась, и когда онъ сталъ ее просить, чтобъ она «сняла образъ Курской Заступницы и поклялась, что послѣ него не пойдеть ни за кого замужъ», то она сняла Заступницу и заклалась.

Сапожникъ умеръ, а оставшаяся подъ клятвою бѣдная красавица его вдова начала оберегать свои обѣты, и хотя ее сватали нѣсколько человѣкъ, но она ни за кого замужъ не пошла, а какъ покойникъ ей ничего на дѣтей своихъ не оставилъ, то она для ихъ воспитанія *«три раза въ мамкаѣ служила»*.

Каждый изъ этихъ трехъ эпизодовъ былъ неотвратимъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Началась эти приключенія у самой могилы сапожника. Прежде чѣмъ гробъ успѣли засыпать, тутъ случился французъ-живописецъ, который видѣлъ, какъ молодая вдова стояла и плакала, держа въ растерянности одного ребенка у груди, а двухъ прижимала къ себѣ другою рукой. Французъ имѣлъ живое воображеніе и доброе сердце: онъ подалъ жещинѣ десять рублей и велѣлъ ей придти къ себѣ вмѣстѣ съ дѣтми, и чтобы всѣ они были въ этомъ же

самомъ платѣть. Они такъ и пошли, да у нихъ и не было ничего другого, чтобы надѣть на себя. Такъ французъ ихъ и «отрисоваль» на картинѣ, совсѣмъ какъ живыхъ, и велѣлъ еще и еще приходите, и всякій разъ давалъ за это по три рубля. Зинаида Павловна этимъ очень поправилась, и боялась только, что доходъ ея прекратится, какъ только кончится «рисовка». Однако, окасеніе ея было напрасно,— «рисовка» кончилась, а благополучное соотношеніе не прекратилось, но только лишь перемѣнилось. Какъ скоро французъ кончилъ одну картину, онъ «дѣтей отставилъ», а матери сказалъ: «Теперь, *chère ami*, мы будемъ дѣлать другую фигуру». И онъ велѣлъ ей приходите одной и пересодѣваться у него въ очень нарядный крестьянскій уѣбрь, послѣ чего она должна была брать въ руки снопы соломы, путаные васильки и серпъ, и такъ она стояла, пока онъ произвелъ еще одну картину, которая стояла на одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ съ надписью: «*Devouschka krapivouscou jala*». Но и послѣ этого французъ продолжалъ ее поддерживать и доставлялъ ей съ дѣтьми, чтò имъ было нужно, но зато она была беременна... и Богъ вѣсть для какой надобности. Къ счастью, однако, Богъ далъ, что это вышло прекрасно: у живописца ее часто видѣлъ одинъ генераль, большой любитель всего хорошаго, и онъ уже давно сталъ ей подмигивать глазки, но тогда французъ его оставилъ и сказалъ:

— *Chacun à son tour, mon général! Chacun à son tour!*

И когда пришелъ его «tour», генераль сказалъ Зинаидѣ Павловнѣ, чтобы она не робѣла, что его жена тоже въ такомъ же положеніи, и если Зинаида пожелаетъ, ее охотно могутъ взять въ мамки, при чемъ генераль обѣщаль тоже размѣститъ въ пріюты ея дѣтей, которыхъ теперь было уже четверо.

Зинаида Павловна пошла въ генеральскій домъ мамкою, а французъ пошелъ съ свободными руками.

— *En attendant vive l'amour et vive la bagatelle!*

Генераль по добротѣ и простотѣ тоже былъ не хуже француза, но, кромѣ того, онъ былъ и человекъ могущественный и устроилъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ Зинаиды Павловны, а зато и его дитя было прекрасно выкормлено, но незадолго передъ тѣмъ временемъ, когда ребенка надо

было отнимать отъ груди, генеральша уѣхала въ Пинцу къ больному отцу, а генераль самъ наблюдалъ за порядкомъ въ дѣтской, и результатомъ этого вышло, что бѣдная Зинаида Павловна опять пострадала, поднавъ своею ужасной судьбѣ, которая не хотѣла дозволить, чтобы ей хоть что-нибудь сошло безъ послѣдствій. Генераль, впрочемъ, тоже ее «не оставлялъ», а она, дождавшись своего времени, поступила въ мамки на третье мѣсто, гдѣ опять, на ея несчастіе, по субботамъ брали въ отпускъ кадетика. И тогда Зинаида Павловна на себя разсердилась и въ четвертый разъ въ мамки уже не пошла, потому что, по ея соображеніямъ, «въ семейныхъ домахъ жить невозможно». А въ это самое время осиротѣла ея племянница Праша и стала заводить себѣ прачечную. Зинаида Павловна пришла къ ней и предложила жить вмѣстѣ.

— А то со мною просто ужаси что случается!

Праша ей отвѣтила:

— И лучше!

И вотъ мы увидали ихъ вмѣстѣ, бокастенькую, дѣловитую Прашу хозяйкою, а вальяжную и величественную Зинаиду Павловну ея правою рукою.

Что эти женщины могутъ управить «прачечное заведеніе», въ этомъ можно было не сомнѣваться, но какъ онѣ стануть управлять сами собою — объ этомъ можно было гадать на двое. Но, однако, прошелъ годъ, и онѣ обѣ держали себя въ порядкѣ. Изрѣдка я встрѣчалъ Прашу на улицѣ, по чаще видѣлъ ее въ окно, какъ она гладила съ мокрымъ отъ пота лбомъ и простиралась по гладильной доскѣ не только обѣими руками, но даже взбиралась на нее и колѣномъ. Видѣ она всегда имѣла дѣловой, бодрый и озабоченный.

Зинаида Павловна работала спрехвала: она не любила каленаго утюга, а больше «прыскала да складывала».

Одинъ разъ въ теченіе перваго года ихъ хозяйства я заходилъ посмотреть на литераторскаго наслѣдника и засталъ его въ отличномъ положеніи: онъ ползалъ по полу настоящимъ савкулотомъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, и махалъ деревянною ложкой, а неподалеку отъ него катался горшокъ съ пшениною кашей. Всякъ ли еще имѣлъ въ дѣтствѣ такое благополучіе!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло два и три года. Дѣло у Праши приняло значительные размѣры и жилось имъ вѣсьмъ хорошо: стирали и «салфеточное», и всякое другое бѣлье уже на нѣсколько гостиниць, и вѣсь ими были довольны. Особенно славилась ихъ блестящая выводка пятенъ «безъ фимін». Секрета своего противъ пятенъ краснаго вина Праша никому не открывала. Онъ, очевидно, былъ очень важенъ, хотя, по ея словамъ, онъ состоялъ «изъ самыхъ послѣднихъ пустяковъ».

Хорошо или дурно быть такою секретницей, объ этомъ она не думала, да ей это «съ тѣмъ было и открыто, чтобы другимъ не говорить». Это надо соблюсти, иначе никому не будетъ дѣйствовать.

Упомянутое достопримѣчательное средство «показала» ей одна бѣдная барынька на пароходѣ: она была изъ бѣдныхъ полячекъ и ѣхала къ мужу въ Сибирь, а мужъ у нея, до ссылки его, содержалъ трактиръ, и удивительно въ чемъ провинился: къ нему пришли бунтари и говорятъ:

— Мы, братъ, голодны, давай ѣсть, а то повѣсимъ.

Онъ имъ не сталъ подавать, а они сами взяли, поѣли и ушли. Тогда пришли наши и спрашиваютъ:

— У тебя ѣли?

Онъ говорить:

— Да,—все взяли и съѣли!

Наши его побили и посудили, и въ Сибирь сослали. Ему и тамъ хорошо.

Полячка на пароходной палубѣ стыла съ своими ребятами. Праша надъ нею сказала и услужила ей киняткомъ, просушила ихъ обувь и платинко и «простирула» дѣтское бѣльничко, а полячка ей за это и сказала секретъ. Вотъ онъ ей теперь и пригодился.

Одно одолѣвало Прашу, что она безграмотна; за это она укоряла своихъ родителей:

— Зародятъ насъ, да такъ безграмотными фефѣлами и пустятъ: вотъ мнѣ теперь надо много счетовъ, а писать не кому.

Появился какой-то писарь, человекъ среднихъ лѣтъ, по имени Аурѣль Ивановичъ. Онъ былъ полякъ, но состоялъ счетчикомъ въ русской артели, гдѣ его имя «Аврелій» переводили по-русски въ «Аурѣль». Онъ былъ человекъ трез-

вый, разсудительный и чрезвычайно учтивый. Держать онъ себя съ большимъ достоинствомъ: не унижался и не лѣзъ на фамильярность. Праша его приговорила придти къ ней и писать ей «счета», а онъ былъ тронуть ея скромностью и не хотѣлъ съ нею ничего брать за эти занятія, но Праша этого не приняла. Она знала, что женщинамъ даромъ ничего не дѣлають, и примѣръ въ этомъ была у нея Зинаида Павловна, которую теперь безпокоили дѣти, начавшія выходить изъ пріютовъ. Француза и генерала уже и слѣдъ простылъ.

Черезъ годъ ея старшую дѣвочку шестнадцати лѣтъ уже выдали замужъ за молодого артельщика, съ которымъ ихъ сосваталъ Апрѣль Ивановичъ. Что за милый человекъ! Зинаида Павловна была очень ему благодарна и называла его Апрѣль Мартычемъ, а дочери своей дала въ благословеніе всѣ образа, какіе у нея были, оставивъ себѣ всего только одну Курскую Заступницу. Кроме того, она сдѣлала ей нѣсколько соответствующихъ случаю совѣтовъ и особенно велѣла ей первой ступить на подножье и топнуть ногой, когда будетъ идти «Павла чтеніе». Сбирала невѣсту и выдавала ее Праша, которая тоже хвалила Апрѣля Иваныча за его «учливость» и особенно за то, что онъ «о сиротѣ позаботился». Такъ нравился онъ и другимъ женщинамъ, съ которыми ласково говорилъ и въ свободное время читалъ всѣмъ *Телемака*.

Праша думала, что онъ «къ нимъ привьется», и именно насчетъ Зинаиды Павловны, которая всѣмъ нравилась. Правда, что она не работница, но, вѣдь, зато какъ хороша! Пусть женится: она имъ поможетъ, вмѣстѣ жить будутъ. Но вдругъ все это повернулось иначе, и Праша пришла ко мнѣ въ neodолимомъ смущеніи и истерическимъ тономъ заговорила:

— Я, право, не знаю... такое обрѣтеніе... Апрѣль Ивановичъ меня замужъ просить.

И какъ это сказала, такъ сѣла и заплакала.

— Что же вы, идете или нѣтъ?

— Да я и не знаю.

— Стало-быть, идете.

— Нѣтъ, не знаю, а, во-первыхъ, онъ такой учливый, и сироту-дѣвушку устроилъ, а, во-вторыхъ, моего мальчика любитъ и имъ *Пеленака* читаетъ, да, идите-ка, еще сколько

у него и другихъ книжекъ, и самъ онъ несчастный, потому что, вѣдь, никакой у него близкой души нѣтъ. Это же правда истинная! Я долго не вѣрила и другія мнѣ тоже говорили: «Повѣрь, это онъ къ тебѣ подлецается, потому что у тебя свое хозяйство, а всѣ поляки лстивые»; но это же, вѣдь, глупость, и я этому никогда ни за что не повѣрю, потому что есть всякіе люди въ каждомъ народѣ; но когда по веснѣ мой мальчикъ заболѣлъ при смерти, такъ Апрель Ивановичъ надъ нимъ ночей не спалъ, и теперь дитя его, можно сказать, больше меня любить.

— Это васъ къ нему и расположило?

Прана хотѣла сказать что-то коротко и откровенно, но вмѣсто того онять заморгала со слезами и истерично отвѣчала:

— Я этого не понимаю... не знаю, что именно! А только онъ же одинъ понялъ, что дитя талого отца, что надо ему открыть всѣ попятія. Вотъ я его за это... не знаю, какъ уважаю!

И она хотѣла еще что-то изъяснить, но онять заплакала.

— Такъ и прекрасно,—говорю,—вы, Праненька, и выходите.

— Вы совѣтуете?

— Да что же! Отчего нѣтъ?

Она помолчала, потупивъ глаза внизъ, и, покраснѣвши, прошептала:

— Отчего же мнѣ это... какъ будто стыдно?

— Вы развѣ обѣщали не выходить?

Она покачала головою и отвѣчала:

— Покойникъ объ этомъ никогда не говорить.

Она остановилась, вздохнула и добавила:

— Вѣдь это тогда... все только я его обожала и себя не помнила за это счастье, а онъ только такъ...

— И Курской Заступницѣ вы не клялись?

— Нѣтъ,—отвѣчала она съ тихою улыбкой и сейчасъ же онять вздохнула и еще сквозь слезы добавила:—Я вѣдь ничего не утѣла, я сказала: «Апрель Ивановичъ! словъ нѣтъ, что я очень вами за все благодарна и могу слѣдовать; но только съ кѣмъ я это дитя получила, то у меня тотъ человекъ посейчасъ въ сердцѣ, и я послѣ него ни для кого уже особенныхъ чувствъ не нахожу». А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Значить, если и я помру, хорошо дѣлавили, то

вы и обо мнѣ хорошо вспомните». Тутъ ужъ я взволновалась и говорю: «Что же вы это такъ себя сокрушаете: сами сватаетесь и сами себя хороните?» А онъ говоритъ: «Смерти никогда забывать не слѣдуетъ». А я говорю: «Ну, ужъ это нѣтъ... Послушайте, это такъ вовсе не надо... Станьте рядомъ, да давайте скорѣе лучше помолимся, вы по своей вѣрѣ, а я по своей: пусть чтò намъ Богъ дастъ, то и будетъ».

И когда они помоллись, то Богъ имъ далъ то, что они сдѣлались мужемъ и женою.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Апрѣль Ивановъ оказался прекраснымъ человѣкомъ: онъ нѣжно любилъ скромненькую Прашу и удивительно заботился о «писательскомъ сыиѣ». Онъ завелъ въ домѣ вечерній кружокъ у чайнаго стола и всѣмъ здѣсь читалъ *Телемака*, поясняя изъ него, что люди живутъ вовсе не такъ, какъ бы надобно жить. Къ этому же у него служили *Павелъ и Виргинія*, а самъ для себя онъ читалъ еще болѣе забористыя вещи, какъ-то: *Оправданіе Сократова* и *Слово похвальное Марку Аврелію*. А затѣмъ въ жизни со всѣми былъ ласковъ, и простъ, и любезенъ.

У Праши съ Апрѣлемъ родилось еще двое дѣтей: мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагенчка. Зато изъ домашняго штата Праши стала выбиваться Зинаида Павловна, съ которою опять начались «туры», и причиною ихъ были дѣти и жасмины. Выше было сказано, что дѣти удивили Зинаиду Павловну тѣмъ, что они начали подрастать одно вслѣдъ за другимъ, чего мать ихъ совсѣмъ не ожидала и совершенно растерялась отъ этой неожиданности. Она дѣлала все, что могла: плакала и молилась на колѣняхъ, но дѣти все-таки оставались «безъ предѣла», а у самой Зинаиды на заплаканныхъ глазахъ, которымъ, кажется, надо бы померкнуть и ввалиться, вмѣсто того выскакивали ужасные ячмени или, какъ она ихъ называла, «жасмины». Чтобъ избавиться разомъ отъ жасминовъ и отъ дѣтей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую отраву и даже разъ выпила пузырекъ нашатырнаго спирта и произвела въ домѣ дворовый скандалъ: въ прачечную набѣжали жильцы, въ числѣ которыхъ былъ длинный нѣмецъ «Анлетонъ», занимавшійся починкою плетеной мебели, и гимназистъ, кото-

рый занимался передъ окномъ вышивкою и потому назывался «Пропилей». Они оба приняли участіе и бѣгали въ аптеку, а потомъ все стали попадаться Прашѣ на глаза и, наконецъ, подрались на лѣстницѣ. На другой день сухая и жилистая жена «Аплетона» нагло заглянула въ окна прачечной и сказала: «люхи!» А бабушка «Пропилея», встрѣтивъ Прашу, сообщила ей, что она «своего» будетъ записать, а вы-де «свою» обуздайте.

Апрѣль Иванычъ не вмѣшивался, но его стали тревожить почками движенія у двери, и разъ опъ тамъ нашелъ Зинаиду Павловну, которая ему прямо, но странно сказала:

— Что, Апрѣль Мартычъ? Очень мнѣ, другъ милый, чего-то скучно!

И она такъ сжала ему руку, что точно хотѣла его куда-то увлечь за собою.

Отъ Праши это осталось скрытымъ, и Зинаида Павловна изрѣдка только посматривала за двери и говорила, что ей какъ-то все «кошкой пахнетъ».

Праша смотрѣла на нее и отвѣчала:

— Смотри, у тебя это болѣзнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Задавались чрезвычайно безпокойныя ночи, когда коты совсѣмъ не знали покоя сами и не хотѣли позволять спать людямъ: они мяукали, скреблись, прыгали, падали съ высоты внизъ и опять царапались вверхъ и, настигая другъ друга, дрались такъ, что сыпалась шерсть, и затѣмъ вновь паденіе и вновь бѣготня. Эта возня такъ безпокоила жильцовъ, обитавшихъ въ квартирахъ, имѣвшихъ одинъ выходъ, что то изъ одного, то изъ другого жилья среди ночи отворялись двери и оттуда или кто-нибудь мануль домой своего кота, или же чья-нибудь негодующая рука швыряла что попало, чтобы испугать и разогнать полуночниковъ. Такъ было и въ тотъ разъ, когда Апрѣль Иванычъ, придя изъ бани, легъ поранѣе и хотѣлъ уснуть покрѣче, а вмѣсто того опъ и совсѣмъ не могъ заснуть отъ повторяющагося за дверями шума. Опъ всталъ и при свѣтѣ лампадки увидѣлъ, что былъ второй часъ ночи, но на лѣстницѣ за дверью нѣтъ-нѣтъ и опять раздавалось движеніе.

«Что за наглые негодяи!»—подумалъ Апрѣль и, сунувъ ноги въ туфли, схватилъ лучишшую корзину съ остатками

мелких углей и подкрался къ двери съ тѣмъ, чтобы быстро ее растворить и швырнуть корзинкой въ котовъ, какъ только они зашевелиятся ближе.

Ему и не пришлось долго ждать, потому что немедленно же учинился шумъ и съ лѣстницы внизъ что-то слетѣло и замѣшалось у двери. Апрѣль Иванычъ сію же секунду быстро толкнулъ дверь, но какъ она оказалась едва притворенною, то онъ не соразмѣрилъ силы съ сопротивленіемъ, самъ выпалъ наружу и очутился съ своею корзинкой на грязномъ полу въ кучѣ съ «Прошлеемъ» и «Аплетономъ», которые извивались, тормоша одинъ другого за кудри, между тѣмъ какъ чья-то свободная нога наступила на самого Апрѣля и въ открытую дверь его квартиры скользнула женская фигура.

Апрѣль Иванычъ догадался, что это была Зинаида, и возвратился домой очень сконфуженный, испачканный углемъ и съ порядочнымъ ушибомъ въ колѣнѣ.

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, обтерся и легъ, не сказавъ ни слова женѣ ни въ первую минуту, ни тогда, когда Праня черезъ полчаса встала съ кровати, надѣла юбку и кофту и прилегла на коротенькомъ диванчикѣ. Еще черезъ нѣкоторое время она тихонько встала и слышными шагами пошла къ той же двери, отъ которой отошелъ ей мужъ. Но Праня была осторожнѣе Апрѣля Иваныча: она ощутила крючокъ двери и нашла, что онъ откинутъ, тогда она тихо отодвинула дверь и сейчасъ же ухватила своею рукою руку Зинаиды Павловны и потащила ее къ себѣ, но та сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться, и на этотъ шумъ съ верхней площадки сразу слетѣли двѣ фигуры и сразу схватились другъ съ другомъ. Это опять были они: Аплетонъ и Прошлей.

Праня отлично ихъ узнала и еще рѣшительнѣе вцѣпилась въ Зинаиду и втащила ее назадъ, а на дверь наложла крючокъ.

Теперь Зинаида шла безъ сопротивленія и, придя въ свою комнатку, тихо свла на кровать и закрыла лице руками.

Праня хотѣла тотчасъ же выйти, но Зинаида Павловна сама ее удержала.

— Что же ты уходишь?—спросила она.—Лучше теперь и ругай, ужъ кстати!

— Да какъ ты это выходишь, что тебя даже вовсе не слышно?.. Этакъ насъ обокрадутъ.

— Ну, и что жъ дѣлать?

Зинаида ткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что мнѣ тебя стыдно.

— Что жъ, я тебѣ не мать и не сестра, а племянница...

— Это все равно... Зачѣмъ ты замужъ пошла? Пока ты не выходила, и я жила прелестно, а теперь вотъ... поползло и поѣхало.

— Что же, я тебѣ помѣшала жить?

— Скучно стало.

— Отчего?

— Сама не знаю: погляжу на васъ—и скучно, а лягу—спать не могу.

— Отчего же это?

— Не знаю. Сначала дремота, и спать хочу, а потомъ вдругъ какъ котъ... и отъ кота буркота...

— Молилась бы на ночь.

— Извольте!.. Еще какъ и молюсь! И батюшкѣ все говорила, и онъ все, все, все мнѣ разъяснилъ, какъ это и называется, что блюдь и что прелюбдѣянiе, но все это ничего не значить! Встань, пожалуйста, на стулъ—задержи занавѣской Заступницу.

— Не хочу.

— Итъ, сдѣлай милость, закрой Ее!

Праша встала и задернула образъ ситцевой занавѣской.

Тогда Зинаида Павловна ее спросила:

— Возьми, пожалуйста, достань тамъ сткляночку...

— Неужели еще итъ станешь?

— Да итъ, что за глупости!.. Тамъ богоявленская вода... Сбрызни меня скорѣе, сбрызни!

— Не хочу!—отвѣчала Праша и, махнувъ рукой, сирывала со стула, чтобы уйти, но Зинаида Павловна схватила своею рукою ее руку и удержала.

— Что это съ тобой?—спросила сконфуженно Праша.

— Вотъ сдѣлала такъ и ничего болѣе... Не пуцуй!

— А я съ тобой говорить не хочу.

— Отчего? Послушай!.. Отчего?

— Для чего ты двухъ держишь!

— Кто ихъ держитъ! Проклятые!.. одинъ другому шагу ступить не даютъ.

— Да ужъ остановись на чемъ-нибудь!

— Да какъ же я могу на одномъ остановиться, когда я ихъ только и вижу, какъ они вдвоемъ другъ съ дружкой сражаются!

— За что сражаются?

— Ну, что разспрашивать!

— Нѣтъ, окромя всякихъ шутокъ?

Но Зинаида плакала и, вмѣсто разъясняющаго отвѣта, поцѣловала племянницу руку и опять проговорила:

— Вотъ и ничего болѣе!

— Ну, и прощай!

— Да, и прощай, Пахита, прощай!

А когда Праша подошла къ двери, она ее окликнула и еще разъ сказала:

— Прощай же, Пахита, прощай!

Праша не придавала этому прощанію никакого особеннаго значенія, а такое значеніе здѣсь было, потому что на другой день Зинаида Павловна, никѣмъ не замѣченная, исчезла изъ дома племянницы и уже никогда болѣе къ ней не возвратилась.

Дѣтей своихъ она поручала Апрѣлю Иванычу, который и въ самомъ дѣлѣ устроить, что требовалось. Зинаида Павловна отозвалась Прашѣ изъ Кіева: «Не думай, будто я отъ своихъ дѣтей убѣжала,—писала она,—это несправедливо; но меня обидѣлъ фершелъ, который давалъ не того лѣкарства отъ жасминовъ, и я не захотѣла оказать себя при замужней дочери, чтобъ ей не было стыдно».

Прашу и замужнюю дочь Зинаиды Павловны это пзвѣстіе очень разсердило. Дочь говорила: «иустъ къ намъ и не возвращается»; но Апрѣль Иванычъ заступался за «слабую женщину», и это познакомило Прашу съ подозрительностью и ревностью, подѣ влияніемъ которыхъ она находила большое утѣшеніе въ томъ, что такая «слабая женщина» отъ нихъ отѣхала.

Съ этихъ поръ прошло пять лѣтъ жизни тихой и совершенно счастливой, и когда писательскій сыякъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, Апрѣль Иванычъ вдругъ сталъ собираться къ роднымъ въ свою «полянскую сторону» и, несмотря на многія неудобства, уѣхалъ туда грустный, а воз-

вратился еще грустнѣе, и какъ разъ въ это самое время пришло ужасное письмо отъ Зинаиды Павловны, возвѣщавшей Прашѣ, что она живетъ тѣмъ, что чистить ягоды для варенья, и что Богъ тогда же давно далъ ей «двойку за разъ, мальчика и дѣвочку».

Прашѣ показалось, что это что-то сверхъестественное и не къ добру.

— Какъ это... женщина уже за сорокъ лѣтъ, и столько уже было дѣтей, и потомъ еще вдругъ сразу рождается пара! Это къ несчастью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Праша поскорѣе послала въ Кіевъ «на зубокъ» десять рублей, но не написала родственницѣ никакого письма. Ей было не до того: Апрель Ивановичъ возвратился въ Петербургъ изъ своей стороны какой-то разстроенный и съ такою скрытною скорбью, что Праша въ этомъ не могла разобраться и понять: въ чемъ дѣло завестись. Одно время она подумала, не получилъ ли онъ какихъ-нибудь невыгодныхъ для нея сравненій, и сейчасъ же подумала, чего ей можетъ въ его глазахъ недоставать, и нашла это. Разъ, утромъ, когда Апрель Ивановичъ, по своему обычаю, внимательно осматривалъ и пристегнулъ ранецъ къ плечамъ уходившаго въ гимназію писателяскаго сына, Праша походила за мужемъ съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, сказала:

— Апрель Ивановичъ! вы не думайте, что я другой вѣры... я за вами послѣдую.

Онъ растрогался и поцѣловалъ у нея руку, и сказалъ, что ничто такое не нужно, и ничего безпокойнаго нѣтъ.

— Ну, а на всякій случай,—продолжала Праша:—вы это знайте... Мы нигдѣ не пропадемъ.

Но Апрель Ивановичъ опять увѣрилъ ее, что ничего нѣтъ. Праша успокоилась и отвѣчала:

— Значитъ и слава Богу. Только руки моей, пожалуйста, никогда не цѣлуйте.

— Отчего?

— Я этого не стѣю.

— Не стѣйте!.. Вы сами не знаете, чего вы стѣите!

— Ну, оставимъ это!.. Я не привыкла... Право, голубчикъ, не надобно... Я устыждаюсь... Я лучше васъ просто такъ поцѣлую... потому что я васъ теперь вѣдь люблю...

Что вы съ недовѣріемъ сметрите?! Гл.ть, это вѣрно, вѣрно! Я не солгу, ни за что не солгу... Вотъ, когда вы со мною женились, я васъ тогда еще не любила, я вамъ такъ и сказала, что «уважать васъ я уважаю, но особенно не люблю», потому что тогда еще другой человекъ у меня всѣмъ моимъ сердцемъ командовалъ, а теперь...

— Неужли вы его позабыли?

— Нѣтъ!.. Ахъ, нѣтъ, другъ мой! Нѣтъ! А только, извините жъ меня, вѣдь если мы объ этомъ заговорили, то я должна правду сказать: теперь я ни о немъ, ни о васъ порознь не думаю, а оба вы вмѣстѣ для меня какъ будто въ одно слились... Право, это правда, правда, истинная правда! Онъ, вы, я—это будто совсѣмъ все одно, и это что было тогда, и что сейчасъ есть, и что дѣти рождаются—это какъ-то какъ будто мимо уплываетъ.

Апрѣль все ее благодарилъ и успокаивалъ, но она видѣла, что онъ самъ не спокоенъ, и она спрашивала его про родину: гдѣ живетъ его сестра? Нельзя ли послать ей пять фунтовъ кофею? Правда ли это была, будто у нихъ наши взыскивали съ тѣхъ, кто своихъ покормить?

Апрѣль Ивановъ отвѣчалъ жепѣ «будто какъ изъ-подъ пелюхи», и вдругъ забредилъ о какой-то огромной артельной растратѣ, которую будто онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Но никакой артельной растраты не было, а Апрѣля Иваныча пришлось отвезти въ сумасшедшій домъ. Пасынокъ о немъ страшно скорбѣлъ, и скорбь его перешла въ страданіе, когда его превосходный вотчимъ векорѣ же умеръ, истерзанный мучительною тревогой.

Вотъ вамъ и Зинаида Павловна и ея «двоешка»!

И съ какой стати, и для чего ей было нужно писать о всѣхъ такихъ происшествіяхъ въ Петербургъ? Чистила бы себя въ Кіевѣ ягоды—и кончено! Да и Праишъ некогда и нѣтъ никакой надобности разсуждать о пустякахъ. У нея теперь уже не одинъ сынъ, а *тросъ дѣтей*, а кормилица у нихъ опять одна она, безграмотная фешела, и начальство ей не поможетъ.

Въ тотъ же день, какъ схоронили Апрѣля Иваныча, литераторскій сынъ сталъ писать для матери ея прачечные счета и наблюдать, какъ читаютъ мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеечка.

Дѣла у Праши были опять по-старому: черезъ годъ еще

пошли въ школу и Абрамчикъ съ Пелагенчкой, а когда они тамъ подучились, ихъ отвели: Абрамчика къ дядѣ повару, а дѣвочку Пелагенчку поставили крахмалить и гладить. Другой карьеры имъ не намѣчалось, но старшій ихъ братъ, «литераторскій сынъ», все еще учился и достигъ того, что «вышелъ на лѣкаря». Мать преисполнилась восторгомъ, что это она вывела, и не знала, что бы такое сдѣлать, чтобы дать ходъ своему сердцу. Она вспомнила о Зинаидѣ и рѣшила съѣздить въ Кіевъ «отблагодарить Бога» и посмотрѣть, что тамъ дѣлаетъ Зинаида. Можетъ-быть, ей худо и она стыдится придти назадъ. Надо ее обласкать и увезти къ себѣ и жить съ нею вмѣстѣ... И надо это поскорѣе: нельзя откладывать примиренія, — смерть такъ и ходить.

Праша отправилась въ Кіевъ, ощущая въ себѣ приливъ теплаго и вѣрнаго чувства; переѣзжая Днѣпръ, она любовалась видомъ и плакала, а на другой день пошла въ пещеры и, какъ прачка, замѣтила, что вездѣ бы все надо помыть. Въ тотъ же день она пошла искать по Кіеву Зинаиду Павловну, но не могла ее найти: ни въ одномъ кофетномъ заведеніи ее не знали. Прашѣ только случайно удалось нанастъ на слѣдъ Зинаиды Павловны черезъ посредство послушниковъ монастырской гостиницы, которые всѣ ее знали; но путь къ ней былъ не простъ. Послушники указали Прашѣ на двухъ лицъ, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ значительное положеніе. Это были два такъ-называемые старца, которые сидѣли на сходахъ лѣстницы съ чашками, прося подаванія. Одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Ереней, а другой кривоустый Игнаша. Они просили милостыню, но были люди очень достаточные и даже имѣли въ городѣ домъ. Зинаида была у нихъ «за хозяйку».

Праша своимъ ушамъ не вѣрила, но это была правда: она пошла размысливать Зинаиду и нашла ее, ибо она дѣйствительно находилась въ хозяйкахъ у двухъ старцевъ, изъ которыхъ только одинъ могъ видѣть благообразіе ея лица, именно Игнатъ «кривоустый», а «слѣпецъ» Ереней могъ цѣнить лишь другія ея достоинства.

На хлѣбахъ у старцевъ Зинаида Павловна еще раздобрѣла и потеряла отъ лѣтъ только въ томъ отношеніи, что у нея вышло много волосъ и она облысла; но зато она теперь обвизала себѣ голову яркимъ, полосатымъ плат-

комъ и ходила, какъ святочная туркннн, что опять ей было очень къ лицу и дѣлало ее интересною.

Если бы ее увидалъ въ этомъ уборѣ давннй ея обожатель, французъ, то въ немъ, навѣрное, опять могла бы заиграть его художественная фантазiя, и онъ могъ бы выпустить новое произведенiе, достойное и его, и Зинанды Павловны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обѣ фефѣлы встрѣтились на порогѣ и были такъ изумлены, что обѣ сначала молчали дольше, чѣмъ было пристойно друзьямъ, а потомъ хотя и заговорили, но ихъ разговоръ оказался безъ толка.

Хозяйка спросила гостью:

— Ахъ, это ты?.. Ну, скажите, пожалуйста! Праша, Прашенцiя!.. Входи же скорѣе!

Праша вошла и тотчасъ же сѣла. «Туркннн», повязанная фулиромъ, ей не нравилась. А та продолжала спрашивать:

— Какъ же ты поживаешь? Апрельъ Иванычъ померъ... Что, братъ, подѣлалась! Я за него подавала на часточку. Хотя онъ и не нашей вѣры, но это можно. Раздѣвайся, Прашенцiя!

А Праша слушала Зинанду Павловну и смотрѣла на нее, а сама удивлялась, отчего у нея до сихъ поръ все такая же пышная и бѣлая шея, и Праша сказала:

— А что у тебя теперь твои ячмени уже не бываютъ?

— Бываютъ!—отвѣчала Зинанда Павловна.—А ты стала совсѣмъ пожилая!

— Еще бы! Сынъ уже на лѣкаря вышелъ. Твои дѣти тебѣ кланяются.

— Охъ, не говори мнѣ про дѣтей!

— Отчего?.. Все хорошо.

— Все равно... Какая я мать!

— Ничего. Богъ дастъ, будетъ ипаче.

— Нѣтъ, ужъ поздно!

Праша очень хотѣла продолжать разговоръ, но имъ не о чемъ было болѣе говорить и никакого примѣненiя для тѣхъ ибжныхъ чувствъ, съ которыми вѣхала Праша, не оказывалось. Зинанда Павловна потчивала Прашу тѣмъ и другимъ и водила ее по дому, показывала, гдѣ спить слѣ-

пой и гдѣ кривоустый. Домъ былъ не маленькій, и у всѣхъ свои помѣщенія. У слѣпого было немножко грязновато, но опть вѣдь ничего не видитъ, а у кривоустаго все было совсѣмъ какъ у хорошаго купца: и образникъ, и конторка. Спальня Зинаиды Павловны была вся застлана тюменьскимъ ковромъ и въ ней стоялъ преобладающей образникъ, въ которомъ срединное мѣсто занимала ея Курская Заступница. Передъ этою образницей горѣли три лампады, а напротивъ въ углу за пологомъ взбита большущая перица, уложенная на такой высокой двуспальной кровати, что для входа на нее приставлена была у ногъ скамейка. Кровать была крѣпкая, но оляновато выкрашенная темно-зеленою масляною краской съ розами на столбикахъ.

Зинаида Павловна стала показывать гостѣмъ свое мастерство, котораго она прежде не знала.

Праша увидала глубокія тростниковыя корзины, полныя разноцвѣтныхъ лоскутьевъ плису, манчестеру и иныхъ матерій. Изъ всего этого Зинаида Павловна съ дѣвочкой шили шапочки, которыя старцы продавали. Зинаида Павловна стала перечислять, какъ это выгодно. «Миѣ, — говорила она, — лоскутки посятъ жидавки, а онѣ берутъ этъ шитьицы, а гдѣ тѣ достаютъ, я ужъ того дѣла не знаю».

— Крадутъ, — сказала Праша.

— Не знаю; но только я у нихъ на полтницу куплю, а нашу шапочекъ на пятьдесятъ рублей...

Разговаривая такимъ образомъ, Зинаида Павловна водила Прашу по дому, показывая ей то за одною, то за другою дверью боковуши, чуланцы и кладовушечки, а сама участливо се спрашивала:

— Ну, а какъ же ты сама, моя милая Пашенція, въ разсужденіи того прочаго?.. Или еще въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ все вдовѣешь по-настоящему?

— Ну, а то какъ же еще!.. Разумѣется, вдовѣю.

— Ахъ, мой другъ, въ «разумѣется» еще иногда что-нибудь «подъ» — разумѣвается.

Праша услышала въ этихъ словахъ что-то «несвойственное» и застычиво сказала: «Еще что выдумай побезстыжѣ!»

А какъ Зинаида Павловна въ отвѣтъ на это захохотала, то Праша метнулась отъ нея въ сторону и налегла рукою

на какую-то дверь, которая легко растворилась и открыла небольшую свѣтлую комнату съ широкимъ мягкимъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ по-турецки, заложивъ нога на ногу, здоровнѣйшій мужчина съ косматою головою, въ длинномъ, черномъ одѣяніи, перестянутомъ широкимъ ремнемъ по здоровому чреву.

Передъ нимъ на столѣ стояли графини, бутылки, тарелки, табакъ и папиросныя гильзы, а въ рукѣ у него была гитара, и когда Праша его увидала, ей показалось, что онъ одновременно, заразъ пользовался всѣми своими способностями, т.-е. пилъ, жевалъ, курилъ и игралъ на гитарѣ, а вдобавокъ, увидавъ обѣихъ женщинъ, простеръ къ нимъ свои радушныя объятія и весело крикнулъ:

— Ходите обѣ до купы!

Праша метнулась назадъ и съ гнѣвомъ отшвырнула Зинаиду Павловну, которая какъ будто хотѣла отрѣзать ей отступленіе, — и она задрожала и спутала у себя въ головѣ всѣ соображенія, кромѣ того, что тутъ ужасно и опасно. А Зинаида Павловна, какъ всегда равнодушная къ тому, что къ массѣ ея грѣховъ обнаружился еще одинъ грѣхъ, доброжелательно убѣждала свою вдовствующую племянницу:

— Брось-ка ты свои лоханки, Прашенція, и оставайся здѣсь, я тебя съ душеполезнымъ монахомъ познакомлю.

Но этого Праша такъ испугалась, что сейчасъ же начала прощаться, а когда Зинаида еще хотѣла ей что-то показывать, она отвѣтила:

— Нѣтъ, пусть скорѣй, мнѣ у тебя страшно.

— Да чего-о?

— Не знаю... я испугалась, — и она ушла, такъ нелѣпо простившись, что ничего не сказала о дѣтяхъ и не жалѣла, что не говорила ни о чемъ дѣльномъ.

— Я почему-то вдругъ поняла, — говорила она: — что чѣмъ говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить, лучше молчать.

Она осталась только еще на одинъ день, чтобы посмотреть, «какъ Владиміра памятнику церемонію дѣлаютъ», и, увидавъ, какъ въ престрашный жаръ нѣсколько солдатъ въ мундирахъ упали замертво на мостовую, совсѣмъ разстроилась и уѣхала на сѣверъ. По дорогѣ въ вагонахъ успокоилась и стала размышлять, что ей еще нельзя

быть въ толпѣ, что она человѣкъ тихій и ей нужна тишина. Дѣти ея на ногахъ и у всѣхъ у нихъ есть свой умъ и ремесло; ей уже можно теперь пожить для себя.

— А какъ для себя хорошо пожить! Я этого, вообразите, во всю жизнь никогда не думала, а тутъ вдругъ какъ будто кто-то точно стоитъ въ потемочкахъ въ уголкѣ вагона и мнѣ напоминаетъ, что хотя я прожила въ большомъ счастьи, но я вѣдь мужа съ женой разлучила, что объ этомъ забывать худо, а лучше думать объ этомъ!

И это ей сдѣлало пользу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Одинъ великій человѣкъ сравниваетъ нашу жизнь на землѣ съ положеніемъ пассажировъ, ѣдущихъ на кораблѣ, который совершаетъ далекое плаваніе. Кормчій пускаетъ ихъ погулять по острову, къ которому пристало судно, но даетъ всѣмъ наставленіе не отходить далеко и спѣшить назадъ на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходитъ недалеко и помнитъ о своемъ кормчемъ, тотъ не протѣваетъ его сигнала и посидѣть въ свое время, и поплыветъ далѣе, а кто заберется далеко и тамъ расположится, какъ дома, тотъ или совсѣмъ сигнала не услышитъ, или если и услышитъ, то не успеетъ приближаться на корабль, а останется на этапномъ островѣ, гдѣ ему казалось, что тутъ его настоящее жительство, и тогда такъ и придется ему оставаться на островѣ съ дикарями, которые готовы поѣсть другъ друга.

Праша, очевидно, ходила не дальше того, откуда она могла услышать то, что ей надо было слышать, чтобы не жить съ дикарями.

Первою примѣтой, что до слуха Праши долетѣлъ отзывающій звукъ, было то, что она стала равнодушна къ такимъ вещамъ, на которыя раньше всегда обращала вниманіе. Она всегда любила быть въ аккуратѣ, и вдругъ начала выходить на улицу въ пальто, надѣвтомъ въ одинъ рукавъ, или вовсе въ накидку, «по-генеральски».

Это замѣтили лавочники и дворники и говорили:

— Преудивительно, никогда такъ не ходила; всегда, бывало, идетъ въ аккуратѣ, а теперь одну руку въ одинъ рукавъ всунетъ, а другую забудетъ и еще локоть подопрегъ, — совершенно старій генералъ поиззетъ.

Ей объ этомъ шутя говорили, но она какъ будто не понимала даже, о чемъ рѣчь, и продолжала «ходить по-германски», а потомъ стали замѣчать, что она перестала возражать и спорить, и на многое старалась «смотреть мимо», и потомъ вдругъ перестала бояться крысъ, мертвыхъ и грозы и ничего рѣшительно не желала, кромѣ тихаго уединенія, котораго ищутъ околѣвающія животныя.

Она сдала свое заведеніе и на вырученныя маленькія деньги купила себѣ маленькое хозяйство въ Финляндіи, гдѣ обмывала и обинивала выкармливаемыхъ крестьянами подкидышей воспитательнаго дома.

Отъ здѣшней ли тишины, или отъ чего другого, въ умѣ Пранни стали проявляться понятія, какихъ прежде не было: сообразно перемѣнѣ понятій, она измѣнила и свои отношенія къ тому, до чего это касалось. Такъ, напримѣръ, она не только не хотѣла говорить что-либо во вредъ людей того края, гдѣ стала жить, — это дѣлаютъ и другіе, кому законность и порядокъ пріятнѣе произвола и безпорядка, — но она утратила всякій вкусъ къ похвалѣмъ и неохотно пріѣзжала изъ своей избы въ Петербургъ. Зато она имѣла то, чего разумно искала: покой.

Одной неугомонной Зинаидѣ Павловнѣ суждено было дѣлать послѣднія испытанія духовнаго и умственнаго роста Пранни. Престарѣлая красавица была угнетаема потребностью дѣлаться своими усѣхами въ свѣтѣ и неожиданно прислала неграмотной Праннѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что изъ двухъ кievскихъ старцевъ Зинаиды Павловны одинъ, слѣпой, вышелъ изъ ихъ компаніи и, найдя себѣ въ Кіевѣ племянницу, уѣхалъ съ нею жить въ Воронежъ, а зато другой старецъ, «кривоустый», такъ Зинаидѣ поклонился, что «поженился на ней законнымъ бракомъ». Зинаида Павловна, съ одной стороны, была очень рада, что теперь она опять замужняя, а съ другой — она боится, какъ бы ей не было наказанія отъ Бога за то, что она поклялась не выходить замужъ послѣ своего перваго мужа.

Пранна не хотѣла ей отвѣчать на это.

— Если бъ я сама умѣла писать, я бы ей написала, что уже какъ мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, то мнѣ въ это время всѣ источники жизни должны затвориться.

Сосѣднія сироты-дѣти и чухны Праншу скоро узнали и полюбили, и она ихъ тоже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ чухонъ у Праши даже завелся одинъ пріятель: это былъ бѣднѣйшій старикъ Авель. Онъ жилъ, какъ гномъ, въ какой-то земляной норѣ, и Праша его спервоначалу даже немножко пугалась. Низенькій кривоногий и косматый и, притомъ, очень старый, но черноволосый, безъ сѣдины; одѣтъ всегда въ овечьей курткѣ черной шерстью вверху, а штаны изъ кожи. Днемъ онъ сидѣлъ надъ своею ямкой и плетъ кошени, а самъ пѣлъ, все что-то пѣлъ, а ночью опять выползалъ и долго-долго бродилъ между большими камнями, а потомъ взлѣзалъ на камень и дремалъ. Праша скоро узнала, что старый Авель человѣкъ не страшный, и перестала его бояться. А потомъ спросила его: что онъ поетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Сальми.

— А зачѣмъ сидишь наружѣ ночью?

— Лушаю.

— Что же ты слушаешь?

— Чехо усами услышать нельзя.

«Должно-быть, онъ помѣшанный», — подумала Праша, а выходить изъ избушки и сидѣть наружѣ и ей понравилось. — «Сидишь въ тишинѣ и до того утихнешь, что вдругъ что-то слышишь: точно какъ-будто Апрель Ивановичъ *Пеленака* читаетъ».

— Авель! — говоритъ Праша: — я у васъ научилась сидѣть на дворѣ ночью.

— Хоросо... сити!

— А для чего вы, Авель, вокругъ камня ходите?

Авель не понялъ и замоталъ головою.

— Для чего вы на другую сторону все смотрите?

Авель понялъ, какъ хотѣлъ, и отвѣчалъ:

— И ты смотри на другую сторону!

И Прашѣ понравилось, что Авель говоритъ о небесномъ: какъ смотрѣть «на другую сторону жизни».

Ей стало пріятно смотрѣть, какъ чухонскій дохматый Авель старается услышать слухомъ слышимое и заглянуть на сторону невидимую, и она стала выходить ночью и недолгу сидѣть съ Авелемъ здѣсь между камнями. Сурово, строго и свѣжо какъ въ воздухѣ, такъ и на душѣ. И ка-

питанская труба съ судна нѣтъ-нѣтъ да и раздастся разъ отъ разу зычнѣе.

Наконецъ, была даже Прашѣ нанвысшая радость: отъ нея совсѣмъ отступилъ блѣднолицый страхъ смерти. Но жизнь иногда еще трогала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разъ Праша получила письмо; она отгадала, что это отъ Зинанды Павловны, и спрятала его до свиданія со мною. Письма Зинанды Павловны Праша понимала за небезопасное по своему содержанію, соблазнительное чтеніе, которое могло смущать неопытныя души. И то, которое находилось теперь въ ея рукахъ, было такое же: отцвѣтшая красавица начала его привѣтомъ «Пашѣ-Прашѣ-Иашенціи», а потомъ извѣщала, что, Богъ даль, она овдовѣла, и теперь уже «по батюшкиному благословенію опредѣлилась въ монастырь», гдѣ начальницею та самая дама, у которой Праша «мужа отбила».

Праша поблѣднѣла и вздрогнула. Я хотѣлъ прочесть дальѣе про себя, но она оправилась и просила читать вслухъ.

Зинанда описывала, какъ эта дама стала теперь «жизни высокою» и можетъ обо всемъ говорить по-христіански, и сынъ у нея грубиянъ, живетъ съ актерами, но она его простила и Прашу простила. Но тутъ Праша перебила и сказала:

— Ну, вотъ, и я ее простила.

— Это хорошо.

— Я ее давно простила. Она тогда мнѣ за три мѣсяца жалованья не отдала. Это бы намъ на хлѣбъ годилось, но я это-то ей и простила, но только не стоило бы намъ съ нею объ этомъ вспоминать нынче.

Кромѣ начальницы, Зинанда писала, что «есть у нихъ въ обители много разныхъ святынь, но много и искушеній», такъ что Зинанда Павловна «днемъ молится, а ночью иногда котомку шьетъ и бѣжать хочетъ; но какъ только ударяютъ къ заутренѣ, дьяволъ отъ нея отлетаетъ», а «скоро она уже приметъ ангельскій чинъ, и тогда ей уже нѣтъ и не будетъ возврата въ міръ земной, гдѣ все искушеніе». Но хотя сама Зинанда и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прашу, и по любви своей къ ней увѣщаетъ ее, чтобы она скорѣе одумалась и, отложивъ всѣ заботы, укры-

лась въ обитель. «Здѣсь станемъ жить съ тобою въ одной кельѣ и вмѣстѣ умолять Всевышняго за весь грѣшный родъ человѣческій».

— Ня! — воскликнула Праша и еще сильнѣе поблѣдила.

— Что вы хотите сказать?

— Не читайте болыше.

Но тутъ старушка Праша живо взяла изъ моеѣ руки письмо красавицы, разорвала его на мельчайшія части и бросила ихъ въ топившуюся печку. Потомъ мы просидѣли нѣсколько минутъ тихо, и послѣ я ей сказалъ:

— Не надо сердиться.

— Я и не сержусь, — отвѣчала Праша: — а то она мнѣ совѣтуетъ замужъ, то къ монаху, то самой въ монахини. Какой безпокой! А мнѣ хорошо.

И она сама разсказала мнѣ, какъ она ходитъ въ темнотѣ между камнями и говорить съ Авселемъ или читаетъ одна «Отче нашъ». Теперь уже она вовсе не боится смерти и всегда чувствуетъ одну радость.

Авель ей натолковалъ:

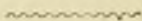
— Ты нечего-та не пойма-та!.. Онъ-то тебя посове-та!.. Дѣ тѣбѣ нато-го, ты тамъ-то и будешь!

— И знаете, — закончила Праша: — я такъ и чувствую, что я тамъ, гдѣ мнѣ надо.

Она ласково улыбалась и какъ бы ждала, чтобы я ей что-нибудь возразилъ, но я молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Праша и совѣмъ «ушла въ другое мѣсто». Разъ утромъ навели дверь ея избушки широко открытую, а тѣло хозяйки лежало на камнѣ, и на устахъ у нея было нѣсколько капель крови, съ которою жизнь улетала изъ ея разорваннаго сердца.

Такъ кончила своѣ воспитательный курсъ на землѣ эта фефѣла, которая мнѣ кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершеншила въ земной жизни, но въ этомъ ей ничего не помогъ ни литераторъ, котораго она любила, ни простой человѣкъ, который ее любилъ. Но она была хороша для всѣхъ, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца. Если бы писатель жилъ долго, я думаю, что онъ бы ея наскучилъ, и она окончила бы свою жизнь гораздо хуже.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Извѣстный военный писатель генераль Ростиславъ Андреевичъ Фаддеевъ, долго сопутствовавшій покойному фельдмаршалу Барятинскому, рассказывалъ мнѣ слѣдующій забавный случай.

Прѣвзжая съ Кавказа въ Петербургъ, князь однажды почувствовалъ себя въ дорогѣ нездоровымъ и позвалъ доктора. Было это, если я не ошибаюсь, кажется, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Докторъ осмотрѣлъ больного и нашелъ, что опаснаго въ его состояніи ничего нѣтъ, а что онъ просто утомился и ему необходимо отдохнуть одинъ день безъ дорожной качки и тряски въ экипажѣ.

Фельдмаршалъ послушался доктора и согласился остановиться въ городѣ: но станціонный домъ былъ здѣсь прескверный, а частнаго помѣщенія, по непредвидѣнности такого случая, приготовлено не было. — Явились неожиданныя хлопоты: куда помѣстить на сутки такого именитаго гостя.

Пошла суета да бѣганье, а нездоровый фельдмаршалъ тѣмъ временемъ помѣстился въ почтовой станціи и улегся на грязномъ диванѣ, который для него только чистою простынею покрыли. Между тѣмъ вѣсть объ этомъ событіи, разумеется, скоро облетѣла весь городъ и всѣ военные побѣжали поскорѣе чиститься и парадиться, а штатскіе—сапоги наваксили, вѣски приномадили и столпились противъ станціи на другомъ тротуарѣ. Стоять и фельдмаршала высматриваютъ, — не покажется ли въ окно?

Вдругъ, ни для кого неожиданно и негаданно, одинъ

человѣкъ всѣхъ сзади распахать, выскочилъ и побѣжалъ прямо на станцію, гдѣ фельдмаршалъ на простынѣ, на грязномъ диванѣ лежалъ, и началъ кричать:

— Я этого не могу, во мнѣ голосъ природы воздымается!

Посмотрѣли на него всѣ и подивилися: что за нахаль такой! Мѣстные обыватели всѣ этого человѣка знали, и знали, что санъ у него не великъ — такъ какъ онъ былъ не штатскій, не военный, а просто смотрителюшка при какомъ-то мѣстномъ маленькомъ интендантскомъ или комисариатскомъ запасѣ, и грызъ вмѣстѣ съ крысами казенные сухари да подошвы, и такимъ манеромъ себѣ какъ разъ черезъ дорогу противъ станціи хорошенькій деревянный домикъ съ мезониномъ нагрызъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибѣжалъ этотъ смотритель на станцію и проситъ Оаддеева, чтобы непременно о немъ доложить фельдмаршалу.

Оаддеевъ и всѣ другіе стали его отговаривать.

— Зачѣмъ вамъ,—это совсѣмъ не требуется и никакого пріема чиновъ тутъ не будетъ, — фельдмаршалъ здѣсь только для временнаго отдыха отъ своей усталости и, какъ отдохнуть, опять уѣдетъ.

А интендантскій смотритель на своемъ стоитъ и еще болѣе воспалился, — проситъ, чтобы непременно о немъ князю доложили.

— Потому что я, говорить, — не славы ищу и не почестей, а въ томъ самомъ видѣ именно и предстою, какъ вами сказано: не по службѣ, а по усердію моему ему благодарности, такъ какъ я всѣмъ на свѣтѣ князю обязанъ и теперь во всемъ моемъ благоденствіи, голосомъ природы возбуждаемъ, желаю ему благодарно долгъ отдать.

Его спросили: — а въ чемъ вашъ долгъ природы заключается?

А онъ отвѣчаетъ:

— Таковъ мой долгъ благодарной природы, что князю здѣсь въ казенной неоприятности нехорошо отдыхать, а у меня какъ разъ отсюда визави домъ, свой домъ съ мезониномъ, и жена у меня изъ лѣмокъ, домъ нашъ содержится въ чистотѣ и оприятности, то у меня для князя и для васъ есть на мезонинѣ комнаты свѣтлыя, чистыя, вездѣ на всѣхъ окнахъ занавѣски бѣлыя съ кружевами и па чистыхъ по-

стеляхъ тонкое бѣлье полотняное. Я желаю съ большимъ радушіемъ принять у себя князя, какъ отца родного, потому что я всё въ жизни ему обязанъ и безъ того отсюда не пойду, чтобы ему не было доложено.

Такъ онъ настойчиво на этомъ стоялъ и не хотѣлъ уходить, что фельдмаршалъ изъ другой комнаты услышалъ и спрашиваетъ:

— Какой это шумъ? Нельзя ли мнѣ доложить: о чемъ такой разговоръ слышно?

Тогда Фаддеевъ все доложилъ, а князь пожалъ плечами и говорить:

— Рѣшительно не помню, какой-какой это человѣкъ и чѣмъ онъ мнѣ обязанъ; а, впрочемъ, посмотрите его комнаты, которыя онъ предлагаетъ, и если онъ лучше этой лачуги, то я приглашеніе его принимаю и за безпокойство ему заплачу. Узнать — сколько хочетъ?

Фаддеевъ пошелъ мезонинъ у интенданта осмотрѣлъ и докладываетъ:

— Помѣщеніе очень спокойное и чистота необыкновенная, а про плату хозяинъ и слышать не хочетъ.

— Какъ такъ, и отчего? — спросилъ фельдмаршалъ.

— Говоритъ, что онъ много вамъ обязанъ и голосъ природы его побуждаетъ за счастье выразить вамъ долгъ благодарности. А иначе, говоритъ, — если платить хотите, то я и дверей своихъ открыть не могу.

Князь Барятинскій засмѣялся и этого чиновника похвалилъ.

— Однако, я замѣчаю, говоритъ, — онъ молодецъ и съ характеромъ — это въ нашей сторонѣ стало рѣдко, и я такихъ людей люблю: вспомнить, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ, и не могу, но къ нему перейду. Давайте вашу руку и идемъ отсюда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перешли улицу и... во дворъ; а у калитки уже фельдмаршала встрѣчаетъ самъ смотритель, — прищипанъ, прищипанъ, на всѣ пуговицы застегнутъ и съ лицомъ самымъ радостнымъ.

Князь какъ оглянулся вокругъ — видитъ все чисто, свѣтло сіяетъ, за палисадникомъ зелень веселая и розы въ цвѣту. Князь и самъ развеселлся.

Спросилъ: — какъ хозяйка зовутъ?

Тотъ отвѣчалъ, что въ родѣ Филиппъ Филипповъ Филипповъ.

Князь продолжаетъ съ нимъ разговоръ и говорить:

— Очень у тебя хорошо, Филиппъ Филиппычъ, — и мнѣ нравится; только одного я никакъ припомнить не могу: гдѣ и когда я тебя встрѣчалъ или видѣлъ, и какое я тебѣ могъ одолженіе сдѣлать?

А смотритель отвѣчаетъ:

— Ваша свѣтлость меня очель видѣли, а когда, — это если забыли, — то послѣ объяснится.

— Зачѣмъ же послѣ, когда я сейчасъ тебя хочу вспомнить.

Но смотритель не сказалъ.

— Прону, говорить, — у вашей свѣтлости прощенія: если вы сами этого не вспомнили, то я сказать не смѣю, но голосъ природы вамъ скажетъ.

— Что за вздоръ! какой «голосъ природы», и отчего ты самъ сказать не смѣешь?

Смотритель отвѣчаетъ: «такъ, не смѣю», и глазами испугался.

А тѣмъ временемъ они пришли на мезонинъ, и здѣсь еще лучше чистота и порядокъ: полъ весь мыломъ вымыть и хвостомъ натерть такъ, что свѣтится. по серединѣ и вдоль всей чистенькой лѣстницы посланы бѣлыя дорожки, въ гостиной диванъ и на кругломъ переддиванномъ столѣ большой поливанный кувшинъ съ водою и въ немъ букетъ изъ розъ и фіалокъ, а дальше — спальная комната съ турецкимъ ковромъ надъ кроватью, и опять столикъ и графинъ съ чистой водою и стаканъ, и снова другой букетъ цвѣтовъ, а еще на особомъ столкѣ перо, и чернильница, и бумага съ конвертами, и сургучъ съ печатью.

Фельдмаршалъ сразу окинулъ все это глазомъ и очень ему понравилось.

— Видно, говорить, — что ты, Филиппъ Филиппычъ, человекъ полированный, знаешь, что какъ слѣдуетъ, и я тебя, дѣйствительно, какъ будто гдѣ-то видѣлъ, но не могу вспомнить.

А смотритель только улыбается и говорить:

— Не извольте беспокоиться: черезъ голосъ природы это все объясни

Барятинскій разсмѣялся:

— Ты, говоритъ,—братецъ, послѣ этого и самъ не Филиппъ Филипповичъ, а «голосъ природы»,—и очень этимъ человѣкомъ заинтересовался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Легъ князь въ чистую постель—ноги и руки вытянулъ, и такъ хорошо ему стало, что онъ сразу же задремалъ: проснулся черезъ часъ въ прекрасномъ расположеніи, а передъ нимъ уже стоитъ прохладный шербетъ вишневый и этотъ самый хозяинъ просить его выкушать.

— Вы, говоритъ,—на лѣкарства медиковъ, ваша свѣтлость, не полагайтесь, а у насъ природа и вдыханіе атмосферы пользуютъ.

Князь весело ему отвѣчаетъ, что все это, говоритъ, очень хорошо, но я тебѣ долженъ признаться—я у тебя прекрасно спалъ, но, чертъ меня возьми, и во снѣ все думалъ: гдѣ же я тебя видѣлъ, или никогда не видалъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, говоритъ,—вы извелили очень хорошо меня видѣть, но только совершенно въ другомъ видѣ природы и потому теперь не признаете.

Князь говоритъ:

— Хорошо, пусть такъ: но теперь здѣсь, кромѣ меня и тебя, никого нѣтъ, если же тамъ въ сосѣдней комнатѣ кто есть—то вышли всѣхъ ихъ вонъ, пусть на лѣстницѣ постоятъ, а ты мнѣ откровенно скажи безъ всякой секретности: кто ты такой былъ и въ чемъ твоя преступная тайна,—я могу тебѣ обѣщать выпросить прощеніе и обѣщаніе свое исполню, какъ есть я истинный князь Барятинскій.

Но чиновникъ даже улыбнулся и отвѣчалъ, что за шумъ ровно никакой провинной тайности нѣтъ и никогда не было, а онъ не смѣетъ только «скопфузить» князя за его непамятливость.

— Такъ и такъ, говоритъ,—я вашу свѣтлость за ваше добро постоянно помню и на всѣхъ молитвахъ поминую; а нашъ государь и вся царская фамилія постоянно кого разъ видѣли и замѣтили—того ужъ цѣлый вѣкъ помнить. Потому дозвольте, говоритъ,—мнѣ вамъ словесно о себѣ ничего не вспоминать, а въ свое время я все это вамъ въ ясныхъ примѣтахъ голосомъ природы обнаружу—и тогда вы вспомните.

— А какое же ты къ этому средство имѣешь голосомъ природы все обнаруживать?

— Въ голосѣ природы, отвѣчаетъ,—все средства есть.

Князь улыбнулся чудаку и говоритъ:

— Это твоя правда,—сказалъ князь:—забывать скверно, и нашъ государь и царская фамилія, дѣйствительно, удивительно какіе памятливые; но у меня память слабая. Не снимаю съ тебя воли, дѣлай какъ знаешь, только я желаю знать: когда же это ты будешь мнѣ свой голосъ природы обнаруживать. потому что я себя теперь въ твоёмъ домѣ уже очень хорошо почувствовалъ и послѣ полуночи, холодкомъ, хочу выѣхать. А ты мнѣ долженъ сказать: чѣмъ тебя наградить за мой покой, который я у тебя имѣлъ,—потому что на это уже таковъ есть мой обычай.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я до полуночи успѣю вашей свѣтлости вполне весь голосъ природы открыть, если только вы въ разсужденіи моей награды не откажете мнѣ то, что я составилю себѣ за драгоценнѣйшее.

— Хорошо,—отвѣчаетъ князь:—даю тебѣ свое слово, что все, о чемъ попросишь, я тебѣ сдѣлаю, но только не проси невозможнаго.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я невозможнаго просить не стану, а у меня такое желаніе больше всего на свѣтѣ, чтобы вы явили мнѣ протекцію, сонли ко мнѣ въ нижніе покои и сѣли съ нами за столъ и что-нибудь скушали, или даже хоть просто такъ посидѣли, потому что я нынче справляю мою серебряную свадьбу послѣ двадцати пяти лѣтъ, какъ я на Амаліи Ивановнѣ женился по вашему милосердію. А будетъ это къ вечеру въ одиннадцатомъ часу; въ полночь же, какъ вамъ угодно, вы можете благопристойно холодкомъ выѣхать.

Князь согласился и слово далъ, но только все-таки опять никакъ не могъ вспомнить: что это и откуда этотъ человѣкъ, и отчего онъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ женился на Амаліи Ивановнѣ по его милосердію?

— Я даже съ удовольствіемъ пойду на ужинъ къ этому чудаку,—сказалъ князь:—потому что, онъ меня очень занимаетъ; да и не правдѣ сказать: мнѣ самому что-то помнится, не то насчетъ его, не то насчетъ Амаліи Ивановны, а что

именно такое — припомнить не могу. Подождемъ голоса природы!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Къ вечеру фельдмаршалъ совсѣмъ поправился и даже ходитъ гулять съ Оаддеевымъ, — городъ посмотрѣлъ и закатомъ солнца полюбовался, а потомъ, какъ возвратился домой въ десять часовъ, хозяинъ уже его ждетъ и къ столу просить.

Князь говорить:

— Очень радъ, сейчасъ приду.

Оаддеевъ пошутилъ, что это даже и кстати, потому что онъ послѣ прогулки почувствовалъ аппетитъ и очень хотѣлъ стѣвть, что тамъ Амалія Ивановна наготовила.

Барятинскій опасался только того: не посадилъ бы его хозяинъ на первомъ мѣстѣ и не сталъ бы подавать много шампанскаго да потчивать. Но всѣ эти опасенія были совершенно напрасны: смотритель и за столомъ показалъ столько же пріятнаго такта, какъ и во всѣ предыдущіе часы, которые князь провелъ въ его домѣ.

Столъ былъ накрытъ пеголовато, но просто; въ зальцѣ, очень просторномъ, сервировка опрятная, но скромная, и зажжены два черные чугунные канделябра прекрасной французской работы, въ каждомъ по семи свѣчей. А вино стоитъ хорошихъ сортовъ, но все мѣстное, — но между ними толстопузенькія бутылочки съ ручными надписями.

Это — наливки и водицы разныхъ сортовъ и превосходнаго вкуса, и малиновыя, и вишневыя, и изъ крыжовника.

Сталъ смотритель гостей разсаживать, и тоже опять показалъ свою ловкость: не повелъ князя въ конецъ стола къ хозяйскому мѣсту, а усадилъ его гдѣ тотъ самъ хотѣлъ — между адъютантомъ князя и прехорошенькой дамочкой, чтобы было фельдмаршалу съ кѣмъ сказать и короткое слово, и любезностями къ пріятному полу заяться. Князь съ дамочкой сразу же очень разговорился: онъ интересовался, откуда она и гдѣ воспиталась и какое въ такомъ далекомъ уѣздномъ городѣ находитъ для себя развлеченіе?

Она ему на всѣ его вопросы отвѣчала очень смѣло и безъ всякаго жеманства, и открыла, что больше всего, будто, чтеніемъ книгъ занимается.

Князь спрашиваетъ: какія она книги читаетъ?

Она отвѣчаетъ: Поль-де-Кока романы.

Князь засмѣялся:

— Это, говоритъ,—веселый писатель, и спрашиваетъ:—
Что же вы именно читали: какіе романы?

Она отвѣчаетъ:

— «Кондитеръ», «Мустангъ», «Сестра Анна» и прочіе.

— А своихъ русскихъ писателей не читаете?

— Нѣтъ, говоритъ,—не читаю.

— А почему такъ?

— У нихъ мало свѣтскаго.

— А вы любите свѣтскосъ?

— Да.

— Почему же это такъ?

— Потому, что мы о своей жизни сами все знаемъ, а то интереснѣе.

И тутъ говоритъ, что у нея есть братъ, который сочиняетъ романъ изъ свѣтской жизни.

— Вотъ это любопытно!—сказалъ князь.—Нельзя ли хоть кемпозко видѣть, что онъ тамъ пишетъ?

— Можно,—отвѣчала дама, и на минуточку встала и принесла небольшую тетрадку, въ которой Барятинскій, взглянувъ только на первую страницу, и весь развеселился и подалъ ее Оаддееву, сказавши:

— Посмотрите, какъ бойко пачато!

Оаддеевъ посмотрѣлъ на первыя строки свѣтскаго романа, и ему стало весело.

Романъ начинался словами: «Я, какъ свѣтскій человѣкъ, встаю въ двѣнадцать часовъ и утренняго чаю дома не пью, а ѣзжу по рестораламъ».

— Чудесно?—спросилъ Барятинскій.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ Оаддеевъ.

Въ это время всѣ развеселились, а хозяинъ всталъ, поднялъ вверхъ бокалъ съ шипучимъ цимлянскимъ и говоритъ:

— Ваша свѣтлость, прощу вашего позволенія, ко всеобщему и моему удовольствію, въ сей драгоценный для меня день, дозволить мнѣ изъяснить: кто я такой и откуда и кому исѣмъ, что имѣю къ своему благоденствію, обязанъ. Но не могу и этого изложить въ хладномъ словѣ человѣческаго голоса, такъ какъ я ученъ на самыя мелкія деньги,

а разрешите мнѣ во всемъ законѣ моего естества при всѣхъ торжественно испустить гласъ природы!

Тутъ уже настало время самому фельдмаршалу сконфузиться, и онъ до того смѣшался, что нагнулся внизъ, будто хотѣлъ салфетку поднять, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, не знаю, что ему сказать: что это онъ такое спрашиваетъ?

А дамочка, его сосѣдка, щебечетъ:

— Не бойтесь, разрешайте: ужъ Филиппъ Филипповичъ дурного не выдумаетъ.

Князь думаетъ: «Э, была—не была,—пусть испущаетъ голосъ!»

— Я такой же гость, говорить,—какъ и всѣ прочіе, а вы хозяинъ—дѣлайте, что вы хотите.

— Благодарю всѣхъ и васъ,—отвѣчаетъ смотритель и, махнувъ головою Амаліи Ивановнѣ, говорить:—иди, жена, принеси что ты сама знаешь собственными твоими руками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Амалія Ивановна вышла и идетъ назадъ съ большою, ярко отполированою мѣдною валторною, и подала ее мужу; а онъ взялъ, приложилъ трубу къ устамъ и весь въ одно мгновенье перемѣнился. Только-что надулъ щеки и издалъ одинъ трескучій раскатъ, какъ фельдмаршалъ закричалъ:

— Узнаю, братъ, тебя, сейчасъ узнаю: ты егерскаго полка музыкантъ, котораго я за честность надъ илутомъ интендантѣмъ присматривать посылаю.

— Точно такъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ хозяинъ.—Я вамъ этого напоминать и не хотѣлъ, а сама природа напомнила.

Князь обнялъ его и говоритъ:

— Вышейте, господа, всѣ вдругъ тостъ за честнаго человека!

И изрядно-таки выпили, а фельдмаршалъ совсѣмъ выздоровѣлъ и ухмалъ чрезвычайно какой веселый.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ

XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старинны.

РАЗСКАЗЪ.

«Наше историческое развитіе
шло по-своему».

Н. Данилевскій.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящему разсказу о дѣлахъ, происходившихъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ, необходимо предпослать нѣсколько строкъ вмѣсто предисловія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1882 годъ на первомъ мѣстѣ было начато печатаніемъ изслѣдованіе Вакха Гурьева, подъ заглавіемъ: «Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіе пролога XVIII-го вѣка». Авторъ этого изслѣдованія, Вакхъ Гурьевъ, былъ православный священникъ и происходилъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, близко знавъ дѣла этого обширнаго азіатскаго края, онъ сдѣлалъ себѣ въ литературѣ извѣстность нѣсколькими достойными вниманія изслѣдованіями о сибирской старинѣ. Изслѣдованіе Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ» тоже обѣщало представить очень живой историческій и этнографическій интересъ; любопытство, возбужденное появленіемъ статьи въ московскомъ журналѣ, не было, однако, вполне удовлетворено, потому что изъ всего изслѣдованія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатано только три главы, а остальное обѣщано впродѣ,

по продолженія не было. Не было продолженія этой статьи и ни въ какомъ другомъ изданіи, а въ законченномъ въ 1892 году трудѣ В. И. Межова: «Сибирская библиографія» (№ 6972), «Исповѣдный штрафъ» Вакха Гурьева прямо показанъ неоконченнымъ *).

Свѣдѣніе это надо считать наибольшимъ, для котораго излишни были бы повѣрки, но и онѣ были сдѣланы и принесли тѣ же самые результаты: большая исторія, описаніе коей было начато по документамъ и живымъ, устнымъ рассказамъ и повѣстямъ, остается въ зачаточномъ положеніи, безъ развитія и безъ конца, а потому и не приводитъ читателя ни къ какому опредѣлительному выводу и заключенію.

Была ли рукопись этого изслѣдованія доведена Вакхомъ Гурьевымъ до конца — неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и причина, по которой печатаніе «Исповѣднаго штрафа» было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прервано и не окончено. Можетъ-быть, это зависѣло отъ неблагоприятныхъ для литературной работы условій въ положеніи самого автора, который въ это время перемѣнилъ мѣсто и, перейдя на службу въ Царство Польское, умеръ въ Калишѣ 24 іюля 1890 г.

Случай даетъ теперь возможность изложить это дѣло во всей его полнотѣ и законченности, хотя и безъ тѣхъ частныхъ, которыми располагалъ Вакхъ Гурьевъ, знавшій Сибирь по личнымъ наблюденіямъ и пользовавшійся рассказами другихъ старожиловъ.

Случай же этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ С.-Петербургѣ жилъ и здѣсь же не такъ давно скончался извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, генераль-маіоръ Веніам. Ів. Асташевъ, съ которымъ я былъ знакомъ и отъ котораго подарены мнѣ нѣсколько копій съ дѣловыхъ бумагъ, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я сталъ ихъ просматривать лѣтомъ прошлаго года, то увидалъ, что въ нихъ есть очень значительная доля того матеріала, который встрѣчается въ обработанномъ видѣ въ изслѣдованіи Вакха Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ»

---

* «Сибирская Библиографія», Вл. Изм. Межова (Изданіе П. М. Сибирякова, Сиб. 1892 г.), содержащая въ себѣ «Указатель книгъ и статей о Сибири».

XVIII-го вѣка», и что матеріалъ этотъ не ограничивается тѣмъ, что пошло уже въ начало изслѣдованія Гурьева, а идетъ дальше сплошною и неразрывною цѣлью событій до тѣхъ поръ, пока дѣло кончается въ тридцатыхъ годахъ истекающаго нынѣшняго столѣтія. Матеріалъ даетъ возможность закончить недоконченное изслѣдованіе объ «исповѣдномъ штрафѣ», который находчивостью сибирскихъ дѣятелей переходитъ въ другое дѣло — «о небытіи», потомъ въ дѣло «о скверноидствѣ», и наконецъ — «о простотѣ», въ которой все и «тонетъ въ тундрахъ Сибири».

Крайне заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, я рѣшился изложить его въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, причемъ — дабы сохранить изложенію цѣльность — долженъ былъ вкратцѣ сказать онятъ и о томъ, что уже рассказано въ трехъ главахъ повѣствованія В. Гурьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ тою, однако, разницею, что какъ я не знаю мѣстныхъ преданій о всей этой исторіи, то я ихъ и не касаюсь, а веду весь разсказъ гораздо кратче и уже, чѣмъ разсказъ Гурьева, цуценный въ первыхъ трехъ главахъ широко — до чрезвычайности.

И держусь въ моемъ изложеніи дѣла однѣхъ бумагъ, и притомъ, — какъ я имѣю основаніе думать, — именно тѣхъ самыхъ бумагъ, которыми пользовался для своего начатаго и недоконченнаго труда Вахъ Гурьевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди явленій русской жизни въ Сибири чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ представляется борьба свѣтскихъ и духовныхъ властей съ крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятыхъ ими на себя обязанностей. Особенно много заботъ было о томъ, чтобы они не уклонялись отъ исповѣди.

Архивы сибирскихъ консисторій, духовныхъ правленій и губернскихъ и воеводскихъ канцелярій хранятъ до сихъ поръ множество дѣлъ «о небытіи», «о скверноидствѣ» и «о злоупотребленіи простотою», изъ которыхъ рачителемъ сибирской старинны сдѣланы были нѣкоторыя выписки, приведенныя здѣсь нами въ порядокъ.

Дѣло, о которомъ будетъ рѣчь, сначала получило названіе «о небытіи», подъ которымъ и упоминалось въ бумагахъ. Началось оно при Петрѣ Великомъ и, какъ думаютъ

и ѿботорые, — по его мысли, а во всякомъ случаѣ по его указу 14-го февраля 1716 года (т.-е. за девять лѣтъ до его кончины). Въ указѣ томъ «великій государь велѣлъ всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуются, на таковыхъ понамъ подавать росписи архіереямъ, а имъ тѣ росписи отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и лантратамъ власть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняисъ къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ онаго виолы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа».

Такимъ образомъ, денежный штрафъ за «небытіе» (т.-е. у исповѣди) былъ наложенъ этимъ указомъ одновременно какъ на раскольниковъ, такъ и на церковныхъ людей, которые въ очень большомъ количествѣ не являлись для исповѣди къ своимъ духовнымъ отцамъ.

Отсюда началось это дѣло; а далѣе сейчасъ мы будемъ видѣть, какъ этотъ источникъ потѣкъ по азіатской окраинѣ, гдѣ рѣдкое и бѣдное кочевое поселеніе живетъ въ обширномъ разсѣянніи и притомъ «пребываетъ въ состояніи природной престоги и совершенной дикости».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наложеніе штрафа за неявку къ исповѣди сначала поручалось *святскимъ властямъ*, «губернаторамъ и лантратамъ», а по скольку налагать на каждого человека, не явившагося къ исповѣди — на это искали опредѣленія въ указѣ, гдѣ сказано, что надо «класть штрафъ противъ доходовъ съ него (отбѣгальщика) *втрое*». Лантраты поняли такъ, что раскольниковъ нужно «записать въ двойной окладъ (платимыхъ ими податей)», а церковныхъ, не явившихся къ исповѣди, слѣдуетъ оштрафовать *втрое*. И многіе такъ и сдѣлали, а чрезъ это вышло, что раскольники, заплатившіе двойной окладъ, «отводили исповѣдную повинность» дешевле, чѣмъ православные, которыхъ лантраты обложили штрафомъ «втрое противъ доходовъ съ нихъ». Православные, увидавъ пзъ этого, что имъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ «заннестися по двойному окладу», объявили себя раскольниками. Они стали являться къ свѣтскимъ властямъ и про-

сили «записать ихъ въ двойной окладъ», а тѣ это исполняли, и расколь возрасталъ въ своей численности.

Другіе же люди, которые не хотѣли зачислять себя въ раскольники, «по двойному окладу», стали обращаться къ «приходскимъ попамъ» съ подкупами, чтобы «попы показывали ихъ *бывшими*». Попы брали за это «посулы» и показывали небытейщиковъ «бывшими», и такимъ образомъ реестрація вмѣсто того, чтобы выяснить дѣло, повела къ усиленной лжи. А какъ «посулы» за фальшивыя отмѣтки небытейщиковъ «бывшими» брали одни попы и не дѣлились этими доходами съ причетниками, то среди сихъ послѣднихъ запылала всеобщая зависть противъ настоятелей и пошли на нихъ доносы.

Доносовъ было множество, а представители духовной власти ихъ не скрывали, а напротивъ, охотно направляли ихъ на видъ высшаго начальства, чтобы показать, что свѣтскіе чины не могутъ хорошо вести это дѣло и только портятъ духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновныхъ въ уклоненіи отъ исповѣди.

Изъ-за этого между свѣтскими чиновниками и приходскимъ духовенствомъ начались споры и «подвохи». Духовное вѣдомство, по убѣжденію, что свѣтскіе неподлежаще записали въ раскольничій окладъ не-раскольниковъ, «посылало *своихъ фискаловъ* для розыска, а свѣтскія власти, по-такавнія раскольникамъ, схватывали посланцевъ духовнаго вѣдомства и сажали ихъ скованныхъ въ тюрьму и держали подъ крѣпкимъ карауломъ и оному изслѣдовали о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую оставовку» *). Свѣтскія же власти въ отпоръ этимъ укоризнамъ со стороны лицъ духовныхъ вывели на видъ, что «многіе священники въ поданныхъ ими духовныхъ росписяхъ за 1716 и 1717 годы (самые первые послѣ указа) многихъ дѣтей своихъ духовныхъ несповѣдавшихся написали исповѣдавшимися, а *дѣйствительно бывшихъ у исповѣди по злобѣ своей на нихъ записали небывшими*».

О злоупотребленіяхъ въ подобномъ родѣ завелось множество дѣлъ, или безконечные допросы, сыски и очныя ставки, а между духовными и свѣтскими чиновниками поднилась такая ожесточенная распря, что высшее правитель-

*) Указъ св. Синода 29-го марта 1721 года.

ство увидало необходимость быстро и энергично вмѣшаться въ это дѣло и дать ему другое направленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Десятого и семнадцатаго марта 1718 года послѣдовали высочайшіе указы, которыми (10 марта 1718) категорически опредѣлялось: «по сколько именно надлежитъ брать штрафа съ разнаго званія людей, отбѣгающихъ исповѣди». Назначено брать «съ разночинцевъ и посадскихъ въ первый годъ по одному рублю, во второй — по два, а въ третій—по три, а съ поселянъ въ первый разъ по десяти денегъ, во второй — по гривнѣ, а въ третій — по пяти алтынѣ». А чтобы штрафъ за небытіе взыскывался безъ попустительства и безъ пререканій между особами свѣтскаго и духовнаго чина,—все это дѣло передавалось въ завѣдываніе лицъ одного духовнаго вѣдомства,—а прежнимъ взимателямъ штрафа изъ особъ свѣтскаго званія настоящими указами предоставлялось только наказаніе виновныхъ. Заниматься взысканіемъ было, разумѣется, гораздо прибыльнѣе, чѣмъ наказывать несостоятельныхъ плательщиковъ, и потому свѣтскія власти описанною перемѣною были недовольны и стали дѣлать духовенству помѣхи.

Духовенству же съ «набытіемъ правъ» по сбору штрафовъ за небытіе прибыло и «страхованія», и «страхованія» эти были не шуточные. Въ указѣ читаемъ: «А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ и за такую его ману (sic) взять на немъ штрафъ первос пять рублевъ, второй — десять, а третій—пятнадцать рублевъ. А ежели по тѣмъ (т.-е. и послѣ третьяго штрафа) явится въ такой же манѣ и за то изверженъ будетъ священства».

И еще это «страхованіе» было усилено тѣмъ, что повелѣно было «по изверженіи» священниковъ «взять ихъ имѣніе», а самихъ ихъ «отсылать для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу».

Извѣстясь о такихъ указахъ, особы духовнаго чина не сразу разобрали: «пришло ли къ нимъ торжество или горечь». Дѣло оштрафованія «небытейщиковъ» обѣщало, конечно, хорошія выгоды, но и «страхованія» со изверженіемъ и отъятіемъ, а наипаче съ преданіемъ въ руки свѣтскихъ приказныхъ наводило на духовныхъ ужасъ, который

тѣмъ легче понять, что «свѣтскіе» питали зло на духовенство за передачу въ ихъ руки самой выгодной части дѣла, и теперь приказные, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дадутъ спуска тѣмъ изъ духовныхъ, которые попадутся въ ихъ руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Особы свѣтскаго чина и дѣйствительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага безъ неприяностей. Даже въ самомъ началѣ приказные манкировали требоваіемъ духовенства. Съ 1718 по 1721 годъ духовное вѣдомство даже не добилось еще, чтобы свѣтскіе сообщили ему списки небытейцевъ. Губернаторы, камериры и лантраты относились столь небрежно къ требованіямъ представителей церковной власти, что часто вовсе не отвѣчали на бумаги архіереевъ и тѣ только «съ безнадежностью» доносили объ этомъ московскому приказу церковныхъ дѣлъ. Однообразія въ дѣйствіяхъ не было, а повсемѣстно дѣло шло гдѣ какъ понало: въ одномъ мѣстѣ «небытейщиковъ» штрафовали священники, въ другомъ—приказные, и тѣ и другіе по своему безсудили однихъ и мирволили другимъ, а взысканныя деньги «представляли по своей командѣ», или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, съ которою московскій церковный приказъ уже не могъ найти никакого толку, и тогда за дѣло это взялось новое высшее церковное учрежденіе—св. правительствующій синодъ.

Только-что учрежденный тогда синодъ тотчасъ же оцѣнилъ значеніе дѣла о «небытейщинахъ» и указами отъ 20-го и 21-го чиселъ марта 1721 года сообщилъ въ сенатъ «вѣденіе», а енархіальнымъ архіереямъ послалъ указы, «чтобы впрядь собираемые съ раскольниковъ и съ небытнихъ у неповѣдн штрафы, оиричь онаго святѣйшаго правительств. синода, въ другія мѣста не отсылать и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать *)».

Такимъ энергическимъ и твердымъ мѣропріятіемъ св. синода былъ положенъ конецъ нахальному непослузанію приказныхъ свѣтскаго званія, но зато возникли теперь недоразумѣнія въ самомъ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ,

*) Указы св. синода 20-го и 29-го марта 1721 года.

которыми въ это время управлялъ архимандритъ Златоустовскаго монастыря Антоній.

ЛАВА ПЯТАЯ.

Подъ пригрозой св. синода свѣтскіе приказные сдали въ духовныя правленія «свѣденія и отписки» о небытейцахъ, но дѣла эти были въ такомъ видѣ, что въ нихъ нельзя было донекаться толку.

Златоустовскому архимандриту Антонію поручено было разобрать и привести въ ясность всѣ безпорядочно сунутыя съ рукъ приказными бумаги, а когда онъ разобрался, то увидалъ, что сами правительственныя указанія о тѣхъ, кого надо штрафовать, до сихъ поръ еще не ясны. Такъ, наприм., архимандритъ недоумѣвалъ: «какой штрафъ наложить и требовать съ людей, которые не подходили ни къ купеческому, ни къ крестьянскому сословію, и изъ числа коихъ являлись *многіе сирые и убогіе*, именно: солдаты, драгуны, ямщики и жены ихъ, зеленщики, каменщики, ученики латинской и математической школы, оружейники, столяры, *сторожа церковныя, звонари соборныя*, приказные сторожа и *приставы*, люди боярскіе, сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, *дому государска низшіе чины и дворовые люди*, хлѣбники, калашники, блинники, харчевники, масленники, печатнаго двора батышники и тередорщики и работные люди, кожевники, портные мастера, сапожники, канатчики, свѣчки, плотники, швальчики, вивовары и богадѣленные нищіе мужеска и женска полу».

Внимательный златоустовскій архимандритъ основательнымъ изученіемъ дѣла обнаружилъ такое положеніе, которое еще не было въ виду правительства, но которое, однако, вполне соответствовало живописанію Посошкова, въ его «изъявленіи очевидности лицемудрія», гдѣ онъ писалъ, что у насъ «аще подкрѣпленія (указами) не будетъ, то и впродъ вси по прежнему въ церковь ходитъ не будутъ» *). Небытейщиковъ приходилось забирать и штрафовать не въ отдаленныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а въ покровительствуемыхъ императоромъ новоучрежденныхъ школахъ, при собственномъ государевомъ дворѣ и, наконецъ, даже при са-

*) См. «Сочиненія Посошкова», стр. 10.

мых приходскихъ церквахъ и соборахъ, гдѣ сторожа и звонари упрямо не хотѣли «отбывать исповѣдь», а въ то же время эти упрямцы были такъ «сыры и бѣдны», что въ штрафъ съ нихъ нечего было взять ни въ первый разъ, ни во второй, ни въ третій.

Архимандритъ, обнаруживъ такое удивительное состояніе въ церковномъ благоустройствѣ, не спрашивалъ въ виду этого новыхъ попечительныхъ мѣропріятій, которыя, можетъ-быть, теперь были бы умѣстны, а только представилъ вопросъ: «съ вышеозначенныхъ разночинцовъ скудныхъ и бѣдныхъ рублевой ли штрафъ или за скудость *по усмотрѣнію или обыску* умалять — поселенскій ли или противокупечества штрафъ имать?» Далѣе онъ спрашивалъ: «какъ поступать съ тѣми, которые въ податныхъ книгахъ написаны неисповѣдавшимися, а послѣ той переписи и поданія книгъ померли?» Или — «съ тѣми, кои временно проживали въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при перепискѣ записаны въ этихъ домахъ, а когда наступило время взыскаія съ нихъ штрафа, они въ тѣхъ домахъ уже не оказались». Архимандритъ Антоній спрашивалъ у св. синода разрѣшенія, съ кого въ таковыхъ случаяхъ взыскивать штрафъ: «съ хозяевъ ли тѣхъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать».

Такихъ осмотрительныхъ и осторожныхъ людей, какъ глава московскаго приказа церковныхъ дѣлъ, архимандритъ Антоній, оказалось довольно много. Въ виду «страхованія» и «пригрозъ», послѣдовавшихъ изъ синода, исполнительныя лица духовнаго вѣдомства старались дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе и, не принимая на себя ничего, что имъ могло казаться хотя мало-мальски сомнительнымъ, съ разныхъ сторонъ слали въ синодъ свои многочисленные вопросы и «ожидали на нихъ въ разъясненіе указовъ».

Въ синодѣ скоро образовалось огромное скопленіе бумагъ этого рода, изъ которыхъ каждая требовала «наставленій, указаній и точныхъ и явныхъ опредѣленій». Синодъ былъ обремененъ этими бумагами и по многимъ изъ нихъ сносился съ сенатомъ, а сенатъ требовалъ свѣдѣній отъ губернаторовъ, — синодъ дѣлалъ замѣчанія архіереямъ, а архіереи — своимъ подначальнымъ администраторамъ, и все это при медлительности тогдашнихъ сношеній и при умышленномъ «препирательствѣ» и «отпискахъ» со стороны пред-

ставителей разных вѣдомствъ страшно увеличивало громадность дѣлъ, заведенныхъ о «небытіи», изъ котораго въ результатъ не выходило *ничего!*

Но здѣсь, въ Европейской Россіи, съ розысками «небытейщиковъ» все-таки не встрѣчалось такихъ достойныхъ памяти затрудненій, какія обнаружались въ Сибири, гдѣ разстоянія огромны, полу-кочевое народонаселеніе рѣдко и дико, а духовенство было въ тогдашнее время совершенно необразованно и имѣло за себя такихъ «кузькиныхъ» представителей, какъ Арсеній Мацѣвичъ, Павелъ Конюшкевичъ и другіе, любившіе постоять за свою власть. Тутъ нашлись настоящіе борцы для борьбы съ «свѣтскими властителями», и раченія ихъ достойны долгой памяти въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ Сибирь вопросъ о сыскѣ людей, не бывающихъ у исповѣди, пришелъ не сразу, но зато здѣсь онъ получилъ серьезную постановку. Первые «строжайшіе указы» о сыскѣ виновныхъ въ небытіи и о взысканіи съ нихъ штрафа пришли при митрополитѣ сибирскомъ Филоеѣ Лещинскомъ, который былъ настроенія аскетическаго и шумныхъ дѣлъ мірскаго характера не любилъ *), и потому, несмотря на всю строгость указовъ, повелѣвавшихъ немедленно начать безконечное дѣло «о небытіи», онъ не обратилъ на эти указы никакого вниманія. Или онъ былъ добръ и не хотѣлъ тѣснить людей, или, хорошо зная условія жизни сибирскихъ дикарей и полудикарей, онъ понималъ, что тамъ требуемое дѣло сдѣлать нельзя, а что отъ возни съ нимъ придетъ только порча на тѣхъ, кто начнетъ съ нимъ справляться. Дѣло тронулось только послѣ того, какъ Филоеѣ отошелъ, въ 1721 году, на покой и на мѣсто его былъ сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ черниговскій архіерей Антоній Стаховскій. Съ этихъ поръ дѣло «о небытейцахъ» получаетъ движеніе и все возвышается строгая о немъ тре-

---

*) Сибирскій митрополитъ Филоеѣ Лещинскій правилъ митрополіею будучи въ схимѣ. Онъ былъ на митрополіи съ 1702 года, и въ 1711 году принялъ въ тюменскомъ монастырѣ схиму съ именемъ Оеодора: но «по указу» въ 1715 году опять былъ назначенъ къ управленію каедрой, и какъ разъ попалъ подъ нетерпѣливыя настоянія о взысканіяхъ за «небытіе». Отошелъ на покой въ 1721 г. и почилъ 1727 г.

бовательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ разыгрывается и полнѣйшая невозможность выполнить надъ небытейщиками все то, что требовалось. Новый сибирскій іерархъ *) распорядился, чтобы сибирскіе священники въ концѣ церковныхъ богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «читали бы *все преждедостоявшееся* высочайшіе указы о хожденіи къ церквамъ и о *бытіи наипаче* (курсивъ подлин.) у исповѣди», но на этой почвѣ дѣло не шло, и новый іерархъ (третій послѣ полученія указовъ «о небытіи») **) Варлаамъ Петровъ (другъ губернатора), черезъ пятнадцать лѣтъ повелѣлъ сибирскому духовенству смотрѣть на «взысканіе штрафа за небытіе» какъ на «самонужнѣйшее *государственное дѣло*» ***). И съ этихъ поръ въ исходящихъ и восходящихъ бумагахъ по духовному вѣдомству въ Сибири начинаютъ писать объ «исповѣдной повинности» и объ «исповѣдныхъ недоимкахъ».

Дѣло стало трактоваться не какъ религіозное, а какъ *государственная повинность*, которую духовенство должно собирать и доставлять казнѣ. «А наипаче не запускать недоимокъ».

Интересы высшего и правящаго духовенства въ дѣлѣ этомъ расходились съ интересомъ приходскаго духовенства, которое представляло тутъ изъ себя инстанцію исполнительную, функціи которой на мѣстахъ «скитанія небытейщиковъ» были, однако, очень затруднительны. Для архіереевъ и ихъ консисторій было интересно, чтобы «оклады» за «небытіе» достигали цифръ какъ можно болѣе значительныхъ, а приходскіе іереи, которымъ надо было ѣздить да «сыскивать», встрѣчались съ такими практическими трудностями, которыя преодолевать было очень трудно, и поэтому священникамъ хотѣлось, чтобы «сыску» было какъ можно менѣе. Поэтому священники находили для себя удобнѣе и выгоднѣе не умножать числа «небытейцевъ», но чтобы это не сходило «небытейцамъ» съ рукъ даромъ,—съ нихъ брали «номиналы», которыми и откупались отъ требовательности консисторскихъ приказныхъ, и такимъ образомъ

*) Митрополитъ сибирскій Антоній Стаховскій съ 1721 года.—† 7-го марта 1740 г. (изъ малороссійянъ). (См. указъ его отъ 29-го апрѣля 1737 года.

**) Варлаамъ Петровъ (хирот. 1768. † 1802). архіепископъ тобольскій

***) 10-го іюля 1786 г. (Дѣл. арх. томск. дух. консист.).

завели по Сибири въ огромныхъ размѣрахъ правильно организованное «попустительство».

Объ этомъ узнали архіереи, и противъ поповъ призваны были дѣйствовать мѣстные агенты духовной администраціи и такъ-называемые «закащики» *), «десятильщики» и «члены духовныхъ правленій», которые всѣ должны были наблюдать, чтобы «сыскъ виновныхъ въ небытіи производился неослабно, какъ самонужнѣйшее государственное дѣло», и чтобы приходское духовенство не мирволило небытейцамъ.

Но когда епископы пригрозили «закащикамъ» — эти послѣдніе напугались и въ огражденіе себя отъ ответственности стали увѣрять, что «самонужнѣйшаго дѣла» въ Сибири совсѣмъ невозможно исполнить, и на этотъ счетъ были представлены объясненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Закащики объясняли, что многимъ крещенымъ людямъ въ Сибири «невозможно отбыть исповѣдную повинность, потому что въблизи ихъ жительства на весьма далекое разстояніе нѣтъ вовсе церквей, а нѣкоторыя церкви хотя постройки и окончены, но еще не освящены и не снабжены утварью, а при другихъ, находящихся въ зѣло бѣдственномъ состояніи, издавна нѣтъ священниковъ, а гдѣ есть и священники, то у тѣхъ въ говѣйной порѣ не бываетъ ладану и вина, и совершать евхаристію не на чемъ и невозможно». «А люди хотя и окреплены, но остались въ первобытной дикости, и кочуютъ и скитаются въ мѣстахъ недоступныхъ **).

Донесенія «закащиковъ» были, конечно, не голословныя, а подкрѣплялись точными указаніями, которыхъ невозможно да и нѣтъ никакой нужды воспроизводить здѣсь во всей подробности, но для образца можно отмѣтить, что въ самой тобольской епархіи, которою управлялъ еп. Варлаамъ (Петровъ), сдѣлавшій штрафъ за небытіе «государственнымъ дѣломъ», прихожане «цѣлыхъ многочисленныхъ селеній и деревень оставались безъ исповѣди въ теченіе 1758, 1759, 1760 и другихъ годовъ *единственно за неосвященіемъ цер-*

*) «Закащиками» въ Сибири называли «благочинныхъ».

***) См. дѣла и духовныя росписи за обозначенные годы, хранящіяся въ архивѣ, помѣщающемся въ колокольнѣ томскаго Алексѣевского монастыря.

квѣтъ». А сколь эти села и деревни были многолюдны—открывается изъ подробныхъ росписей *), изъ коихъ видно, напримеръ, что въ слободѣ Бѣлоярской, въ томскомъ и барнаульскомъ заказахъ не исповѣдывались 2 тыс. человѣкъ, въ берскомъ острогѣ — 3.155 человѣкъ, въ селѣ Тальменскомъ—1.645 чел., въ селѣ Легостаевскомъ—1.306 чел., въ селѣ Чингисскомъ—1.300, въ селѣ Кособоковскомъ—1.805, въ с. Космалинскомъ—1.874, а всего въ этой одной мѣстности тобольской епархіи 13.170 человѣкъ, и хотя всѣ они «не отбыли исповѣдной повинности *единственно* за неосвященіемъ церквей», и стало-быть отнюдь не по уклончивости, а безъ всякой съ ихъ стороны вины, но, тѣмъ не менѣе, «всѣ эти 13.170 человѣкъ *подверглись штрафу за небытіе* **). И въ такомъ положеніи были застигнуты жители многихъ мѣстностей сибирскаго края, и вездѣ съ нихъ точно такъ же взыскивали штрафы и *посторяли* эти взысканія во второй разъ и въ третій, и напрасно штрафуемые хотя «не видали своей вины», но «свыклись и обошлись съ положеніемъ, пріемля оное какъ бы за переводъ натуральной повинности въ денежную».

Если бы кому-нибудь похотѣлось избавить себя отъ платежа денегъ и отбыть исповѣдную повинность натурою, то ему для этого оставалось одно средство: ѣхать въ городъ или въ такое село чужого прихода, гдѣ все церковное благочиніе было въ порядкѣ, т. е. гдѣ былъ освященный храмъ, и при немъ священникъ и причтъ, церковная утварь, ладанъ и вино, и тутъ надо было стать постоемъ на постояломъ дворѣ и ходить къ службамъ церковнымъ, а потомъ отъисповѣдываться и взять въ томъ отписку для предьявленія своему заканцку; но это было сопряжено съ такими большими хлопотами и съ такою затратою времени и денегъ, что не представляло крестьянину никакихъ выгодъ, а, напротивъ, большіе убытки въ сравненіи съ уплатою штрафа.

Притомъ же еще и нельзя было рассчитывать, что если побѣдишь исповѣдаться въ отдаленный чужой приходъ, то все это тамъ и отбудешь. Это не всегда удавалось. Изъ дѣлъ видно, что люди, пытавшіеся занаестись исповѣдными

*) При тѣхъ же дѣлахъ подъ колокольнею.

**) Дѣло въ архивѣ колокольни томскаго монастыря.

отнѣсками отъ священниковъ чужихъ селъ, «ѣздили въ эти отдаленные приходы напрасно, ибо когда они прїѣзжали туда во время великаго поста, то не заставляли тамъ поповъ при своей должности, поелику они были въ то время вытребованы въ заказы и содержались тамъ для объясненій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль».

Вызовы же священниковъ въ заказы, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ, даже «нарочито совпадали со днями постовъ» и были обыкновенно «послѣдствіемъ доносовъ, посылаемыхъ въ заказы отъ дьяконовъ и причетниковъ, съ очевиднымъ расчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣнные дни, когда люди отбываютъ исповѣдную повинность».

Слѣдовательно, сибирякамъ платить штрафъ за небытіе было удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ исполнять требу, и это получило развитіе, а начальство начало смотрѣть на это не только снисходительно, но даже и благосклонно, какъ на оборотъ весьма небезвыгодный для государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

При такомъ взглядѣ народились и умерли три поколѣнія, и прирость небытейщиковъ была, конечно, огромнымъ. Такъ, напримѣръ, по духовнымъ росписямъ барнаульскаго заказа за 1758 годъ, въ слободѣ Малышевской всѣхъ жителей считалось 3.191, а когда стали вмѣсто исповѣди брать деньги, то вдругъ, черезъ четыре только года, тамъ объявилось уже 6.949 душъ (увеличилось на 3.758), въ с. Чингисскомъ было 1.307, а въ 1762 г. стало уже 3.901 (болѣе на 2.594). Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ въ 1758 г. было всего 715 чел., а въ 1762 показано уже 2.294 (болѣе на 1.579) и т. д.

Естественнымъ образомъ такой прирость населенія въ четыре года, конечно, былъ невозможенъ; но такъ какъ онъ фактически былъ налицо, то его остается объяснить тѣмъ, что при денежной повинности явились тѣ люди, которые ранѣе, при требованіи отъ нихъ натуральной исповѣди, укрывались.

Такимъ образомъ, какъ финансовое мѣропріятіе, обложеніе «небытія» денежнымъ штрафомъ въ самомъ дѣлѣ принесло пользу. Надо только было умѣть собирать съ этихъ людей доходы, отъ платежа которыхъ они не отбѣ-

гали, но сборы, однако, производились неаккуратно и правительство стало обезпокоиваться огромною недоимкою. Въ дѣлахъ есть указъ тобольской духовной консисторіи, отъ 10-го іюля 1786 года, изъ котораго видно, что «въ одномъ заказѣ черезъ пять лѣтъ небывшихъ накоплено 75.102 души, съ копѣхъ и запущено сбору 100.000 рублей». А какъ священники и заглашники не имѣли средствъ какъ «донять» небытейцевъ, то дѣло опять стало клониться къ тому, чтобы раздѣлить операцію между агентами свѣтскаго и духовнаго чина, такъ что духовное вѣдомство должно было «доставлять своевременно самыя вѣрныя свѣдѣнія о числѣ небывшихъ у исповѣди, а свѣтскія власти—распоряжаться наложеніемъ и взысканіемъ штрафа».

Съ этимъ распоряженіемъ ни одинъ энергическій дѣятель въ духовной средѣ сначала не хотѣлъ помириться: духовнымъ вовсе не интересно было исполнять подготовительныя работы для «приказныхъ» и предавать имъ живыхъ людей, которые умѣли цѣнить оказываемыя имъ благодѣянія и выгоды, но практика показала, что духовенство не теряло своего значенія для мірянъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло: выдать небытейца или покрыть его небытіе.

Услѣдить за тѣмъ, что станутъ дѣлать теперь въ Сибири съ небытейцами, было невозможно; а чтобы повясть эту невозможность, припомнимъ себѣ на-скоро и вкратцѣ: что такое представляло въ тѣ годы церковное благоустройство въ Сибири и какого духа она имѣла тогда іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, бывшихъ съ тѣми іерархами въ ладахъ или въ контрахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда начался сыскъ небывающихъ у исповѣди людей, въ Сибири была одна епархія, которая именовалась (до 1768 года) «Сибирскою и Тобольскою». Пространство, занимаемое этою епархіею, было такъ велико, что одному архіерею, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ, хорошо править ею было невозможно. Область этой епархіи обнимала собою все пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до сѣверной границы Китая и степей, гдѣ кочуютъ киргизы. Вдоль епархія простиралась на десять тысячъ

версть, а поперекъ—болѣе чѣмъ на три съ половиною тысячи. И на всемъ этомъ страшномъ пространствѣ архіерей долженъ былъ все окинуть своимъ административнымъ взглядомъ и все въ церковномъ управленіи упорядочить, и «небытейщиковъ сыскать», и обложить ихъ «за небытіе» штрафомъ, и даже произвести самое взысканіе.

Трудность этого управленія увеличивалась еще тѣмъ, что число крещеныхъ людей, подлежащихъ архіерейскому попеченію на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири, было не велико, и они не сидѣли на землѣ сплошь къ одному мѣсту, а разметались по обширной странѣ враздробъ, гдѣ кому казалось снодручнѣе и выгоднѣе. По ревизіи 1709 года въ Сибири насчитано, кромѣ инородцевъ, немного болѣе 230.000 душъ *), и эти христіане жили по городамъ и селеніямъ, а въ Сибири и города, и селенія разметаны другъ отъ друга на большія разстоянія, начиная отъ 200 и доходя до 500 верствъ и даже болѣе. Пути сообщенія, соединявшіе эти удаленные одинъ отъ другого пункты заселенія, ужасны и понинѣ **). Тогда они были «непроѣздными дорогами» въ настоящемъ, а не фигуральномъ смыслѣ этого слова; а притомъ и эти отчаянныя дороги пролегали главнымъ образомъ по теченію огромныхъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Енисея и Лены; а вдалѣ отъ береговъ этихъ рѣкъ и такихъ дорогъ не было.

Церквей на всю Сибирь было тогда числомъ 160, и изъ нихъ *половина* приходилась на городъ Тобольскъ и на селенія, ближайшія къ этому городу, въ которомъ жилъ іерархъ Сибири. Здѣсь онъ и могъ видѣть на извѣстное разстояніе вокругъ своего кафедральнаго города нѣкоторое церковное благоустройство. Другая же половина всего числа сибирскихъ церквей (составлявшая число около 80-ти) приходилась на всю остальную Сибирь, съ ея разстояніемъ около 10 т. верствъ въ длину и болѣе 3 т. в. въ ширину,—т.-е. онѣ были разбросаны отъ Оби до Амура, и значительнѣйшее число ихъ опять и здѣсь приходилось на города, а въ селеніяхъ церкви были такъ рѣдки, что приходы, къ нимъ приписанные, тянулись отъ 200 до 500 верствъ ***).

*) См. «Историческое обозрѣніе Сибири», Словцова, стр. 323.

***) См. письма Аптона Чехова.

***) Журналь Мш. Народн. Просвѣщ. 1854 г., м. мартъ, отдѣль V, стр. 40.

Отсюда ясно, что церковному причту «слыскать» всѣхъ своихъ прихожанъ и объѣхать ихъ во благовременіи съ требамн было *невозможно!* Церкви же въ сибирскихъ селеніяхъ того времени всѣ были деревянныя, холодныя и бѣдныя, нерѣдко безъ утвари, а иногда и безъ богослужебныхъ книгъ, а также въ нихъ не было ни ладану, ни краснаго вина, ни муки для просфоръ. А безъ этихъ вещей православной обѣдни служить нельзя и причащать людей нечѣмъ. Запасы всего нужнаго для служенія литургіи приходили сначала «въ каѳедру», т.-е. въ Тобольскъ, а отсюда уже неспѣшно развозились по непроѣзднымъ путямъ отдаленныхъ пунктовъ, достигая къ мѣстамъ назначенія очень нескоро. А потому нерѣдко бывало, что во многихъ церквахъ не служили по полугоду и болѣе, а нынѣ и вовсе стояли безъ служителей. Такъ, напр., томскаго округа въ селѣ Тутольскомъ храмъ оставался безъ священника съ 1779 года по 1801, т.-е. слишкомъ въ теченіе двадцати лѣтъ *), а въ чардатской волости того же округа священника не было съ 1725 г. по 1784, т.-е. въ продолженіе шестидесяти лѣтъ!.. Здѣсь даже причетники перевелись, такъ что между здѣшними обывателями успѣли народиться и свѣковать люди, совсѣмъ не выдавшіе лицъ духовнаго сана... **).

И это не было явленіемъ исключительнымъ: «закашики» и изъ другихъ мѣстъ доносили о такихъ же положеніяхъ, а въ 1801 году одинъ «закашикъ» рапортовалъ архіерею Варлааму, что «уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а индѣ и вовсе службу божию оставляютъ».

Духовныя правленія представляли, что въ такомъ положеніи «дѣло о небытіи» нельзя справить такъ, какъ хочетъ начальство; но духовенству поблажки не дано: приходы, въ которыхъ не было священниковъ, приписали на бумагѣ къ сосѣднимъ храмамъ, имѣвшимъ священниковъ, и велѣли продолжать исправлять «небытейцевъ».

А приходы «соединенные» такимъ образомъ на бумагѣ, въ натурѣ представляли цѣлыя области, «раскидывавшіяся на *несколько сотъ верстъ*». Для образца можно указать,

*) Указъ тобольск. д. консист. 9-го ноября 1779 г. и журн. томск. дух. правл. на 12 генв. 1801 г.

***) Указъ тоб. д. консисторіи 11-го мая 1784 года.

что, напримѣръ, въ приходѣ Ирменской церкви томскаго округа деревня Крутихина отстояла отъ церкви на 105 верстѣ въ одну сторону, а деревня Панкрушихина — 157 верстѣ въ другую *).

О книжномъ наученіи или о духовномъ назиданіи прихожанъ, конечно, нечего было и думать: «Люди оставались въ первобытной дикости».

Священникъ села Зырянскаго въ теченіе 20 лѣтъ завѣдывалъ приходомъ села Тутomsкаго, до котораго отъ его храма было 180 верстѣ, а до самой отдаленной деревни этого «соединеннаго прихода» было 300 верстѣ.

Понятно, что жители селеній, находившихся въ такихъ отношеніяхъ къ своему приходу, были очень затруднены «исполненіемъ исповѣдной повинности» натурою и имъ было гораздо удобнѣе платить штрафъ за свое «небытіе», къ чему они и стремились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Но и въ тѣхъ сибирскихъ селеніяхъ, въ приходѣ у которыхъ были налицо священники и облаченія, и богослужбеныя книги съ ладаномъ, виномъ и мукой для просфоръ и воскомъ, положеніе поселянъ въ отношеніи къ «отбыванію требъ» было не лучше, чѣмъ то, какое выше описано. Такъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко святой церкви имѣютъ и святыхъ таинъ причащаются желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаеть, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не приобщаетъ, а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ *сполна деньгами* и случится *коньми*, а погребенія нѣтъ **»).

Изъ жалобы этой трудно понять: какъ при такомъ священникѣ жители обходились съ мертвыми, т.-е. сберегали ли они трупы до приѣзда священника, или хоронили безъ него, а онъ по прибытіи своемъ только «бралъ за погребеніе сполна деньги», или «коньми», а самаго погребенія не пѣлъ и опять отъѣзжалъ съ почтою?

Исканіе лучшихъ людей, болѣе соотвѣтствующихъ испол-

*) Ук. тоб. конспет., 1766 г.

**) Указъ тобольск. д. конспет., 5-го мая 1785 г.

ненію священническихъ должностей, не представляло никакого успѣха. Священники въ Сибирѣ были столь необразованны, что «отъ простаго мужика-поселянина отличались только одною букварною грамотою». Большію частію они «только умѣли читать церковно-славянскую грамоту, и умѣнье писать признавалось высшею степенію образованія». (Обстоятельство это надлежитъ особенно замѣтить, такъ какъ «умѣнье священника писать» имѣетъ большое значеніе въ достовѣрности отмѣтокъ о «небытіи», до которыхъ сейчасъ дойдемъ дѣло). Когда въ концѣ XVIII в. въ г. Красноярскѣ основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всемъ составѣ духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который могъ бы учить дѣтей священной исторіи и начаткамъ православнаго ученія вѣры. Тогда стали искать такого способнаго человѣка въ духовенствѣ «енисейскаго и другихъ округовъ», но результатъ былъ тотъ же. Тогда, нужды ради, «съ разрѣшенія духовнаго и свѣтскаго начальства учителемъ былъ опредѣленъ сосланный на заводы поселенецъ изъ російскихъ діаконѣвъ, нѣкто Полянскій»... Это былъ какой-то отчаянный гуляка, которому «нужды ради» выпала доля положить начало русской школѣ въ краѣ, но порочныя привычки ссыльнаго дьякона были причиною, что «черезъ годъ онъ оказался совершенно неспособнымъ по неумѣренному винопитію», и тогда онъ отъ учительства былъ устраненъ, а на его мѣсто опредѣленъ способный человѣкъ, разысканный въ томскомъ заказѣ. Это былъ понамарь Сусловъ, котораго красноярское духовное правленіе аттестовало такъ: «онъ, Сусловъ, въ чтеніи исправенъ, и письмоумѣющъ, и арифметикъ первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердости, — чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ» *). Изъ всѣхъ учителей того времени въ Сибири никакой другой не былъ такъ хорошо аттестованъ, какъ этотъ Сусловъ, а объ остальныхъ учителяхъ духовныхъ школъ тобольская духовная консисторія сдѣлала общій отзывъ, что «изъ нихъ не всѣ и писать умѣютъ, или умножать по арифметикѣ» **).

Такія трудности приходилось преодолевать сибирскимъ

*) Ук. тобольск. консист. 15-го іюля 1790 г. № 118. и донесеніе красноярск. дух. правленія 14-го іюня 1791 г.

**) Ук. тобольск. консист. 5-го апр. 1791 г.

архіереямъ съ обученіемъ нарождавшагося въ XVIII вѣкѣ поколѣнія молодыхъ духовныхъ, но еще труднѣе было сладить съ замѣчательною безнравственностью взрослыхъ, при содѣйствіи которыхъ надлежало немедленно привлечь къ церкви упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ и содѣйствовать «самонужиѣйшему государственному дѣлу».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Митрополитъ сибирскій Павелъ Конюсевичъ *) прибылъ на кафедру съ обязательствомъ энергически вести дѣло «о небытіи», и онъ имѣлъ уже передъ собою всю описанную нами старую практику этого дѣла, и могъ видѣть, что исполнить все то, что отъ него требовалось, здѣсь не съ кѣмъ. И вмѣсто того, чтобы скрывать настоящее положеніе и проводить время въ «страханіяхъ» да въ отпискахъ, онъ далъ дѣлу *новое*, довольно смѣлое направленіе: послѣ многихъ безплодныхъ усилій (съ 1758 года по 1764 г.) онъ разослалъ по Сибири слѣдующій любопытный «циркуляръ», который современники почитали за «наилучшее изображеніе состоянія сибирскаго духовенства». Въ этомъ митрополическомъ циркулярѣ изображено слѣдующее:

«Понеже по производимымъ въ канцеляріи тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказывается, что здѣшней тобольской епархіи разныхъ мѣсть священно-церковно-служители *безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ* и въ *противонеблагообразныхъ* и не приличныхъ званію своему поступкахъ, въ противность свв. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое преспровождаютъ, и въ *ярыжествахъ* обращаются, и *валяются* и *спятъ по улицамъ пьяны*, и въ *воровствахъ*, и въ *ложныхъ* подзаводскими крестьянами, яко бы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, *указовъ объявленіяхъ* обличаются, — отчего *въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ*, изъ коихъ, — какъ по дѣламъ значить, хотя бы нѣкоторые отъ раскольниковскаго своего злопагубнаго заблужденія и обратится желали, но что означенные священники *безмѣрно упиваются* и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ — между людьми и *въ церквахъ сквернословныя ругательства*

*) Павелъ Конюсевичъ, пзъ малороссіянъ, хиротонисанъ 23-го мая 1758 г. пзъ архимандритовъ Юрьева монастыря. Уволенъ въ 1768 г. пзъ Сибири «по общанію» въ Кіево-Печ. лавру, гдѣ и теперь тѣло его находится подъ правымъ предѣломъ «Великой церкви».

и драки, и тому подобныя безчinnія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстаютъ, и въ томъ они, священники, отъ нихъ, раскольниковъ, не малое поврежденіе и укоризненное посмѣяніе на себя и *всему духовному сану поношеніе наводятъ*...

Выводъ получался такой, что люди, которые должны были исправить мiрянъ, сами «наводятъ всему духовному сану поношеніе»...

Митрополитъ Павелъ это сказалъ, и, по замѣчанію одного изъ нашихъ церковныхъ историковъ, «убоялся вести свой корабль съ *пьяными матросами*». Онъ сталъ просить синодъ отпустить его для поклоненія святынямъ Кіева, и отправился туда на богомолье въ 1764 году и тамъ и умеръ *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Понять «обѣщаніе» митроп. Павла весьма легко, такъ какъ переносить жизнь среди такихъ людей, какіе описаны въ приведенномъ циркулярѣ, было ужасно. А если такова была «соль», которою должна была земля осоляться, то что же представляла собою вся страна? Нравственное состояніе Сибири въ XVIII в. дѣйствительно представляетъ какой-то адъ! Всѣ ученые и путешественники, побывавшіе въ XVIII вѣкѣ въ Сибири (Мюллеръ, Фишеръ, Гмелинъ и др.), въ одномъ духѣ описывали въ сибирскихъ жителяхъ страшную и отвратительную безнравственность. Духовные іерархи должны были объ этомъ знать, да и не могли не знать, потому что свѣтскія власти имъ на это указывали. Генераль-губернаторъ Кашкинъ «неоднократно вынужденъ былъ обращаться къ еп. Варлааму (Петрову), ***) прося побудить сибирское духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ *жестокости* и дерзновенія ко *вннпейю звырноподобнаго свирьпства и скотоподражательнаго разврата*».

Но сибирскіе іерархи не имѣли средствъ подѣйствовать такъ, какъ просилъ ихъ генераль-губернаторъ. Лучшимъ средствомъ въ тогданшее время считалось «личное воздѣйствіе на насомыхъ». Тогда думали, будто «веледѣніе архи-

*) Тѣло Павла тобольскаго, лежащее во гробѣ подъ церковью Кіево Печерскою лавры, до недавняго времени можно было видѣть.

**) Ук. тоб. д. конс. 26-го іюля 1782 г. Варлаамъ Петровъ тогда былъ еще епископомъ. Въ архіеп. произвед. въ 1792 г.

ерейскаго сана» производило на народъ благотворѣйшее влияние; но паства сибирскихъ архіереевъ жгла въ такомъ разсѣяніи, что іерархамъ очень трудно было навѣстить всѣхъ своихъ «пасомыхъ» и почти совсѣмъ невозможно показать большинству изъ нихъ веледѣніе архіерейскаго служенія. Притомъ же обстоятельства показали, что даже и результатъ полезности архіерейскихъ объѣздовъ сомнителенъ, ибо пока архіерей кочевалъ для нравственнаго оздоровленія своихъ пасомыхъ, которые отличались «жестокостью и звѣроподобнымъ свирѣпствомъ и скотоподобнымъ развратомъ», безъ него въ его кафедральномъ управленіи начинались ужасающіе беспорядки. Онъ не помогаль одному и губилъ другое. Такъ, наиримѣръ, когда упоминаемый въ началѣ этого разсказа сибирскій митрополитъ Филоѳей (Тешинскій) *первый* изъ всѣхъ сибирскихъ іерарховъ тронулся изъ своего кафедральнаго города въ объѣздъ своей епархіи, то онъ провелъ въ этомъ путешествіи кряду *два года* (1718 и 1719), и хотя онъ окрестилъ въ это время 40.000 инородцевъ, но зато, лично посматрѣвъ на своихъ подчиненныхъ, пришелъ къ такимъ взглядамъ, что по возвращеніи въ Тобольскъ не сталъ исполнять указовъ о штрафованіи за «небытіе», а «отошелъ на покой» и вскорѣ умеръ (1727 г. мая 31-го). А въ то время, пока онъ былъ въ отлучкѣ и крестилъ 40.000 инородцевъ, у него въ управленіи старокрепечными людьми завелась такіе беспорядки, что это пошло въ примѣръ и пословицу. «Духовенство укрѣпилось въ мысляхъ, что надъ нимъ нѣтъ начальства, а надъ его дѣйствіями нѣтъ контроля, и при невѣжествѣ своемъ развило въ себѣ духъ своеволія, непокорства, самаго грубаго и безчестнаго произвола; даже тѣ, кому была поручена часть архіерейской власти и попеченіе и надзоръ за другими — игумены, закашники, десятинники — явились по своему безстрашію архіерейскія воли послушниками, огурниками (*sic*) и продерзателями». А главное — за это время накопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ и очень большое число «ставленщиковъ» и «просителей», которые два года ожидали возвращенія архіерея. А епархіальный судъ въ это время совершилъ рядъ такихъ чудесъ, что схимнику Филоѳею показалось «нелѣтъ и слышать».

Таковы были результаты долговременной отлучки архіерея «въ объѣздъ», а скорѣе совершить «объѣздъ» было не-

возможно, и вотъ то, что съ одной стороны представлялось желательнымъ и «благополезнымъ», то съ другихъ сторонъ оказывалось неудобнымъ и даже совершенно вреднымъ. Сорокъ тысячъ дикарей, не разумѣвшихъ языка крестителя, были окрещены, но зато среди паствы, составлявшей коренную основу епархіи, все само себя позабыло...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

«Свѣтскія власти» видѣли, какъ многостороннее дѣло проповѣди, назиданій и взысканій за небытіе и особенно судъ у «духовныхъ властей», что называется, «ни въ коробъ не лѣзеть, ни изъ короба не идетъ», и прорически относились къ умѣнью духовныхъ дѣятелей вести эти дѣла.

Особенно сильный поводъ къ критикѣ подавали судебные приговоры духовныхъ властей, на которые свѣтскіе должностные люди указывали какъ на очевидные образчики неспособности судей.

Духовный судъ, въ самомъ дѣлѣ, постановлялъ приговоры невѣроятные. Былъ, напримѣръ, въ Сибирь нѣкто мичманъ Хмѣлевскій и онъ жилъ въ связи съ «крестьянскою женкою Екатериною». По какому-то случаю это открылось и дошло до митрополита Сильвестра *), и тотъ опредѣлилъ мичману такую эпитимію: «въ праздничный день стоять ему среди церкви во время литургіи на колѣняхъ съ возжевною свѣчею, а когда время выходу изъ церкви народу прислѣбеть, тогда положить его (мичмана) на прагъ въ трапезѣ ницъ и лежать (ему) потолокъ, пока черезъ его весь народъ изъ церкви пройдетъ, въ которое время просить ему проходящихъ черезъ него, да помолятся Господу Богу о отпущеніи грѣховъ его; а по исполненіи сего отослать въ воинскую команду для наказанія, чему достоинъ по воинскимъ артикуламъ. А женку *Екатерину, кромѣ такой же эпитиміи, на страхъ другимъ, наказатъ кошками* **).

Другой случай: въ Сибирь слѣдовала изъ Россіи по этапу женщина Ефросинья Михайлова, которая до высылки ея была уже замужемъ за тремя мужьями. По дорогѣ она

*) Сильвестръ Гловатскій, митрополитъ сибирскій, изъ архимандритовъ свѣжакаго монастыря. 1749. іюля 6-го. Перевед. въ Суздаль 9-го окт. 1755 г.

**) Указъ тоб. д. консист. 3-го сент. 1752 г.

нѣла несчастіе понравиться отбывавшему вмѣстѣ съ нею путину ссыльному Захару Ѳедорову, но Захаръ Ѳедоровъ Ефросиньѣ не понравился и она не хотѣла отвѣчать его любовнымъ искательствамъ. Да притомъ же Ефросинья была богобоязлива и уважала церковный бракъ, а «прелюбодѣнія не хотѣла». Тогда ссыльный Захаръ обратился съ своею задачею къ партіонному сержанту Логгину, и тотъ за небольшую мзду уладилъ дѣло. Онъ, во-первыхъ, нѣсколько разъ «нещадно» билъ Ефросинью Михайлову «батошьемъ», чтобы она была сговорчивѣе, и когда та, изнурясь отъ жестокаго боя, стала поддаваться и отпиралась уже только тѣмъ, что «боятся блуднаго грѣха», то сержантъ сказалъ, что «за этимъ дѣло не станетъ», и, приведя партію въ село Абалацкое, близъ Тобольска, обвинчалъ ее «по принужденію *четвертымъ* бракомъ».

Нещадно избитая батошьемъ, Ефросинья покорилась «принужденію» и сдѣлалась женою ненавистнаго ей поселенца Ѳедорова, и пока шла въ партію, она, подъ страхомъ батошья, исполняла для его желанія супружескія обязанности: но, придя на мѣсто поселенія—въ Колыванскую волость Томскаго округа, подала жалобу въ томское духовное правленіе, и въ той жалобѣ разъясняла всю свою нестерпимую обиду и доводила, что «какъ бракъ ея съ поселенцемъ Ѳедоровымъ есть *насильственный и четвертый* (для нея), а потому, стало-быть, очевидно незаконный, то онъ по существу своему совсѣмъ не есть бракъ, а прелюбодѣйная связь, и она этого прелюбодѣянія продолжать не допуститъ».

Духовное правленіе разлучило временно этихъ супруговъ и донесло о событіи тобольской духовной консисторіи, которая «съ доклада его преосвященству *) опредѣлила: женку Ефросинью Михайлову *оставить въ замужествѣ* при поселенцѣ Захарѣ Ѳедоровѣ, *впредь до разсмотрѣнія*, а о состояніи ея *взять отъ онаго мужа ея извѣстіе* **)... Какъ должна была чувствовать себя эта несчастная женщина, опять насильно отданная консисторіею поселенцу на подер-

*) По книгѣ Юрія Толстого въ сибирской епархіи съ 1768 значится Варлаамъ Петровъ, а съ 1803 — Антоній Знаменскій. Варлаамъ — это тотъ, который постановилъ дѣло о «небытіи на степень «самоуважающаго и государственнаго».

**) Ук. тоб. дух. к. 3-го сент. 1752 г.

жаніе, да еще «съ доклада его преосвященству»!... И въ чемъ отъ этого поселенца «о состояніи ея» требовалось «извѣстіе» — изъ дѣла этого не видно; но что Ефросинья была призвана исполнять супружескія обязанности и въ четвертомъ бракѣ, обвѣнчанномъ подъ батогами, это закрѣплено самымъ документальнымъ образомъ.

И эта женщина жила и терпѣла!

Въ самомъ распорядкѣ съ духовенствомъ одна крайность переходила въ другую чрезвычайность: при митрополитѣ Варлаамѣ въ Амышевской крѣпости священникъ Сѣдачевъ былъ изобличенъ «въ пьянствѣ и шумствѣ, и въ дракахъ, и въ прочихъ чинимыхъ мірскими людьми соблазнахъ». Митрополитъ Варлаамъ опредѣлилъ за все это «перевести Сѣдачева въ Уртамскій острогъ, съ подпскою объ исправленіи (себя)» *). А митрополитъ Павелъ такимъ «исправленіямъ себя» не вѣрилъ, и когда при немъ былъ «обличенъ многжды въ пьянствѣ и дракахъ священникъ градотобольской Срѣтенской церкви Топорковъ», то навелъ о немъ справку, и оказалось, что онъ уже имѣлъ время и случай для «исправленія», ибо «не единожды битіемъ плетью былъ наказанъ и для памяти въ работахъ содержанъ, но по ожесточенію своему во исправленіе не пришелъ, а еще въ горшая падалъ», и потому митроп. Павелъ (указъ 27-го апр. 1764 г.) опредѣлилъ: «дабы священникъ Топорковъ впредь никакихъ продерзостей чинить не могъ, отъ священнослуженія его удержать, а для лучшей ему памяти и страха Божія при собраніи всѣхъ священнослужителей градотобольскихъ *каждый изъ нихъ* по десяти ударовъ шелепомъ ему, Топоркову, *и себѣ въ наставленіе* отпривилъ».

И священнослужители привлекались къ тому, чтобы бить собственноручно своихъ товарищей не въ этомъ только единственно случаѣ, а и въ другихъ таковыхъ же. Указомъ отъ 27-го апр. митрополитъ Павелъ разрѣшалъ и всѣмъ заканцикамъ (т.-е. благочиннымъ) поступать съ провинившимся точно такъ же, но только съ такимъ «разсмотрѣніемъ», что «гдѣ число священнослужителей», участвующихъ въ наказаніи собрата своего шелепами — «не велико, то тамъ (число ударовъ отъ cadaго) и приумножить можно» **).

*) Ук. тоб. дух. к. 18-го ноября 1777 г., № 1011.

**) Ук. тоб. дух. к. 27-го апр. 1764 г.

Дѣло же о «небытіи» во все это время «волоклось» и взыскаііе денежныхъ штрафовъ съ небытейщиковъ производилось съ такою неаккуратностію и медленностію, которая, наконецъ, возбудили въ Петербургѣ негодованіе какъ разъ послѣ того, какъ 14-го апрѣля 1763 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ Ревель митрополитъ Арсеній Маѣвсвичъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Извѣстный своею добротою и религіозностію московскій сенаторъ П. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ», но ежели осмѣлится сказать, то Оня еще дивнѣе въ грѣшникахъ *). Это замѣчаніе получить себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла «о небытіи», которое развивалось давно и закончилось еще давнѣе.

«Фаворъ», которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась «долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей».

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властію», рѣзче всѣхъ обнаружилъ «не-терпѣливое самовластіе» и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ «о небытіи».

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга «выговоръ» за то, что штрафныя деньги «за небытіе» у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодованіе на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же «вынужденнымъ нашелся сдѣлать распоряженіе **), чтобы сельскіе старосты и сотскіе во время постовъ сами вели подробныя и обстоятельныя списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію ***)) для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить».

*) См. *Русскій Архивъ*, 1884, № 1, стр. 32. Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора П. В. Лопухина. сочин. имъ самимъ.

**) Указъ 11-го мая 1767 года.

***)) Очевидно. «въ канцелярію губернатора».

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за «небытіе» лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтили бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала приняли за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальноворкому расчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ «небытіи» у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ «бывшимъ» у священниковъ — и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока успѣли что-нибудь выяснить, Чичеринъ въ 1771 году получилъ уже «высочайшій выговоръ и страшно ожесточился» *).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, «пользовавшійся неограниченною властію», былъ такъ сконфуженъ!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что «Чичеринъ этого не стеритъ».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чичеринъ и дѣйствительно не стеритъ, и началъ ожесточенную «войну съ попами»: онъ тотчасъ же самъ «вы-

*) Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ последовалъ въ томъ году, 24-го августа.

ѣхалъ въ губернію на ревизию» и самъ ревизовать «почти въ каждомъ селѣ церковныя документы и неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу, сажалъ въ холодную, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы». Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ, однако, немного успѣлъ въ своей «войнѣ съ попами», потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизиі совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устраивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковныя документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовныя сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки «уѣзжали къ боли». Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попады да дѣти, и можетъ-быть еще какой-нибудь безотвѣтный дячокъ, который ничего не зналъ въ «небытейскихъ книгахъ». На разспросы же губернатора о погѣ—«отвѣчали, что погѣ отѣхалъ въ приходъ, а когда назадъ будетъ—невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы странствомъ безмѣрные, во всѣ стороны».

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у пона и ждать его возвращенія.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидаль себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, «скрежеща зубами и искій кого поглотити».

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать «къ боли» и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не поцеремонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надобло съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступило и не хотѣло болѣе контрировать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такимъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили

унію и взялись вести «государственное дѣло» строго: духовный ли, свѣтскій ли «агентъ» попадетъ въ вѣнѣ—ни одному не давать поблажки.

Первый попался «ниже-тунгусскій попъ съ причтомъ»^{*)}.

Тобольская консисторія предписала туруханскому заказчику (благочинному), «истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать ниже-тунгусскаго погоста попа съ причтомъ въ дѣховное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держатъ безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-ночно ихъ къ тому принуждать*».

Однако, и это ни къ чему не повело: и тунгусскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы «разбѣгались», а тѣ, которыхъ ловили и сажали на цѣпь, «сдѣли безъ выпуску», но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо несправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ «счюдъ требоваль списка *неопустинно*», то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она «ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашию ихъ о государственномъ дѣлѣ не брегуть*».

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣнялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совѣзмъ не на кого положить, потому что и заказчики, и члены духовныхъ правленій—все «ослушники, огурники, супротивники и коварники». Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но, однако, во многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Заказчики вытребовали «поповъ» изъ-за сотень и даже изъ-за тысячъ верстъ, «для вчищенія рукоприкладствъ» и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и «держали ихъ въ заказахъ долго, но вѣсколку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ».

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала «про-

^{*)} Указъ консисторіи 20 августа 1790 г.

сить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ», которые должны «приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подь карауломъ до окончанія росписей»; но черезъ мѣсяць консисторія сдѣлала еще болѣе: она совсѣмъ уже передала «свою команду» мірскимъ командирамъ и «съ дозволенія губернаторовъ» прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ «держатъ подь стражею безвыпускно и самихъ закашниковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, поколѣ они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству» *).

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное «безстрашное» и «огурное» духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ предано во власть мірскихъ челоуѣковъ», т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые «со дня митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься», а теперь эти приказные получили право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священноцерковнослужителей «хватать яко неблагопокорныхъ», и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ «хватали», что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требосправителей, но «батюшка Денисъ Ивановичъ» объ этомъ не безпокоился и «истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтѣ не унывалъ, мя яко въ потребный часъ вся покрыть своею орденскою мантиею».

Тутъ сибирскіе требосправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое «огурство» и, «впавъ въ рущѣ Чичерина, явились благопослушны»: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: «Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!» А вышколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канцеляріи, говорили себѣ: «Похвальбашка! Ну, взялъ—такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ заказовъ, поѣ «до всѣхъ дошло вѣденіе яко вси преданы Чичерину», и въ Тобольскѣ консисторскіе подьячіе сдѣлали

*) Ук. 17-го апр., № 1414.

изъ тѣхъ росписей «экстрактъ», который и былъ предста-
вленъ въ сунодъ *). Требованіе начальства этимъ было
выполнено: вся «скала небытія» обозначилась на виду, и
все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ
что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода
отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денеж-
ною платою за «небытіе», начали вновь обнаруживаться
невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была
происходить несусвѣтима я путаница. При повѣркѣ на мѣ-
стахъ оказалось, что «въ числѣ показанныхъ (по спискамъ)
небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (нахо-
дившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ или
переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую
области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣт-
скими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣчен-
ными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣ-
сколько лѣтъ кряду»...

Отчего же и какъ могла произойти такая несправность
при всей наличности вышшняго рачительства и порядка со
стороны «тѣсно ущемленнаго Чичеринимъ духовенства»,
и что еще можно было теперь измыслить: кому еще во
второй разъ «предать» духовенство и какъ его «защемить»,
чтобы добиться отъ него точно обозначенной «скалы не-
бытія»? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи
у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ
и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить
за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что
потому правильное обложеніе налогомъ за «небытіе» есть
вещь невозможная. А то, чего сунодъ достигъ послѣ мно-
жества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто
фикція, которую продѣлали надъ Чичеринимъ «преданные
ему и имъ тѣсно ущемленные пошы», и надъ другимъ на-
чальствомъ «подъячіе духовныхъ правленій и консисторій»,
которые, будучи «нуждою и страхомъ гонимы и побуж-
даемы», всѣ писали въ спискахъ «что понало».

Казалось бы, что такой велемошный саповникъ, какъ
Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть, такъ и
долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ
знали настоящее положеніе и не требовали того, что не-
возможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Мо-

* Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

жетъ-быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ-быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кпняченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ ввѣреннаго ему края духа у него недоставало...

Приходскіе же священники крохѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ «о небытіи» *). И они это поняли и увидали, что имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя, — потому что за это «можно впасть въ ружь Чичерина», а если составить «списки сочиненные», то можно попасть въ руки подьячихъ, — то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ «о небытіи» самимъ же подьячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подьячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоаго пола новый «безобидный сборъ за уволку отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души» **).

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ приходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревизуетъ — тотъ самъ же ихъ и сочиняетъ. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подьячимъ «бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству», и подьячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что знали, «по примѣру

*) Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, едва умѣвшихъ только читать церковное. Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ «градскій священникъ» г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: «какъ читается седьмая заповѣдь?» — отвѣчалъ: «Помилуй мя, Боже», а на вопросъ: «сколько таинствъ и какаѧ ихъ сущность?» далъ отвѣтъ: «таинствъ есть десять, а сущность ихъ непостижима» (Указ. тоб. дух. конспет. 27-го апр. 1770 г.).

**) Дѣло томск. дух. консистор. въ «Колокольномъ Архивѣ» Алексѣевскаго монастыря.

прошлыхъ лѣтъ», и пригоняли текстъ списковъ «какъ прилично къ сдѣланнымъ заранѣе подписямъ», и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подьячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были «оправдать предначертанія». И пошло бы это, вѣроятно, на многія лѣта; но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собиравъ по пятаку за уволоку, не все отдавали подьячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію, и оба начальства—свѣтское и духовное—явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подьячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнивъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю; и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подьячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, чтѣ собираютъ «за уволоку», то мстивый подьячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!...

Неопровержимая улика была налицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подьячіе знали плутію правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемые росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подьячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ мірянъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго «повального положенія», при которомъ «попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души», теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явво, и священникъ непре-

мѣнно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подьячимъ не угодилъ и его замучили бы «истязаніями».

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружались свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь, а обратистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ выбыло.

Когда старыми сборами «за уволоку» пришлось дѣлиться съ большимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники ввели еще одинъ поборъ «за скверноядство».

Это статья очень любопытная, но она требуетъ отступления и объясненій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, «простираясь къ сѣвернымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ, остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, кочевавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири». Когда оканчивалось покореніе или «подбитіе», тотчасъ же начинались заботы о введеніи новыхъ порядковъ: «о сборѣ ясака и о просвѣщеніи свѣтомъ истинной вѣры».

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ «народцы» въ извѣстные сроки сходятся другъ съ дружкой, чтобы обмѣняться добычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ же и завели «постройки», которыя назвались «острожками», или «острогамп», или «крѣпостями», а впоследствии «городами».

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Первоначальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ: сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и третью, общую, для «служилыхъ людей», а насупротивъ ихъ—ссыпной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь была «та же изба, только съ крестомъ на крышѣ».

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли обычай сходиться для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали «осѣпить и обратъ съ нихъ ясакъ». Придуманно было хорошо, и казаки, указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ,

указали и слѣдовавшимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ «просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кормиться». «Просвѣщать же язычниковъ»—это было цѣлью прибытія духовныхъ въ сибирскую глушь, а «кормиться» отъ своей паствы имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитіе было «пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника по 18 рублей на ассигнацію» (= 8 р. и 5 руб. 30 к.). «Паства», которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ, которыхъ цѣлый годъ не увидишь—только разъ въ годъ, въ обычное время они сблизаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что нужно, т.-е. и «осѣтити, обратъ ясакъ и научить святой вѣрѣ». Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ все церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправление побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ—«въ церквѣцѣ»—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а «ясашныхъ» прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ и кому молились въ теченіе всего года—объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки «имали ихъ и заго-няли на требы къ пону», и «народцы» одинаково считали «ясакомъ» какъ то, что они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что платили пону. Такъ они и говорили, что должны платить «два ясака: одинъ восводѣ, а другой пону» *). Оба ясака взымались съ большимъ произволомъ: служилые люди «допимали» съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоцѣнной всякому свободы, а духовенство «правило свой ясакъ по количеству», т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ «съ удивительною простотою». Понъ спрашивалъ дикаря: «кто въ семьѣ родился, и кон померли, и кон жить пойма-

*) См. «Сибирскій летописецъ» о ясакѣ.

лись на-ново какъ мужъ съ женою», а дикарь, достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разсипросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ «съ врожденною простотою». По его же показаніямъ пошъ его и «облагалъ, какъ повелось по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за «очищеніе» (?) 5 бѣлокъ, за женитву— 2 соболя или 5 песцовъ». Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но болѣею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—при чемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности для отца семейства или главы рода это составляло расчетъ, противъ котораго онъ спорить. Исповѣдный ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но «по простотѣ своей» своихъ грѣховъ все-таки не скрывали, а только спѣшили скорѣе «очиститься и бѣжать». Обыкновенно они «убѣгали» тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ «бироновщины», когда «духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и тѣга», но они «черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы». Однакоже, какъ и въ Елизаветино время, духовнымъ большаго жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку *«подать за скверноядство»*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Что значитъ «скверноядство»? Это то, если человекъ ѣстъ что-нибудь «скверное», т.-е. «непоказанное ему для употребленія въ пищу». Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси сквернымъ почиталась телятина и теперь многими почитается за «скверно»—угорь, налима, мнюга, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и чере-

пах и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ «народцы», нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, что можно съѣсть, и между прочимъ мяса «животныхъ, не показанныхъ» по требнику, а именно: «медвѣжью говядину, соболей и бѣлокъ».

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это «скверно». Впрочемъ, и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту «скверность» не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очипать «скверноядущихъ» дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили «новый ясакъ» съ таксаціею: 1) за яденіе медвѣжьей говядины—одна цѣна, 2) за яденіе лисьяго и соболяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые, такъ какъ надо было «слѣдить за скверноядцами и настигать ихъ», и тутъ ихъ «обкладывать и очипать молитвою», чтобы они потомъ вновь начинали «скверно ѣсть» на-ново *).

Духовные отъѣзжали въ поля для «настиганія и сбора», при чемъ полевали не всегда тихо, и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать «народцы»; но тутъ въ сибирскомъ краѣ получилъ могучее значеніе Арсеній Мацѣвичъ, который имѣлъ «не-

---

*) По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, нѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ «скверноядства». «Молитва о скверноядущихъ» читается такъ: «Владыка Господи Боже нашъ, иже въ вышнихъ живый и ма смиренныя призрай: приклони ухо Твое и услыши насъ, молящихся Тебѣ, и подаждь прощеніе Твоему рабу, имя рекъ, скверно-ядшему, и вкушему мясъ или каковыхъ-либо (sic) брашенъ нечистыхъ, ихъ же сѣди отреклъ еси въ законѣ святѣмъ Твоемъ,—сила же неволю причастишагося прости и сподоби его неосуждени причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа Твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко наплтаваясь божественными Твоими таинствами и наслаждаяся святяма Твоима тайными таинствами и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. Твоей церкви восхвалять и прославлять имя Твое вышнее во вся дни живота своего» (Требникъ, гл. 52).

побѣдимую дерзость» и стоялъ горой за духовныхъ *). Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Биронъ и «еретики» были уже «свержены», и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 году онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку, и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда «по секретному дѣлу» былъ привезенъ изъ Пустозерска въ адмиралтействъ-коллегію, «но признанъ невиннымъ». Онъ былъ угрюмъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ «свѣтскимъ властямъ» и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г. сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ «циркуляръ» **), «чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антіохійскаго собора», а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и «узаконилъ непослушаніе онымъ». Въ іюлѣ 1742 года митрополитъ Арсеній «повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему привлечь, или *въ свидѣтельство какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости».

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія «законъ непокорности свѣтскимъ властямъ» и, «опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній съ свѣтскими судами и администраторами». Духъ же, обладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора «признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія».

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до «свѣтскихъ командировъ» на

*) Изъ «синодальныхъ іеромонаховъ», хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго: 1742. мая 13, митроп. ростовскій.

**) 28-го февр. 1742 г.

«нестерпимые поборы» со стороны духовенства,—командиры эти никакой защиты «претерпѣвающимъ» оказать не могли.

Арсеній, однако, здѣсь пробылъ не долго: заведя порядки въ Сибирѣ, онъ былъ отозванъ на ростовскую кафедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но «законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ» и духовенство постоянно оказывало «непокорность» свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрять.

Въ 1751 году (при Селиверствѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій ассессоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и «положить подь святые» и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ «градо-богоявленской церкви съ причетомъ», и когда стали пѣть панихиду, то «*причетъ* усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина, подалъ о томъ вѣденіе въ воеводскую канцелярію». Воеводская канцелярія сразу же, «немедленно» послала своихъ полицейскихъ или, по-тогдашнему, «дѣтей боярскихъ», чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что «*причетъ*» не ошибся: «на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны *смертельными*».

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но «по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22 іюля 1742 г.», не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ «*причета*». Надо было испросить на это разрѣшеніе у «закащика» (благочиннаго), а «закащикъ былъ въ отлучкѣ по своему заказу и скорого возвращенія онаго нечаятельно». Томская воеводская канцелярія, 28 ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8 апрѣля 1752 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), «заглушила» это донесеніе, а 19 августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая «свѣтскимъ командирамъ» людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему «закащику», и этимъ указомъ *) «съ резолюціи ми-

*) Указъ тоб. д. консист. 22-го ноября 1752 г.

трополита Селиверста» предписано закащику «самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градо-богоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію», которая ожидала этихъ свѣдѣній, а «на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства».

При такихъ проволочкахъ всё слѣды совершеннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло «предано волѣ Божіей», а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22 ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще «наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22 іюля 1742 года». Сибирское духовенство «подкрѣплялось» и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали «батюшкой», а другіе съ ужасомъ называли «бѣшенымъ конемъ».

Тутъ пошло другое.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ-быть, добрый, но гордый, заносчивый и пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса «духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими» *). Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе; онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ «съ превеликою пышностію», и засталъ здѣсь на митрополичьей кафедрѣ Павла Конюскевича **).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали, и чиновные люди ожидали его «съ пригребетомъ» и говорили, что онъ «ужасно себя покажетъ»; но духовные «не брегли, уповая

---

*) Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полка; при воцѣствованіи имп. Петра III отставленъ премьеръ-майоромъ, но недолго находился въ бездѣлствіи; имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадира, опредѣлила губернаторомъ въ Слбщр. Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархнии (Слов. достоп. люд. р. з., т. V).

**) Павелъ Конюскевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Вместе съ Чичеринимъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

на законы Арсеніевы». Знатки жизни обрацали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и «долго находился въ бездѣйствіи», а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь «скоро себя вознаградить за все терпѣніе». При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрные полномочія и «воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти». Рассказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: «кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ». А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтораста человекъ, въ числѣ которыхъ были гаѣдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ «штатъ», состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, и, вступивъ въ домъ, никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ къ митрополиту не поѣхалъ и даже объявилъ, что «не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства». Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу «ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословіи, а въ нарочитые дни и болѣе», но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до «торжественнаго именинаго дня Александра Невскаго» и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностью, чтобы напомянуть людямъ и о своемъ величій. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ-то «удовить Чичерина въ несоблюденіи» и хотѣлъ произнести ему обличеніе; но всѣ эти намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновение произошло въ *орденскій день* того самаго

срдца, котораго Чичеринъ быть кавалеромъ и «имѣть его одѣяніе». А потому, едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершали самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «облеченный въ орденскую *mantio*» (которую простой народъ называлъ «мантіліей»). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семь величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопровождаемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чичерина. Въ городѣ всѣ побѣжали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служили архіерей, и здѣсь, какъ слышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ «въ мантілѣ», всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантіи... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ нашлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и всѣ позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ «совсѣмъ какъ карточный король». Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда «Чичеринъ въ мантіи» и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на входы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: «неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?» И въ храмѣ люди будто уже «ни пѣнія, ни молитвъ не слышали, а единственно только великолѣпію вельможи дивились». По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу, «не удостоивъ говорить со владыкою», то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ «карточнымъ королемъ» и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

«Народъ рукоплещая» проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или «дворца», и по

и, и многіе «ловя лобызали его руки, кои онъ прости-
ралъ имъ изъ мантии» *). Потомъ же Чичеринъ «давалъ
обѣдъ при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной
стрѣльбѣ».

Митрополитъ Павель увидалъ, что ему съ такимъ про-
тивникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не
пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ
Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и
управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во
вкусъ Гарунъ-аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели
въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просите-
лей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ
исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ
своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика
и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо
сразу опредѣлялъ: кто правъ, а кто виноватъ, и «правымъ
оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а лобдниковъ наказывалъ
въ то же время». Наказанія онъ часто производилъ
«отечески», т. е. собственноручно или черезъ «ближайшую
особу». Это тоже нравилось; говорили: «отца родного не
надо какъ Діонисъ Ивановъ: поучить, а несчастнымъ не
сдѣлаеть». «Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными сво-
ими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно
слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и изви-
ненія». «Вспыльчивость и горячность его не долго продол-
жались», и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ «старался
оказывать каждому услуги» и слылъ за человека «добраго
сердца». «Въ занятіяхъ былъ *неумолимъ*» и легко пере-
ходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не только былъ

*) Объ этой «мантии» или «мантіліи», въ которой Чичеринъ сдѣлалъ
«орденское шествіе», разсчитанное на то, чтобы импонировать тоболь-
скому митрополиту Павлу Колюсевичу, упомянуто у Бавтыша-Камен-
скаго; по указанію, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ
пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 г. получалъ орденъ св. Анны,
тогда еще голштинскій: орденъ же Александра Невскаго данъ ему
1785 г. Митрополитъ же Павель «спасовалъ» передъ Чичеринымъ и
«уволчилъ въ Кіевъ по обѣщанію въ 1768 году». (Слѣдовательно, демон-
стративное шествіе, въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвести
не ранѣе 1765 года и, вѣроятно, былъ притомъ въ «орденскомъ
одѣяніи» или въ мантии св. Анны, а не Александра Невскаго, красная
бархатная мантия котораго на бѣломъ подбѣе установлена только въ
1797 году императоромъ Павломъ, при «улучшеніи одѣянія» этого ордена.
Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785 г.).

высшій правитель «обширнѣйшаго края», но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полицеймейстера: вставалъ почтами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собравшихъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. «Если до него доходили какія-либо происшествія во время съѣздовъ (т. е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывать, а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что дѣлалъ». Только особенно близкія персоны знали, что значить такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачевскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а «когда надлежало гостямъ разѣзжаться, онъ роздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста». Отъ этого въ Tobольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, завлѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ «экспромту» войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но все-таки изловили нѣсколько «бунтовщиковъ, вспомошествовавшихъ Пугачеву», и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Tobольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее; но, по его мнѣнію, ему «не съ кѣмъ было объ этомъ говорить»; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Tobольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что «не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Маноилова, исправлявшаго чинъ церковной опоры» *). На этихъ ихъ

*) Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

«контрахъ» застряли и сборы за «небытіе», и безиреялственно совершалось «дониманіе за скверноядство». Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ, онъ до того разсердиль Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ «Тобольскій Лѣтописецъ») «во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и развратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ отплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянутъ крюкомъ за животъ въ некло рогадые бѣсы» *).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ «усилился», что сталъ «давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне», и митрополитъ, видя его успіе, опять началъ проситься у Синода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), «братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ» **).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ назвалъ «сборъ за небытіе» «самонужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ» и не мѣшалъ Чичерину «быть тивуномъ» на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ вѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по-домашнему въ бешметѣ и съ араинникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались «тивуну», а остальные продолжали все свои безчинства и «гонялись за очищеніемъ скверноядства». Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ «попы даже дни позабыли», что и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ закончанію.

*) Выписано изъ Тобольск. Лѣтописца».

***) Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генералъ-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по старинѣ, въ духѣ «Арсеніевой независимости». «Народцы» терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемая французскою революціею; въ Москвѣ побывали дванадцать языкъ; облеченные довѣріемъ государя, сенаторы Топухинъ и Нелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости. и всеѣмъ было извѣстно желаніе императора «воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти» («Р. Арх.», стр. 194), а въ сибирскихъ тундрахъ съкрещеными «народцами» дѣлали все, что хотѣли, и это необузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами просвѣтителѣ потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то «именитый путешественникъ». Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, «въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовлетворенія» *). Почему именно богомольный путешественникъ «не получилъ удовлетворенія»—изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно; видно одно, что «сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходить, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день оставлялъ безъ литургій».

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Александру Николаевичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія **), а сверхъ того ***) управлялъ еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще «эту эпоху дѣятельной жизни своей ознаменовалъ подви-

*) Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіея. тобольскимъ Амвросіемъ Келембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

**) Съ 16-го ноября 1817 г.

***) Въ 1819 г.

гами, достойными перейти въ потомство» *). Его уже называли: «другъ царя и человѣчества» **), и онъ дѣйствительно перѣдко успѣвалъ быть «доступенъ голосу обидимыхъ несправедливостью» и «не любить петершности, а уважалъ чистое христіанское благочестіе».

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ «извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясаинныхъ инородцевъ».

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т. е. отъ путешественника, который увидѣлъ безпорядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находить себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это непосредственное вниманіе «высокомощнаго друга человѣчества» ***).

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направилъ его «по вѣдомству духовныхъ дѣлъ». Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ ****), 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына «строжайшее предписаніе произвести немедленное и самострожайшее слѣдствіе», какъ о священникахъ, «сильно притѣсняющихъ ясаинныхъ инородцевъ», такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся Голицыну за что-то необычайное, въ Tobольскѣ нѣкого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ: священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, «путаютъ дни», а потому за это даже нельзя было строго и взмски-

*) Слов. достопамятн. людей, т. I, стр. 418.

**) Ibidem.

***) Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣшательство «непризваннаго самозванства», и всѣ знали, что откровенными мѣтвѣи сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что «хотя у насъ въ школахъ и на кафедрахъ твердить: «люби Бога, люби ближняго», но не воснѣтъвають той натуры, коей любовь свойственна; а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укѣпивъ, заставить ходить» (Р. Арх. 84 г., стр. 17).

****) Ев. тоб. съ 1805 по 1822 г. (увольнѣнъ 21-го дек. 1822 г.). Чл. Юр. Толстой.

вать, такъ какъ у священниковъ «часовъ численныхъ не было и въ разѣздахъ ихъ дни у нихъ перѣдко приходили въ забвеніе».

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что «на притѣсненія ясашиныхъ священниками» жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и «или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ: а если дикари могли представить несомнѣнные доказательства, что ихъ «обираютъ», тогда причту «былъ выговоръ».

Князю Голицыну, однако, рассказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производить обыкновенно «одинъ сосѣдній священникъ надъ другимъ таковымъ же», и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ «тазовскимъ забвенникомъ» и надъ притѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось «съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны». Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ,—депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ «не подчинится» и не допустить свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и «повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все, какъ указано». Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ спѣшить, и дѣйстви-

тельно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе, — и все въ томъ духѣ, какъ угодно было «другу людей». По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ «самонужнѣйшей указъ» консисторіи въ туруханское духовное правленіе «о самонастрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра».

Указъ этотъ свкачалъ до Туруханска два мѣсяца. — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о «самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата».

Тутъ Голлицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору *изъ одною секретаря*, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были «въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣденій: гдѣ они въ данное время находятся».

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, «еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо все члены въ расходѣ».

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и опъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ «запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю», такъ какъ Сперанскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и «чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны».

Правленіе не нашлось, что отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошелъ годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справки о «исбытіи» и о «скверноядствѣ» все шли по-старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвра-

тился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ. и ему сейчасъ же объяснили, что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу, указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Монголевъ и сообщилъ, что «ясачные по рѣкамъ Тазу и Турухану всѣ разѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя».

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ, а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ.—родной братъ того «тазовскаго забвенника», который «перебилъ дни» и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе, производимое братомъ надъ братомъ, но и оно, однако, не состоялось, потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ. но онъ не могъ командировать самого себя, да и не могъ оставить городъ безъ требосправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ «другомъ людей».

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторія, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе, которое удивило «всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ». А именно: тобольская духовная консисторія, какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра, назначила слѣдователемъ «содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафнаго попа Чесова», который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска «за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобношсудимыя поступки».

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воскобойникова, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе—самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны, и послалъ къ Чесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались вы-

ѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ «штрафной пошъ» Чемесовъ выѣхалъ «для вѣсчати дѣла» и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Прежде всего Чемесовъ принялся за «тазовскаго забвенника», какъ за лицо, допустившее «анекдотъ», оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ, дѣйствительно, «помѣшался въ счетѣ дней», и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣверными сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— «Въ этомъ каюсь».

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился «сыскивать», какъ обижаютъ «небытейниковъ и скверноядцевъ»; и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду, — по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а *за нихъ*, и противъ обидчиковъ: но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоценны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться «бытейцами», такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ «не гоняли», но отчего такъ повелось—они тоже не знаютъ. Объ обидахъ, какія потерпѣли «скверноядцы», дознавать было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая сви-

Дѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, «удалились за рѣки». Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дозналъ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясанные были велики.—верстъ на тысячу и даже на полторы *), и прихожане тутъ осѣдло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ, по фамиліи Кайдаловъ, «наложилъ на нихъ ясакъ за скверноядство» и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ сквернояденія за каждаго человѣка въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души. и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ «скверно ѣсть» дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а «хорошей ѣды» достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясаные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житіе съ невѣщанною женою, и по 20 бѣлокъ «за дѣтеныша», а кто «отбѣгалъ» отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ «донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ сквернояденія», и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески. а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а «подаль ему двухъ соболей». Съ остяка Швана Ортюгина, который питался одною медвѣжьей говядиной, священникъ «взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ». И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленіяхъ указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло «больше сотни».

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи «штрафной попъ» и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человѣкъ. и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а небезуспѣшно начатое имъ дѣло тянулось многіе годы и до-

*) Напримѣръ, тазовскій приходъ — 900 верстъ, хантайскій—1.200, и хатаганскій—1.350 верстъ.

шедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: «*Туруханское дѣло о злоупотребленіи природною простотою жителей*».

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но, однако, священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали «вопросные пункты»,— между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей?— то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: «я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты».

Такіе паглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иные дѣла, на которыя «смотрѣла Европа»: въ 1820 г. «въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету». Голицынъ старался «на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей», а потомъ сейчасъ же «приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000», а въ 1821 г., когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ, — годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, измѣнившихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о «небытіи» и о «сквернодѣствіи», соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: «о туруханской простотѣ».

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что было бы лучше), а пошли «смѣнить имъ людей», и стали «разъискивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слыш-

комъ за двѣ тысячи верстъ». А тѣ «кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промыслять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно». *Нисколько лѣтъ* еще ѣздили за ними отъ Оби до Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что «невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣдѣній: гдѣ ихъ искать». Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгоды — что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣдній актъ величайшей подьяческой дерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда «бумажное дѣло-производство» «о злоупотребленіи простотою» сдѣлалось «чрезмѣрно велико» и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подьячихъ, чтобы они составили изъ него «экстрактъ».

Подьячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были «лядащіе», малотолковитые, и «въ сочиненіи не искусные», а притомъ «были подавлены тяжкими обстоятельствами при самоничтожнѣйшемъ жалованіи». Они жили «даяніями» и «вымоганіями», которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ быть налицо живой проситель, а по необъятному дѣлу «о злоупотребленіи простотою» некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подьячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было пренеполнено; однако, они все-таки «экстрактъ» сдѣлали, и притомъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, по нѣтъ! — духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его *«выслать въ оное правленіе всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для рукоприкладства подѣ экстрактомъ»*.

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу «о злоупотребленіи простотою» наступилъ ко-

нець; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное,—чтобы онъ собралъ и «выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала», то онъ и призналъ за самое лучшее—ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отношеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ — слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ-быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГИ.

(УДАЛЕЦКІЯ «СКАСКИ»).

«Величіе народа въ томъ,
Что носить въ сердцѣ онъ своемъ».

А. Майковъ.

«И ложные слухи въ народѣ по-
казываютъ стремленіе этого народа
къ извѣстной пѣли».

Еписк. *Порфирій Успенскій.* (См.
«Книга бытія моего», т. I, стр. 357).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Скасками» назывались въ Россіи сообщенія, которыя «бывалые» люди, по возвращеніи изъ своихъ удалыхъ прогулокъ, подавали своимъ милостивцамъ или правителямъ, а иногда и самимъ государямъ. Въ «скаскахъ» удалцы обыкновенно повѣствовали о своихъ странствіяхъ и приключеніяхъ, объ удали въ бояхъ и о страданіяхъ въ плѣну у чужеземцевъ, которые всегда старались нашихъ удалцовъ отклонить отъ любви къ родинѣ и привлечь богатыми дарами въ свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо вѣрны своему царю и отечеству и всѣ соблазны чужихъ людей отвергали и постыждались, а потомъ этимъ вдохновенно хвастались. Болѣе или менѣе интересное сочетаніе былей съ небылицами въ этомъ родѣ составляетъ главное содержаніе всѣхъ «скасокъ», а характерныя черты ихъ бродяжныхъ героевъ — это отвага, терпѣнье и вѣрность. За эти добродѣтели скасочники просили себѣ награды, и «скаска» затѣмъ и подавалась. «Скаскамъ», которыя сочиняли о себѣ вдохновенные бродяги, у насъ легко вѣрили, ихъ читали замѣсто путешествій,

и онѣ доставляли удовольствіе высокимъ лицамъ, которыя не читали ничего лучшаго, а составители «скасокъ» получали черезъ это славу отъ соотчичей и награды за удалство отъ правителей и государей.

Разумѣется, до полныхъ результатовъ въ этомъ родѣ достигали не всѣ «скаска», а только такія, которыя были сложены особенно хорошо, то есть любопытно и «лестно» въ патріотическомъ смыслѣ. Такимъ мвлостивцы давали «высшій ходъ» и сочиненія эти доходили до царскихъ палатъ и теремовъ, откуда вдохновеннымъ сочинителямъ исходило «царское жалованье». И кромѣ того, послѣ къ нимъ уже никто не смѣлъ ввязаться съ требованіемъ отвѣта, за «шатательство» и за какія бы то ни было старыя не-исправности, такъ какъ «кого царь пожаловалъ, того и Богъ простилъ».

При императорѣ Петрѣ I, съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ пониманіи русскихъ людей, «скаска» вдохновенныхъ бродягъ потеряли свое значеніе въ обществѣ: невѣжественные люди ими еще интересовались, но петровскіе грамотей, ознакомившіеся съ лучшими произведеніями, перестали интересоваться «бродяжными баснями». А главное, дѣловитый царь не любилъ потворствовать глупостямъ, и «скасочниковъ» прямо стали называть неучтиво «бродягами» и бить батогами.

Такая суровость не давала вдохновенію бродягъ простора, и «скаска» ихъ было перевелось или оставались только въ сферѣ преданій, жившихъ въ «мѣстахъ заключенія». Это была устная, «острожная словесность», но нынче вспомнили и о «скаскахъ» и дали недавно русскому обществу любопытный и будто бы послѣдній образчикъ такого произведенія, которое очень понравилось самой сильной современной русской газетѣ, которая указала на это, какъ на прекрасную и достойную вниманія вещь. Но на самомъ дѣлѣ «скаска» въ добросовѣстной литературѣ не могутъ получить похвалы, а должны получить прежде всего *разьясненіе* ихъ достоинствъ.

Настоящій очеркъ долженъ быть опытомъ въ этомъ родѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ истекающемъ 1894 году, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи» напечатаны двѣ челобитныя со

«скасками», поданныя въ 1643 г. царю Михаилу Феодоровичу «турскими полонениками», калужскимъ стрѣльцомъ Иваномъ Семеновымъ Мошкинымъ и московскимъ посадскимъ человѣкомъ Якимомъ Васильевичемъ Быковымъ.

Редакція большой и самой вліятельной теперь петербургской газеты заинтересовалась этимъ документомъ и воспроизвела «скаску» съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что тамъ сказано. Она прямо назвала «скаску» Мошкина и Быкова «доставѣрнымъ источникомъ, который обстоятельно рисуетъ быть чужихъ странъ и предприимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей».

Думается, что если бы газета знала, какими людьми и съ какими цѣлями составлялись такія «челобитныя со скасками», то она навѣрно предпочла бы просто перепечатать «скаску», какъ любопытный образецъ этого рода письменности, и не стала бы завѣрять «доставѣрность этого источника», явная лживость котораго до того очевидна, что, несмотря на давность событій и отдаленность мѣста описанныхъ происшествій, а также на полное отсутствіе провѣрочныхъ свѣдѣній—лживость «скаска» все-таки легко доказать изъ нея же самой, что мы сейчасъ же и попробуемъ сдѣлать.

Главнымъ сюжетомъ «скаска», приведенной въ «Чтеніи Общества Исторіи и Древностей», служить отважный побѣгъ нѣкоего Мошкина, вмѣстѣ съ 280 русскихъ «полонениковъ», томившихся болѣе семи лѣтъ на турецкой каторгѣ. Побѣгъ былъ устроенъ изъ Царьграда по заранѣе обдуманному плану съ судна «каторги», которое принадлежало Ашты-пашѣ Марьеву.

На суднѣ, по словамъ Мошкина, было «250» турокъ и «280» русскихъ невольниковъ,—значитъ, почти на каждого русскаго невольника приходилось по одному турку. Пропорція ужасная для устройства побѣга, но тѣмъ занимательнѣе: какъ это сдѣлается.

Мошкинъ подъ Азовомъ укралъ у турокъ сорокъ фунтовъ пороху и спрягалъ ихъ у себя на «каторгѣ», гдѣ ихъ содержали такъ слабо и довѣрчиво, что они никому не попались съ своей кражей. Мошкинъ рѣшился взорвать «каторгу» въ морѣ и, когда произойдетъ взрывъ, уйти съ судна со всѣми своими товарищами, 280 русскими полонениками. Съ этою цѣлью одинъ разъ ночью Мошкинъ пробрался въ

капитанскую каюту. захвативъ съ собою весь украденный пудъ пороха, и заложилъ весь этотъ зарядъ цѣбликомъ около того мѣста, гдѣ спалъ Анты-паша, и подстроилъ подъ порохъ горящую головню; порохъ вспыхнулъ и произошелъ взрывъ, и «двадцать турокъ побросало въ море»; но и самъ Мошкинъ «обгорѣлъ по поясъ». Паша, однако, остался невредимъ, такъ какъ онъ спалъ на «упокойномъ мѣстѣ», и, проснувшись, поднялъ тревогу. Мошкинъ «учалъ ему говорить спорно», а потомъ бросился на пашу и прокололъ ему «брюхо». Началась схватка, послѣ которой 210 турокъ были побиты, а 40 живыхъ закованы въ желѣзо, а изъ русскихъ 20 ранены и 1 убитъ*). Самъ Мошкинъ былъ раненъ стрѣлой въ голову, правую руку и саблюю—въ голову и брюхо. Послѣ побѣды русскіе подъ предводительствомъ Мошкина «пошли на суднѣ». Идучи Средиземнымъ моремъ, они побывали въ «7 земляхъ» и въ Россію вернулись черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Они приставали и высаживались во многихъ городахъ и вездѣ обращали на себя вниманіе и зависть иностранцевъ: вездѣ «королевскіе ближніе люди перезывали ихъ въ свои земли на службу и многіе гроши давали». Такія богатя дѣлали имъ предложенія, какихъ, они знали, что въ родной землѣ имъ ожидать себѣ невозможно, но они все не соблазнялись и плыли, и, заболтавшись по морю, попали въ испанскій городъ Мессину, гдѣ испанскій генераль увидалъ Мошкина и сталъ предлагать ему «по 20 р. въ мѣсяць», а всѣмъ прочимъ «давалъ гроши и платья, и жалованья». Но Мошкинъ и всѣ другіе русскіе люди не польстились на выгодныя предложенія чужихъ правительствъ и «не подумали остаться въ Европѣ».

Воздержались они отъ этого соблазна, «помня Бога, православную вѣру, свою русскую природу и государеву милость».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Испанскій генераль и прочіе вельможи, увидавъ, что русскіе люди такъ вѣрны, что не приняли сдѣланныхъ имъ выгодныхъ предложеній, разсердились на нихъ и пере-

---

*) Турокъ было всего 250 человекъ. Изъ нихъ сброшено въ море 20, побито 210 и осталось 40 человекъ, что составляетъ всего 270 человекъ. Значитъ, послѣ катастрофы на двадцать человекъ стало больше. Газета даже и этого не замѣтила.

мѣнили съ ними обхожденіе, и вмѣсто прежнихъ ласкъ и соблазновъ начали ихъ донимать утѣсненіемъ и скорбями. Начали они это съ того, что, по приказанію своего воеводы, «отняли каторгу (судно), со всѣми животы» (т. е. имуществомъ), а также огняли у нихъ и сорокъ человѣкъ турокъ, которыхъ освободившіеся русскіе сами содержали теперь у себя въ плѣну и надѣялись притащить ихъ взаперти къ себѣ «ко дворамъ» или продать гдѣ-нибудь въ неволю, а при опасности, конечно, не затруднились бы сбросить и за бортъ. Но испанцы досмотрѣли, что везли на суднѣ, и все это дѣло разстроили: они не только отобрали турокъ и выпустили ихъ на свободу, но еще изъ самихъ русскихъ взяли семь человѣкъ подъ арестъ, вѣроятно для того, чтобы узнать, что они за люди и по какому праву держали у себя запертыми на «каторгѣ» турецкихъ людей. Въ «скаскѣ» ничего не говорится о причинѣ, для чего ихъ придержали, но видно, что произошло что-то серьезное, послѣ чего русскіе пошли отъ испанцевъ «наги, босы и голодны». И такое бѣдствіе они терпѣли до самаго Рима. Въ Римѣ одинъ изъ товарищей Мошкина, воронежскій крестьянинъ Григорій Карѣевъ, заболѣлъ и лежалъ при смерти 2 мѣсяца. А болѣзнь ему приключилась отъ ранъ, полученныхъ на «каторгѣ» (т. е. при стычкѣ съ турками); въ Римѣ и «копье (т. е. наконецникъ стрѣлы) вынули у него изъ раны у папы римскаго». «У папы они приѣмали сакраментъ». (Противъ этого мѣста въ скаскѣ думный дякъ Иванъ Гавренивъ сдѣлалъ помѣту: «отослать ихъ подначало къ патриарху для исправленія»). Изъ Рима удалцы пошли на Венецію, Вѣну и Варшаву (sic) и вездѣ «разговаривали съ цезарями» и «всѣ имъ были рады» и всѣ ихъ звали къ себѣ на службу, но Мошкинъ и его товарищи чужимъ цезарямъ служить не захотѣли.

Итакъ, во всѣхъ тяжелыхъ и соблазнительныхъ положеніяхъ своего плѣна, Мошкинъ показалъ себя человѣкомъ мужественнымъ, неподкупнымъ и беззавѣтно преданнымъ православной вѣрѣ и русскому царю. Такимъ онъ, нисколько не обинуясь, выставляетъ себя самъ въ челобитной со скаскою, и такъ же представляютъ его личность современные комментаторы челобитной; но я опять говорю, что человѣкъ, сохраняющій въ себѣ здравый смыслъ, не можетъ принять все рассказанное въ этой «скаскѣ».

Обратимъ вниманіе на явныя очевидности, которыя выносятся въ глаза и говорятъ, что въ «скаскѣ» Мошкина есть много неправды, послѣ чего трудно вѣрить и остальному.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Возможно ли, чтобы судно, при взрывѣ на немъ цѣлаго пуда пороха, встряхнулось такъ, что нѣкоторыхъ неподходящихъ людей скинуло въ воду, а затѣмъ всѣ свои люди уцѣлѣли и самое судно сейчасъ же было годно для дальнѣйшаго плаванія?

Намъ думается, что это невозможно и что невозможность эта очевидна.

2) Вѣроятно ли, что Мошкинъ, опаленный огнемъ до пояса, сейчасъ же могъ еще «спорно» разговаривать и, вставши, биться на сабляхъ и проколоть брюхо совершенно здоровому напѣ?

По-нашему это невѣроятно.

3) Отчего изъ 250 человекъ турокъ, которые плыли на суднѣ, послѣ взрыва насчитывается 270 турокъ? (20 сброшено въ море, 210 убито русскими и 40 осталось у нихъ, итого 270)?

Если это ошибка, то не странно ли, что она не замѣчена ни дякомъ Гаврепевымъ, ни Московскимъ Обществомъ Истор. и Древн., ни редакціею газеты, которая нашла весь этотъ рассказъ «достовернымъ и обстоятельнымъ»?

4) Какъ могло быть, что Мошкинъ, раненый въ голову и въ животъ, сейчасъ же могъ принять команду судномъ и повелѣть его далѣе?

5) Какъ могло случиться, что крестьянинъ Григорій Карѣевъ, получившій тяжелыя раны при взрывѣ судна, продолжалъ долгое путешествіе морями и сушей и удалъцы изъ-за него нигдѣ не останавливались, а когда они уже много спустя плыли изъ Испаніи, послѣ того, какъ у нихъ тамъ отобрали полоненныхъ турокъ, то этотъ Григорій Карѣевъ сталъ болѣть отъ ранъ, полученныхъ въ началѣ ихъ одиссеи; а когда они пришли въ Римъ, то Карѣевъ у нихъ такъ разболѣлся, что они дальше не могли плыть и простояли тутъ ради Карѣева цѣлые два мѣсяца, и тогда только «вынули изъ него конь»? Неужто имъ не проще было помѣстить больного въ госпиталь, а самимъ идти далѣе, а не харчиться въ чужомъ мѣстѣ, да еще доба-

вокъ въ католической столицѣ, гдѣ ихъ могла настичь и дѣйствительно настигла напасть духовная. Пока одинъ больной исцѣлялся тѣломъ, всѣ ожидавшіе его выздоровленія захирѣли духомъ и «приняли католицкій сакраментъ»?

Что довело этихъ православныхъ людей до такого поступка? Или они не знали постановленія, что лучше умереть безъ всякаго «сакраментъ», чѣмъ принять его изъ руки инославной. или не влекла ли ихъ къ этому надежда на папу, что онъ заступится за нихъ, если они будутъ католики, и повелитъ испанцамъ возвратитъ имъ отобранныхъ у нихъ мусульманскихъ невольниковъ?

Вообще. какой интересъ могли имѣть иностранцы въ томъ, чтобы имъ заманивать къ себѣ: простыхъ, ничему не наученныхъ и ни въ чемъ не искусныхъ русскихъ людей, когда по свѣдѣніямъ, бывшимъ уже тогда въ Россіи, «въ чужихъ земляхъ было весьма многолюдно, а хлѣба не обильно». Что могли отнимать у невольниковъ испанцы? Неужто кому-нибудь нужны были ихъ невольничьи лохмотья?

Нѣтъ! Все это не могло быть такъ, какъ писано въ скаскѣ, а не проще ли думать, что сами русскіе пришли въ Римъ о чемъ-то стараться, и усердно стараючися, «приняли и римскій сакраментъ», по ошиблись въ соображеніяхъ и это имъ не помогло въ томъ, чего они добивались. Тогда они увидали свою ошибку и разореніе, и поняли, что они въ чужихъ краяхъ никому не надобны. Это сознаніе, безъ сомнѣнія, и привело ихъ на родину, гдѣ Мошкинъ вдохновился и, приложивъ къ быліямъ безъ счета небылицъ, сочинилъ свою «скаску» и подалъ ее царю съ просьбою: «пожалуй меня, холопа своего, съ моими товарищи, за наши службишки и за полонское нужное терпѣніе своимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ объ насъ Богъ извѣститъ...»

Такъ это дѣлалось въ 1643 году. при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, и тогда, судя по помѣтѣ дьяка Гавренева, вся эта несуразная «скаска» была принята за серьезное дѣло. По крайней мѣрѣ ей повѣрили въ томъ, что Мошкинъ говорилъ о сакраментѣ, и за это его наказали. Затѣмъ, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, редація современной русской газеты любитъ этимъ документомъ и, нимало не стѣсняясь помѣщенными въ ней нелѣпостями, называетъ всю эту чепуху «достовернымъ источникомъ, обстоятельно

рисующимъ быть чужихъ странъ и предпримчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей». Тьсячи читателей газеты не замѣчаютъ, какую имъ предлагаютъ глупость, и многіе изъ нихъ вѣрятъ, что «скаска» составляли справедливые и отважные патріоты, которымъ надо вѣрить и имъ подражать.

Но, можетъ-быть, указанное стремленіе газеты внушить обществу невѣрное понятіе объ одномъ изъ видовъ нашей «письменности» происходитъ стъ того, что редакція, воспроизведшая «скаску» Мошкина, не знаетъ, что есть «скаска», точно такого же «сложенія», сочиненная сто лѣтъ позже, именно въ 1794 году, и достопримѣчательная тѣмъ, что она получила *народную* оцѣнку, а сочинитель ея признанъ *бродягою*.

Пусть посмотрятъ, какъ это разбираетъ *народъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣщанинъ Василій Баранщиковъ. Онъ былъ человекъ маленькій, но предпримчивый, и трудиться не любилъ, а желалъ разбогатѣть какъ-нибудь сразу. На несчастье это Баранщикову не удавалось: онъ запутался въ долги разнымъ частнымъ людямъ и накопилъ на себѣ недоимку въ общественныхъ платежахъ. Дѣло было худо, но Баранщиковъ не сробѣлъ и съ веселымъ духомъ переписался изъ мѣщанъ въ кунцы, чтобы ему болѣе вѣрили; набралъ у людей въ долгъ кожевеннаго товара, выправилъ въ январѣ 1780 года изъ нижегородскаго городского магистрата паспортъ и уѣхалъ на ярмарку, которая собирается на второй недѣлѣ великаго поста въ Ростовѣ. Съ этой ярмарки почтенный Баранщиковъ домой уже не вернулся и оставилъ тамъ на власть Божию и на людское попеченіе свою купеческую жену и дѣтей безъ всякаго пропитанія. И кунецъ, и товаръ—все пропало безслѣдно и въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ не было объ этомъ удалыцѣ никакихъ слуховъ, какъ вдругъ на восьмой годъ «нѣжа пригнала его къ лужѣ» и онъ появился въ Россіи, представляясь различнымъ вельможамъ и всѣхъ ихъ прекрасно обманывалъ, пока попался своимъ общественнымъ людямъ, которые сейчасъ же разобрали дѣла Баранщикова въ точность и «Лазарю», котораго онъ распѣвалъ, не повѣрили,

а потянули его къ расправѣ. Тогда Баранщиковъ обратился къ старинному средству «снискать себѣ счастье въ особину» и составилъ о своемъ бродяжествѣ скаску съ тѣмъ, чтобы поднесли ее особамъ и царицѣ въ видѣ печатанной книжки подъ заглавіемъ: «Несчастныя приключенія Василя Баранщикова, мѣщанина Нижняго-Новгорода, въ трехъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Азін и Европѣ съ 1780 по 1787 годъ». (С.-Петербургъ, 1787 г.).

Изъ этой рѣдкой нынче книжки, представляющей экземпляръ «скаски» екатерининскаго вѣка, мы возьмемъ только самое существенное, что повѣствоваль о себѣ Баранщиковъ. Онъ продалъ будто весь «свой товаръ» въ Ростовѣ и выручилъ за него денегъ 175 рублей. Изъ этихъ денегъ онъ хотѣлъ заплатить что слѣдовало за товаръ тѣмъ, кто оказалъ ему довѣріе, но деньги у него сейчасъ же украли ростовскіе мошенники. Баранщиковъ остался безъ всякихъ средствъ, такъ что ему не на что было и лошадей покормить. Тогда онъ, «не желая сидѣть безъ дѣла, продалъ въ Ростовѣ за 40 рублей двухъ своихъ лошадей и отправился попытать счастья въ Петербургъ».

По прибытіи въ Петербургъ, онъ нанялся матросомъ на корабль генерала Михаила Савича Бороздина и коллежскаго совѣтника Василя Петровича Головцына съ платою по 10 рублей въ мѣсяць и въ половинѣ сентября вышелъ въ море. Корабль былъ нагруженъ мачтовымъ лѣсомъ, а курсъ они держали «изъ Кронштадта въ Бордо и Гавръ-де-Грасъ». Однако, на этомъ кораблѣ Баранщиковъ дошелъ только до Копенгагена, гдѣ онъ опять сдѣлался жертвою злоумышленниковъ. II отсюда справки о немъ уже стали невозможными, а приходилось вѣрить ему во всемъ на слово. «Скаска» же Баранщикова становится съ этого шага все болѣе интересною и менѣе вѣроятною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Случилось такъ, что когда корабль Бороздина и Головцына пришелъ въ Копенгагенъ, то Баранщиковъ «былъ спущенъ на берегъ, для покупки нужныхъ припасовъ, и зашелъ въ питейный домъ, какъ свойственно русскому чело-*вѣчку, выпить пива*». Тутъ онъ встрѣтилъ датчанъ, которые показались ему очень привѣтливыми и чрезвычайно ему понравились. «Не понимая ихъ языка, по видѣ ихъ

благорасположеніе, онъ знаками показалъ имъ, что ему надо спѣшить на корабль». А датчане тогда «сейчасъ же догадались, что онъ русскій, и указали ему на водку и пиво».

Баранниковъ, «какъ свойственно русскому человѣку», не устоялъ противъ водки и пива, и обязанности свои отложилъ, воспользовался приглашеніемъ и началъ съ датчанами пить. «Черезъ полчаса ихъ пріятная компанія увеличилась и къ нимъ присоединился какой-то «нарядный плутъ». Этотъ внесъ оживленіе въ бесѣду тѣмъ, что сталъ объясняться по-русски въ такомъ родѣ: «здравствуй, братъ! здорово ли ты живешь? откуда и куда плывете?» Себя же этотъ «нарядный плутъ» назвалъ русскимъ изъ Риги, пріѣхавшимъ на галіотѣ рижскаго купца Венедикта Ивановича Хватова, и плутъ угощалъ компанію водкою и пивомъ. Шли усердно всѣ четверо, а «нарядный плутъ» во все время выхвалялъ датчанъ, какіе они хорошіе люди, и какое у нихъ славное житье, а потомъ сталъ склонять Баранникова, чтобы онъ пошелъ на датскій корабль ночевать. Баранниковъ никакъ не могъ придумать: для чего это датчанамъ хочется, и онъ сначала ни за что на это не соглашался, но потомъ, «совершенно обласканный внимательными чужестранцами и особенно полагаясь на слова своего земляка, согласился».

И вотъ Баранниковъ не сопротивляется соблазну и прямо изъ питейнаго дома идетъ съ датчанами на пристань, а здѣсь садятся на лодку и переправляются на датскій корабль. Такъ онъ избѣжалъ объясненій съ лицомъ, которое послало его за покупками, но зато сразу же былъ удивленъ очень непріятною переменою въ обращеніи своихъ датскихъ друзей: они «тотчасъ свели гостей въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля». Тутъ Баранниковъ смекнулъ, что онъ обманутъ, и сталъ просить датчанъ «угрозами и ласкою» отпустить его на русскій корабль. Но датчане уже не обращали никакого вниманія на его просьбы, а только прислали къ нему того «наряднаго плута», который въ кабачкѣ выдавалъ себя за русскаго, а теперь успокоивалъ и «уещалъ» Баранникова обѣщаніемъ, что его скоро раскуютъ и свезутъ въ Америку, гдѣ «житье доброе и много алмазовъ и яхонтовъ». Онъ, «какъ свойственно русскому человѣку», плуности повѣрилъ и пересталъ хныкать, а датчане, за то, что онъ утихъ, принесли французской водки и

пуншу, накормили Баранщикова кашею и напоили водкой и нушемъ, и онъ пришелъ въ такое расположеніе, что опять «добровольно захотѣлъ остаться на корабль». Кромѣ Баранщикова, тутъ точно въ такомъ же положеніи оказались еще и другія лица не русской національности, а именно, одинъ шведъ и пятеро нѣмцевъ, и всѣ они были замапены на судно и здѣсь удержаны и закованы.

Утѣшительное обѣщаніе «наряднаго плута Матіаса», что ихъ раскуютъ, исполнилось вѣрно. Какъ только датскій корабль миновалъ брантъ-вахты Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Боръ, Баранщикова и съ нимъ одного шведа и пятерыхъ нѣмцевъ датчане сейчасъ же расковали и велѣли всѣмъ имъ «одѣть матросское платье», и «приставили ихъ къ матросскому дѣлу», которое они и исполняли въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, до прибытія въ іюнь 1781 г. въ Америку, на богатый островъ св. Томи. На островѣ же св. Томи началось другое: Баранщикова здѣсь высадили, но сейчасъ же «поверстали въ солдаты» и привели къ присягѣ. Такъ какъ онъ былъ вѣренъ православію и чухонскаго Евангелія поцѣловать не могъ, то вмѣсто евангелія онъ цѣловалъ корабельный флагъ Христіана VII съ изображеніемъ Креста Господня. Потомъ ему положили солдатское жалованье, «по 12 штиверовъ въ сутки, т. е. 24 коп. да по фунту печенаго хлѣба изъ банана» и дали ему тутъ новое имя «Мишель Николаевъ»—такъ какъ «слово *Василій* начальники не могли понять».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Солдатъ изъ Баранщикова вышелъ никуда не годный, и штиверы и бананный хлѣбъ отслуживалъ онъ плохо. Онъ «былъ непонятенъ въ ученіи ружьемъ и не могъ пріобыкнуть къ нѣмецкому языку». Датчане, много съ нимъ побившись, нашли болѣе выгоднымъ исключить его изъ строя и промѣнять на двухъ негровъ. Такъ и сдѣлали. По промѣну, Баранщикова достался испанскому генералу съ острова Порторико, куда его и отправили. Въ Порторико Баранщикова привели въ присутственное мѣсто и «заклеймили на лѣвой рукѣ». Клеймъ на немъ выставили нѣсколько и всѣ очень характерныя. На лѣвой рукѣ Баранщикова были воспроизведены нижеслѣдующія изображенія: «1) Святая Дѣва Марія, держащая въ правой рукѣ розу, а въ лѣвой тюль-

пань; 2) корабль съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду; 3) сияющее солнце; 4) сѣверная звѣзда; 5) полумѣсяцъ; 6) четыре маленькія сѣверныя звѣзды; 7) на кисти той же лѣвой руки былъ изображенъ осьмиугольникъ, а еще ниже 8) «1783 годъ», и еще ниже 9) буквы «М. Н.», т.-е. Мишель Николаевъ (стр. 16 и 17).

Испанскій генераль, вымѣнявшій себѣ Баранщикова за двухъ негровъ, опредѣлилъ его къ себѣ на кухню и поручилъ ему: рубить дрова, чистить кастрюли и котлы, носить воду и исправлять всякія другія кухонныя работы.

Обязанности кухоннаго мужика показались Баранщикову гораздо больше по душѣ, чѣмъ безпокойная солдатская служба, и притомъ Баранщиковъ былъ у генерала «доволенъ пищею» и обхожденіемъ, и онъ началъ стараться, чтобы не попасть куда-нибудь хуже, и скоро выучился «понимать по-испански», и могъ уже говорить съ генеральшею, которая была очень добра и жалостлива, и вотъ ей стало жалко Баранщикова, что онъ оторванъ отъ семейства и живетъ въ неволѣ, и она черезъ полтора года упростила мужа отпустить Баранщикова на свободу.

Испанскій генераль выдалъ ему печатный испанскій паспортъ съ наименованіемъ его: «Московитинъ Мишель Николаевъ», наградилъ его десятью песодорами (около 13 рублей) и отпустилъ на волю.

Баранщиковъ сейчасъ же сталъ заботиться, какъ ему возвратиться на родину, и для этого нанялся матросомъ на итальянскій корабль, который долженъ былъ вскорѣ отойти въ Генуа; но въ морѣ судно подверглось роковой случайности, которая еще болѣе отягчила участь Баранщикова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Итальянскій корабль, шедшій въ Генуа, въ январѣ 1784 года былъ захваченъ въ плѣнъ «тунисскими разбойниками или мисирскими турками, живущими въ Африкѣ». Баранщиковъ сдѣлался рабомъ разбойниковъ, которые безъ всякихъ разговоровъ «обрубили его въ магометанскую вѣру». Было или нѣтъ на это собственное согласіе Баранщикова, онъ умалчивается, но извѣстно, что магометане никакого человѣка безъ согласія его не обрубливаютъ. Омусульманивъ Баранщикова, дали ему имя Ислямъ, а потомъ стали его клеймить наново, и клеймили его «солнцемъ» на правой

рукъ и отдали корабельному капитану Магомету. Магометъ его полюбилъ и отвезъ его въ Виелеемъ и тамъ «сдѣлалъ своимъ *кафишенкомъ*», т.-е. заставилъ его варить кофе. Баранщиковъ жилъ у Магомета годъ и восемь мѣсяцевъ, и житье ему было не худое, но онъ очень наскучилъ своею должностью кофишенка, потому что ему каждый день приходилось варить кофе разъ до пятнадцати. Это ему очень надоѣло. Кромѣ приготовленія кофе, Баранщиковъ имѣлъ только одно развлеченіе: онъ развеселялъ и смѣшилъ четырехъ Магометовыхъ женъ, которымъ тоже было довольно скучно. Баранщиковъ развлекалъ ихъ «скасками» о перенесенныхъ имъ несчастіяхъ и о своей русской женѣ и о дѣтяхъ, оставленныхъ въ Нижнемъ - Новгородѣ. Турецкія дамы очень всѣмъ интересовались и стали съ Баранщиковымъ «откровенны и жалостливы», а онъ, «примѣтя ихъ слабость», придумывалъ какъ бы еще усерднѣе ихъ утѣшать, и затѣялъ показывать имъ смѣшное и по ихъ пониманію «чудное», т.-е. сверхъестественное дѣло, котораго никто, кромѣ русскаго человѣка, сдѣлать не могъ бы.

Это касалось невѣроятности аппетита и еще болѣе невѣроятной силы и крѣпости желудка.

Однажды, «во небытность Магомета» дома, Баранщиковъ, оставшійся одинъ при четырехъ турецкихъ дамахъ, «насыпалъ цѣлый глиняный» горшокъ сарацинскимъ пшеномъ и, сваривъ изъ этого кашу, положилъ въ нее тюленьяго жиру, отчего «каша разопрѣла и горшокъ треснулъ». Смотрѣвшія на все это турецкія дамы ужаснулись, что это такое состряпано и куда оно годно теперь, послѣ порчи каши отвратительнымъ тюленьимъ жиромъ. Тогда Баранщиковъ, видя ихъ смѣшной ужасъ и непонятливость, сказалъ имъ: «вотъ посмотрите, сударыни, какъ я по-россійски стану кушать кашу!» И онъ прѣблагополучно съѣлъ весь горшокъ и всталъ будто голодень.

Турецкія дамы глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, что «Московъ все это съѣлъ». и какъ только мужъ ихъ возвратился, онъ всѣ къ нему подлетѣли и наперерывъ другъ передъ дружкой спѣшили рассказать о кашѣ съ тюленьимъ жиромъ, отъ которой горшокъ лопнулъ, а брюхо Баранщикова осталось въ цѣлости.

Магометъ не повѣрилъ женамъ, будто человѣкъ можетъ съѣсть такое количество каши съ тюленьимъ жиромъ и,

призвавъ Баранщикова, сталъ его допрашивать по турецки: «Ислямъ Баша! нероды чокъ Екмель?» то-есть: «какъ ты кашу ѣлъ? Если горшокъ треснулъ—отчего твое брюхо не треснуло?» А Баранщикова весело отвѣчалъ пашѣ: «что это не важно, а что онъ еще два горшка съѣсть». Магометъ совсѣмъ изумился и сказалъ: «Пу, россияне! Вотъ такъ народъ! Не даромъ они сожгли въ Чесмѣ турецкiй флотъ, разбили корабли и умертвили храбрыхъ турецкихъ витязей! Но скажи пожалуйста—отчего вы такіе сильные?» На такое любонитство Магомета, Баранщикова отвѣчалъ «хорошую ложь» (sic). Онъ сказалъ такъ:

«— Наши солдаты презираютъ смерть: у насъ есть трава, растущая въ болотахъ, и когда нашъ янычаръ (т.-е. солдатъ) идетъ на войну, лишь бы только ее укусилъ, то не подумайте, чтобы одинъ человекъ не напустилъ на двѣсти вашихъ турокъ, т.-е. ики Юсь Адамъ (sic). Такъ и я такой же, меня не подумай удержать; я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты, Магометъ, долженъ, по повелѣнію великаго нашего пророка Магомета, черезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденіе и тогда я куда хочу туда и пойду» (стр. 21—23).

«Совѣсть Магомета изобличила» и онъ сдѣлалъ Баранщикова «на пѣкоторое время счастливымъ». Содержалъ его въ родѣ домашняго артиста и началъ часто приглашать къ себѣ гостей, заставляя Баранщикова готовить и ѣсть при нихъ разопрѣлую кашу съ тюленьимъ жиромъ, а потомъ рассказывать при всѣхъ «хорошую ложь», т.-е. хвастать про ту траву, растущую въ болотахъ, вкусивши которой, русскіе становятся неодолимо мощны. Гости съ постояннымъ удивленіемъ смотрѣли на обжорство Баранщикова, а потомъ, когда слушали его хвастовство, то качали головами и давали ему «попомножечку денегъ». Баранщикова же думалъ, что теперь онъ ужъ сталъ настоящая «душа общества» и не ждалъ конца этому пріятному положенію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дурацкія представленія, которыя давалъ Баранщикова, разумѣется, скоро наскучили, и публика не съѣзжалась больше смотрѣть на его обжорство, Баранщикова лишился артистическаго фавора и опять «почувствовалъ печаль о

своемъ отечествѣ и о христіанской вѣрѣ, о женѣ и о троихъ дѣтяхъ». Тогда онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что его никто не стерегъ, и онъ убѣжалъ отъ своего господина, но какъ онъ ранѣе не разузналъ дорогу въ Россію, то не зналъ куда идти, и его опять поймали и привели къ Магомету, а Магометъ велѣлъ «бить его по пятамъ палками шамшитоваго дерева до болѣзни».

Послѣ такого наказанія Бараншиковъ долго провалялся, а когда поправился, то сейчасъ же принялся искать средствъ такъ убѣжать, чтобы его уже не поймали и не били. Бараншиковъ пошелъ на корабельную пристань и сталъ тамъ толкаться между корабельщиками, отыскивая «добродѣтельнаго» человѣка христіанской вѣры, который бы его выручилъ изъ плѣна. Судьба ему полагостствовала, и онъ нашелъ грека Христофора и попросился на его корабль. Христофоръ согласился его взять, но предварительно «учинилъ ему увѣщаніе». Онъ сказалъ: «какъ ты живешь у богатаго господина, то смотри, ты ничего изъ его дому не украдь» (стр. 25).

Бараншиковъ далъ слово, что красть не будетъ.

Въ условленный день Бараншиковъ явился на корабль Христофора, и они отправились въ Константинополь. По пути они заходили въ Яффу, Венецію, Микулу и Смирну.

Изъ Яффы Бараншиковъ съ Христофоромъ и двадцатью христіанами ходили въ Иерусалимъ на поклоненіе святынямъ.

Грекъ Христофоръ, придя въ Иерусалимъ, свелъ Бараншикова къ греческимъ священникамъ и рассказалъ имъ о его злоключеніи и о невольномъ (будто бы) магометанствѣ. Иерусалимскіе, греческіе священники отнеслись къ магометанству Бараншикова очень снисходительно, такъ какъ въ ихъ народѣ, при совмѣстномъ житіи съ турками, переходы въ магометанство и назадъ бывають не рѣдко. Греческіе духовные сейчасъ же разрѣшили Бараншикова и, въ знакъ освобожденія его отъ магометанской вѣры, «приказали сторожу заклеить его на правой рукѣ образомъ распятія Господня. Клеймо это большое, устроено все изъ шголь, посаженныхъ въ крѣпкой доскѣ желѣзной, натертой порохомъ» (sic). Бараншикову было очень больно, когда его этимъ заштемнеливали, но зато теперь онъ сталъ опять православный христіанинъ, каковъ былъ ранѣе до плѣненія его разбойниками.

Въ Венеціи Баранщиковъ предъявлялъ свой старій испанскій паспортъ и получилъ отъ мѣстнаго управленія другой печатный паспортъ съ изображеніемъ на ономъ почивающаго въ Венеціи святаго апостола и евангелиста Марка.

Въ Микулѣ Баранщиковъ ходилъ къ россійскому консулу изъ славанцевъ Контжуану, который отнесся къ нему очень участливо и велѣлъ ему явиться въ Царьградъ къ русскому министру Якову Ивановичу Булгакову *).

Когда корабль пришелъ въ *Константинополь*, Христофоръ поблагодарилъ Баранщикова за службу и, снабдивъ его греческой одеждою, разстался съ нимъ, но денегъ ему не далъ ни копейки, и Баранщиковъ всю свою надежду теперь возложилъ на русскаго министра Булгакова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день Баранщиковъ пошелъ въ Перу, гдѣ жилъ россійскій министръ. Самого Булгакова Баранщиковъ не видалъ, потому что, по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Царьградѣ, Булгаковъ выѣхалъ изъ города на мызу. Тогда Баранщиковъ обратился къ домоправителю Булгакова и «изъяснилъ ему всѣ свои обстоятельства». Но «г. домоправитель не подвинулся примѣромъ добродушнаго грека Христофора»—и мало далъ вѣры рассказамъ Баранщикова и на паспорта его не обратилъ вниманія, а «приказалъ, чтобы онъ никогда въ домъ императорскаго министра не ходилъ, претя отдачею, буди приидеть, подь турецкую стражу, сказавъ при томъ съ негодованіемъ: какъ бы то ни было, что ты магометанскій законъ самовольно или принужденно принять, нужды нѣтъ вступаться его превосходительству, *много васъ такихъ бродягъ*, вы всѣ сказываете, что пуждою отурчали» (стр. 36 и 37).

И вотъ Баранщикову при русскихъ стало хуже, чѣмъ у чужаковъ, и пришлось ему добывать себѣ пропитаніе поденной работою на корабельной пристани. Плата была изрядная: по два левка въ день, т.-е. по 1 р. 20 к., но жить было дорого, и денегъ едва хватало. Въ свободное отъ работы время Баранщиковъ не разъ ходилъ въ бѣдномъ греческомъ платьѣ въ россійскій гостиный дворъ и искать по-

*) Як. Ив. Булгаковъ былъ назначенъ русскимъ министромъ въ Константинополь въ 1781 г., и занималъ эту должность семь лѣтъ.

кровительства у прїѣзжавшихъ туда русскихъ купцовъ. Но всѣ русскіе купцы были тоже народъ тертый и, какъ Булгаковскій домоправитель, совсѣмъ не вѣрили «скасамъ» Баранщикова и помощи ему не оказали. Въ этомъ горестномъ положеніи, оставленный неимовѣрными русскими, Баранщиковъ обратился опять къ легковѣрнымъ туркамъ и среди ихъ случайно встрѣтилъ близъ гостиннаго російскаго двора двухъ, съ которыми сошелся и опять надолго отвлекся отъ осуществленія своего страстнаго стремленія возвратиться на родину и соединиться съ любимою семьею и съ истинною святою, православною вѣрою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новые знакомые, которыхъ Баранщиковъ встрѣтилъ у гостиннаго двора, «весьма изрядно» говорили по-русски и называли себя сапожниками изъ Арзамаса. Одинъ изъ нихъ, по имени Гусманъ, пригласилъ Баранщикова къ себѣ на домъ, «объщая счастье». Баранщиковъ пошелъ и сразу же убѣдился, что опять попалъ къ магометанину. Гусманъ имѣлъ трехъ женъ и увѣщевалъ Баранщикова позабыть про свое отечество и принять магометанство. А когда Баранщиковъ «изъ простодушія» и въ предотвращеніе какой-либо бѣды, открылся, что онъ давно уже магометанинъ и хорошо знаетъ весь законъ Магомета, то Гусманъ пригрозилъ ему и сказалъ: «для чего же ты, будучи въ Магометовомъ законѣ, носишь одежду греческую? Ты знаешь ли, что за сіе смерть опредѣлена?» Баранщиковъ испугался, «паль ему въ ноги и просилъ пощады». Гусманъ оказался человѣкъ не злой. вмѣсто того, чтобы вызвать противъ Баранщикова свирѣпое турецкое звѣрство за то, что онъ перекидывается то въ христіанскую вѣру, то въ магометанскую, выдумалъ очень благочестивую штуку. Гусманъ наказалъ Баранщикову скрыть, что онъ уже потурченъ, съ тѣмъ, чтобы еще одинъ разъ произвести надъ нимъ возсоединеніе къ магометанству,—за что тамъ набожные магометане подавали новосоединеннымъ пособія и награды. Баранщиковъ видѣлъ, что Гусманъ хочетъ сдѣлать изъ него прибыльную статью, и ему не сопротивлялся. А Гусманъ тотчасъ же побѣжалъ къ имаму, «т.-е. попу» и купилъ у него за 20 левковъ такую записку: «Россіянинъ Василій пришедь въ Стамбуль, т.-е. Царьградъ, добровольно при-

няль Магометовъ законъ, наученъ молитвамъ и нареченъ именемъ Ислама». При этомъ имамъ Ибрагимъ выучилъ Баранщикова одной Магометовой молитвѣ (42 и 43 стр.).

Гусманъ же строго наказалъ Баранщикова, чтобы онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ по-турецки, кромѣ одной той молитвы, которой его научилъ имамъ. Такъ Баранщикова и началъ выдавать себя за новоприващаго Магометанскій законъ, а Гусманъ началъ этимъ аферировать.

Этотъ магометанскій пройдоха прежде всего повелъ Баранщикова къ великому визирю, который за принятіе Магометовой вѣры повелѣлъ выдать Баранщикова сто левковъ и опредѣлилъ его въ янычары съ жалованіемъ по 15 паръ (22½ коп.) въ сутки. Отъ визиря оба плута пошли по другимъ турецкимъ господамъ и богатымъ купцамъ, которыхъ Гусманъ зналъ, какъ людей благочестивыхъ и неравнодушныхъ къ вѣрѣ. Всѣхъ ихъ они надули. Гусманъ имъ рассказывалъ, какъ Баранщикова проклялъ свою прежнюю вѣру и посвятился магометанству, и теперь его надо поддерживать, чтобы онъ могъ жить не боясь своихъ прежнихъ христіанскихъ единовѣрцевъ, а турки-купцы и знатныя особы всѣ повѣрили этимъ рассказамъ и давали имъ деньги. «Такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденія въ мечети насбирали они черезъ одну недѣлю 400 левковъ (240 руб.)»: Сумма для двухъ негодяевъ очень хорошая, но съ раздѣломъ ея вышла неприятность. Баранщикова рассчитывалъ всѣ эти деньги взять на молитвы себѣ, такъ какъ онѣ были подарены мусульманами для поддержанія его благочестія, но Гусманъ захотѣлъ получить себѣ долю изъ сбора за то, что водилъ Баранщикова къ благодѣтелямъ, а какъ Баранщикова не видѣлъ надобности съ нимъ дѣлиться, то у нихъ изъ-за этого произошла неприятность, и Гусманъ прибѣгъ къ угрозѣ, что онъ расскажетъ о притворствѣ Баранщикова и «добьется для него смертной казни». Тутъ Баранщикова увидалъ, что дѣло опасно, и, чтобы развязаться съ дурнымъ товарищемъ, далъ Гусману половину (200 левковъ) изъ того, что они собрали, и Гусманъ этимъ удовольствовался.

Исправивъ свои денежные обстоятельства, Баранщикова опять надолго успокоился насчетъ православія и своего семейства и не смѣшилъ возвращеніемъ на родину, а слу-

жилъ янычаромъ и жилъ въ казармахъ «подъ командой чиновника, по ихъ названію югъ-баши». Ему опять было очень не худо: онъ получалъ полное содержаніе, жалованье и табакъ и, прижившись, задумалъ жениться по-турецки, потому-что «не обшить, не обмыть его было некому». И вотъ, чтобы получить себѣ швачку и прачку, Баранщиковъ обратился за помощью опять къ тому же Гусману, съ которымъ они было поссорились за деньги, собранныя ихъ совмѣстнымъ плутовствомъ. И они сейчасъ же опять сошлись на новое хорошее дѣло.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гусманъ не только укрѣпилъ Баранщикова въ намѣреніи жениться, но сейчасъ же пашель ему и невѣсту: онъ посоветовалъ ему взять себѣ въ жены восемнадцатилѣтнюю Ахмедуду, сестру одной изъ трехъ женъ самого Гусмана. Баранщикову было все равно: «кто бы ни была, лишь бы баба», и онъ сразу же согласился жениться на молоденькой Ахмедудѣ—и переселился изъ казармъ въ домъ Гусманова и своего тестя, по имени Магомета. Свадьба его съ Ахмедудой была совершена «по ихъ обрядамъ въ мечети» и положено условіе: въ случаѣ жена будетъ не любя, «заплатить 50 левковъ (30 р.) пени и отпустить ее». Съ полученною такимъ образомъ молодою женою Баранщиковъ жилъ болѣе восьми мѣсяцевъ и жить ему было хорошо. Турки очень довѣрчивы и тесть Баранщикова, Магометъ, такъ его поставилъ, что Баранщиковъ былъ въ его домѣ полнымъ господиномъ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ. Тесть былъ имъ доволенъ и «хвалилъ всѣмъ почтеніе, отдаваемое всякій день зятемъ Псыямомъ».

Но Ахмедудѣ онъ сталъ непріятенъ, и она начала сомнѣваться въ томъ, что онъ истинно держится мусульманской вѣры, «замѣчая въ немъ *неумовеніе*» (48 и 49 стр.), что для нея, какъ для мусульманки, было невыносимо. Черезъ это Ахмедуда стала къ нему не только неласкова, а потомъ даже сдѣлалась «свирѣпая».

Но если Баранщиковъ утратилъ расположеніе у молодой Ахмедуды, то «имамъ (попъ)» сталъ его убѣждать, чтобы онъ взялъ себѣ еще одну жену, кромѣ чистюли Ахмедуды. Однако, «всемогущій Богъ устроилъ жизнь его пнако».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Однажды, стоя на часахъ, Баранщиковъ увидаль голову преступника, выставленную напоказъ и въ поученіе всему народу. Это Баранщикова возмутило. Въ другой разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ одного хлѣбника, у котораго недоставало на рукѣ трехъ пальцевъ; Баранщиковъ спросилъ: отчего это у него недостаетъ пальцевъ, а тотъ отвѣчаетъ, что пальцы у него отрѣзаны за обмѣриваніе и обвѣшиваніе покупателей. Баранщиковъ опять ужаснулся, какъ турецкія власти строго за всѣмъ смотрять, и узналъ, что полиція даже нерѣдко подсылаетъ такихъ разузнащиковъ, которые все подсматриваютъ и подслушиваютъ: какъ мусульманинъ ведетъ себя въ людяхъ и дома, и нѣтъ ли въ комъ чего незаконнаго и утаеннаго, и если что-либо таковое окажется, то тогда тому нѣтъ пощады. И за несоблюденіе себя съ женщиной тоже могутъ наказать очень строго. Баранщикову это показалось ужасно недостойно и придирчиво, и онъ вспомнилъ, какое отвращеніе внушилъ къ себѣ молодой женѣ своей Ахмедудѣ, и опять затосковалъ о родинѣ и сейчасъ же ощутилъ непреодолимое желаніе вернуться въ Россію (53—54 стр.).

Баранщиковъ такъ струсилъ, что не сталъ отлагать своего намѣренія нисколько, а немедленно пошелъ въ Галату и разыскалъ тамъ русскаго казеннаго курьера, пріѣхавшаго изъ Петербурга съ бумагами къ послу. Баранщиковъ разспросилъ у курьера, какъ и черезъ какіе города надо ѣхать до россійской границы. Другого источника онъ для этой справки не придумалъ. Время же тогда приближалось къ магометанскому Рамазану, и Баранщиковъ, какъ турецкій солдатъ, долженъ былъ идти на смотръ къ великому визирю и получить жалованье.

Тестъ его, довѣрчивый и добрый старикъ Магометъ, заботясь о немъ, какъ о родномъ сынѣ, принялся его наряжать, и прибралъ зятя очень щедровато: онъ далъ ему богатый шелковый кушакъ, перетканый золотомъ, книжаль, оправленный жемчугомъ, красными и зелеными яхонтами, и два пистолета съ золотою насѣчкою (58 стр.).

Баранщиковъ позволилъ, чтобы добрый старикъ все это на него надѣлъ, а самъ захватилъ съ собою два наспорта и запрягалъ ихъ подъ платье. Тестъ и жена замѣтили это

и полюбопытствовали, что это за листы, а Баранщиковъ солгалъ имъ, что «это русскія деньги, которые онъ хочетъ размѣнять». Потомъ онъ явился къ визирю и получилъ отъ него похвалу и 60 левковъ (36 р.) жалованья; а къ тестю и къ жёнѣ назадъ уже не вернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться домою, Баранщиковъ пошелъ со смотра въ Галату къ знакомому греку Спиридону, у котораго переодѣлся въ бѣдный греческій костюмъ, и оставилъ Спиридону турецкую чалму, красные сапоги, кушакъ, книжалъ и два пистоleta. Очевидно, что этому греку онъ всё тестевы вещи продалъ, а деньгамъ нашель употребленіе, «какъ свойственно русскому человѣку», и затѣмъ, 29 іюня 1785 года, онъ отправился въ свое отечество, «презирая всё мученія, даже и самую смерть, если случится, что пойманъ будетъ».

Черезъ пять недѣль, а именно четвертаго августа, Баранщиковъ былъ уже на Дунаѣ и встрѣтилъ тутъ запорожскихъ казаковъ. Они его привѣтили, и онъ проживалъ у нихъ нѣкоторое время, въ разныхъ домахъ, «у кого дни два, три и четыре».

Запорожцы оставляли его у себя совсѣмъ, но Баранщиковъ не захотѣлъ якшаться съ такими буйными и непокорными передъ властью людьми, а наоборотъ, онъ еще имъ внушалъ, чтобы они покорились и вернулись въ Россію. Но огрубѣвшіе казаки его не послушались и отвѣчали: «что мы тамъ (въ Россіи) позабыли? Поди туда ты, если хочешь, а мы не хотимъ, да и ты пойдешь, добра не найдешь» (62 стр.).

Разумѣется, запорожцы не сбили Баранщикова и не уклонили его отъ предначертаннаго имъ себѣ пути: онъ ушелъ отъ нихъ и, питаясь подаиіемъ, прошелъ черезъ Молдавію и черезъ Польшу и пришелъ наконецъ въ Васильковскій форпостъ. Здѣсь съ него русскіе сейчасъ же сняли допросъ, а паспорта отобрали и отослали его въ кievское намѣстническое правленіе.

Изъ кievскаго намѣстничества Баранщиковъ получилъ указъ, чтобы явиться въ Нижнемъ-Новгородѣ властямъ, причемъ правитель кievскаго намѣстничества генераль-поручикъ и кавалеръ Ширковъ отнесся къ Баранщикову

очень милостиво, пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а два паспорта отиравилъ по почтѣ въ нижегородское намѣстническое правленіе. Баранщиковъ же пошелъ черезъ города Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орель, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Владиміръ и Муромъ и вездѣ рассказывалъ свою «скаску» и находилъ охотниковъ ее слушать, послѣ чего его кое-какъ вознаграждали за его злостраданія.

Наконецъ, 23 февраля 1786 г. Баранщиковъ, послѣ семи лѣтъ отсутствія, вступилъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ положеніе его представляло большія осложненія, такъ какъ Баранщикову дѣло шло не только о томъ, чтобы здѣсь водвориться, но чтобы ему сбросили съ костей все его долги... Да, онъ хотѣлъ, чтобы съ него не взыскивали ни старыхъ долговъ, ни податныхъ недоимокъ, ни денегъ за кожевенный товаръ, который онъ взялъ въ долгъ и не привезъ за него изъ Ростова никакой выручки.

Надо было сдѣлать такъ, чтобы все это ему было «прощено», и онъ на это надѣялся, и въ этомъ-то случаѣ ему и должна была сослужить службу та «скаска», которую онъ о себѣ расскажетъ. Но мы увидимъ, какъ это различно дѣйствовало на тѣхъ, кто можетъ прощать, и на тѣхъ, которымъ надо платить за прощенника.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нищенствовавшая семь лѣтъ въ Нижнемъ жена Баранщикова не узнала своего мужа, такъ какъ онъ былъ «бри-тый и въ странномъ платьѣ». Онъ долженъ былъ рассказать своей Пенелопѣ бывшія съ нимъ приключенія, на первый случай, можетъ-быть, умолчавъ только объ Ахмедѣ. Тогда жена повѣрила, что это ея пропадавшій мужъ, и «обрадовалась». Домъ и все хозяйство Баранщиковъ нашелъ въ полномъ разореніи и узналъ, что семья его уже давно нищенствуетъ, чего какъ будто онъ не ожидаетъ, покинувъ ихъ безъ всего и на произволь судьбы. Но всего хуже было то, что Баранщиковъ многимъ здѣсь долженъ, и что нижегородцамъ не заговоришь зубы, какъ онъ заговаривалъ ихъ доверчивымъ туркамъ, а иногда и грекамъ. Баранщиковъ сообразилъ, что самое надежное, на что онъ теперь можетъ рассчитывать — это найти благоволеніе у начальство и самое лучшее имѣть на своей сторонѣ вышшаго администратора въ графѣ.

Генераль-губернаторомъ въ Нижнемъ о ту пору былъ генераль-поручикъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, который слылъ за человѣка очень добраго, но очень недалекаго. Баранщикова сейчасъ же ему явился и обошелъ его не хуже, чѣмъ турецкаго пашу.

Ребиндеръ, выслушавъ скаску Баранщикова о его странствованіяхъ и несчастныхъ приключеніяхъ, не разобралъ, сколько тутъ лжи и сколько непохвальныхъ поступковъ есть въ правдѣ, и пожаловалъ проходиму 15 рублей да сказалъ ему: «я тебѣ во всемъ помощникомъ буду, но не знаю, какъ гражданское общество въ разсужденіи за шесть лѣтъ податей службы и тягости съ тобою поступитъ; ты прочитай новаго городского положенія статья 7, я городскому магистрату приказать платить за тебя не могу» (66 и 67 стр.).

Это Баранщику не понравилось: онъ былъ того мнѣнія, что генераль-губернаторъ можетъ всѣмъ и все приказать, и именно того только и хотѣлъ, чтобы подати за него заплатили міромъ, а частные долги простили ему. Съ «закономъ же положеній гражданского общества» онъ не хотѣлъ и справляться. Разъ, что генераль-губернаторъ толкуетъ свои права такъ ограниченно, Баранщику нечего копаться въ законахъ, а лучше прямо искать сочувствія и снисхожденія у гражданъ Нижняго-Новгорода, которые его знали и помнили, и платили за него его недоимки.

Но граждане совсѣмъ «не вняли голосу челолюбія» и, несмотря на то, что Баранщикова показавъ имъ себя всего испепреннаго разными штемпелями и клеймами, а потомъ, стоя передъ членами магистрата, вдругъ залопотавъ на какомъ-то никому непонятномъ языкѣ, они объявили его *бродягою* и предъявили къ нему отъ общества платежныя требованія. Нижегородцы насчитали на него за шесть лѣтъ бродяжничества 120 рублей гильдейныхъ, а какъ Баранщикова денегъ этихъ заплатить не хотѣлъ, то они его посадили въ тюрьму.

Добродушный Ребиндеръ оказалъ-было въ защиту Баранщикова какое-то давленіе и бродягу за общественную недоимку изъ-подъ ареста выпустилъ, но сейчасъ же на него были предъявленія отъ частныхъ лицъ счеты и векселя болѣе чѣмъ на 230 рублей, и Баранщикова, по требованію этихъ кредиторовъ, опять посадили подъ стражу.

Тутъ онъ увидалъ разницу между невѣрными турками и своими единовѣрными нижегородцами и сразу понялъ, что ему отъ этихъ не отвертѣться; сразу же, въ удовлетвореніе его долговъ кредиторамъ, былъ продавъ съ торговъ его домъ, который былъ такъ ничтоженъ, что пошелъ всего за 45 рублей. Послѣ этого Баранщиковъ былъ на время выпущенъ изъ тюрьмы, но теперь семья его лишилась даже пріюта, котораго у нея не отнимали, пока отецъ странствовалъ, ѣлъ кашу, служилъ въ янычарахъ и, опротивѣвъ одной женѣ, подумывалъ взять себѣ еще одну, новую.

Но и этого мало: Баранщиковъ надѣялся, что теперь, когда домъ его уже продали, самъ онъ, какъ ничего болѣе не имѣющій и вполне несостоятельный должникъ, останется на свободѣ. Тогда онъ опять куда-нибудь сойдегъ и что-нибудь для себя промыслить; но и это вышло не такъ: къ ужасу Баранщикова, нижегородцы измыслили для него страшное дѣло. Такъ какъ Баранщиковъ былъ еще не старъ и притомъ здоровъ, то магистратъ разсудилъ, что ему не для чего болтаться безъ дѣла, и постановилъ— «взять Баранщикова и за неуплату остальныхъ 305 рублей (185 долговыхъ и 120 гильдейныхъ) отослать его въ казенную работу на соляныя варницы въ г. Балахну по 24 рубля на годъ» (68 стр.).

Вотъ когда Баранщиковъ вспомнилъ предсказаніе, которое ему дѣлали зарубежные запорожцы, которыхъ онъ хотѣлъ исправить, звалъ возвратиться въ Россію, а они ему отвѣчали: «иди ты самъ, а когда и пойдешь, то добра не найдешь...» Вотъ оно все это теперь и сбывалось!.. Что еще могло быть хуже, какъ попасть изъ кофнишенковъ да въ соляныя варницы съ отработкою по двадцать четыре рубля въ годъ! За триста пять рублей ему тамъ пришлось бы провести лѣтъ семь...

Отъ этого онъ непременно хотѣлъ увернуться, а какъ генераль-губернаторъ наблюдаетъ законы и не требуетъ своею властью ихъ нарушенія, то Баранщиковъ въ крайнемъ отчаяніи обратился къ вѣрѣ и къ ея представителямъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Баранщиковъ бросился искать помощи у нижегородскаго духовенства, которое, по его мнѣнію, могло его защитить

и даже обязапо было задержать его высылку въ Балахну, потому что его слѣдовало еще исправить, какъ потурченнаго. Онъ хотѣлъ говѣть и исповѣдаться во всемъ на духу и получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ; но русское духовенство совсѣмъ не было такъ великодушно, какъ греческое, которое вразъ исправило его въ Іерусалимѣ и приитемпелевало. Нижегородскіе священники или были неопытны въ этой практикѣ, или же держали сторону общества, и совсѣмъ не захотѣли принимать Баранщикова на исповѣдь, потому что онъ былъ обрѣзанъ и жилъ съ женою въ магометанскомъ законѣ. Но все-таки по этому поводу возникъ вопросъ, а пока объ этомъ разсуждали, отправка Баранщикова въ Балахну, на соляныя варницы, замедлилась, а ему это и было нужно.

Священники отослали его къ нижегородскому архіерею, который выслушалъ его милостиво, но вопроса о причащеніи его не рѣшилъ и, въ свою очередь, препроводилъ Баранщикова къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Гавріилу.

Вотъ это Баранщикову и было нужно: онъ того и хотѣлъ, чтобы попасть въ столицу, гдѣ онъ надѣялся найти жалостливыхъ покровителей, черезъ которыхъ можетъ довести свое дѣло до самой Екатерины. Повели нашего странника въ Петербургъ и представили его тамъ Гавріилу.

Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ) былъ мужъ «острый и резонабельный». Такъ по крайней мѣрѣ аттестовала его Екатерина II, посвятившая ему книжку о Велизаріи съ такими словами, что онъ «добродѣтелью съ Велизаріемъ сходень». Митрополитъ, сходный съ Велизаріемъ, дѣйствовалъ въ духѣ времени, и безъ затрудненія разрѣшилъ сомнѣніе нижегородскаго духовенства: онъ велѣлъ Баранщикова въ Петербургѣ отъисповѣдывать и причастить. Такимъ образомъ Баранщиковъ, воссоединенный уже съ православіемъ благодатію священниковъ греческихъ, теперь былъ закрѣпленъ въ этомъ русскою благодатію и получилъ въ этомъ доказательство, удостовѣрившее, что въ столицѣ самыя высшія особы свѣтскаго и духовнаго чина приняли его сторону и отнеслись къ нему совсѣмъ не такъ, какъ нижегородская сѣрость.

Въ удостовѣреніе означенныхъ счастливыхъ событій, Ба-

ралшикъвъ выправилъ себѣ изъ с.-петербургской духовной консисторіи «билетъ» и. подъ защитою этого документа, вернулся обратно въ Нижній. Теперь онъ былъ уже не «отурченокъ», а чистый православный христіанинъ и притомъ человѣкъ извѣстный многимъ вельможамъ Екатерины. Послѣ этого можно было надѣяться, что нижегородцы уже не посмѣютъ теперь выбирать съ него свои долги и не погонять его въ Балахну на варницы, но нижегородцы ничѣмъ этимъ не прельстились: они продолжали видѣть въ Баранищиковѣ «бродягу», за котораго другіе рабочіе люди должны платить подати, да еще терпѣть его мошенническіе обманы, и потому они остались непреклонными и опять приступили съ своими требованіями, чтобы послать его въ Балахну на варницы. Баранищиковъ этого никакъ не ожидалъ и очень удивился. какъ простые купцы и мѣщане смѣютъ умышлять надъ нимъ такую грубость! Теперь онъ уже не робѣлъ, какъ было до представленія его митрополиту, а писалъ въ негодующемъ тонѣ: «Какъ! Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину свои имѣнія, чтобы онъ съ Пожарскимъ «очистилъ Москву отъ поляковъ»? (72 стр.). И вотъ это оно-то самое общество, «не слѣдѣя ни примѣру благотворительнаго купца Кузьмы Сухорукова, ни указу Ея Императорскаго Величества о банкротахъ и проторговавшихся купцахъ», беспокоить его, Баранищикова, который «остается по претерпѣніи злосключеній и несчастій въ Америкѣ, Азии и Европѣ, и въ своемъ отечествѣ!» (72 стр.).

Ну, такъ онъ имъ себя покажетъ!

Баранищиковъ составилъ о себѣ «скаску» и отпечаталъ ее въ Петербургѣ книжкою, изъ которой мы и взяли болшинство поданныхъ имъ о себѣ свѣдѣній. Книжка вышла въ 1787 году, и изданіе ея сдѣлано для тогдашняго времени очень опрятное и должно было стоить значительныхъ денегъ. Слѣдовательно, у Баранищикова были какіе-то состоятельные друзья, которые помогали ему издать его глупую и лживую «скаску». вмѣсто того, чтобы заплатить его долги тѣмъ людямъ, которыхъ онъ разорилъ своимъ безнужествомъ.

Знатныя лица и самый пошлый проныра и плуть, проштемпелеванный всякими знаками во свидѣтельство его измѣвъ

вѣрѣ, объединяются въ одномъ дѣйствѣ, лишь бы создать положеніе «наперекоръ положенію закона гражданскаго»...

Это говорить много.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Литературная выходка Баранщикова до сей поры не обратила на себя вниманія историческихъ обозрѣвателей нашей письменности, а она этого стоить, ибо это едва ли не первый опытъ «имитировать» обществу посредствомъ печати. Въ то же время это есть и первый опытъ шантажа книгою. Во всякомъ случаѣ, скаска Баранщикова представляетъ собою очень характерное явленіе, которое показываетъ, какъ русское общество выросло за сто лѣтъ со времени скаски, поданной Мошкинымъ царю Михаилу, а въ симпатіяхъ къ бродягамъ и въ недружелюбіи къ «положеніямъ закона гражданскаго» не измѣнилось. По существу и по цѣлямъ составленія, обѣ показанныя скаски совершенно одинаковы: та же манера бѣдниться, канючить и выставлять на видъ свою удалъ, хвалить вѣрность, благочестіе и свои страданія. Даже необдуманность и неискусство въ сочиненіи, и согласованіе очевидной лжи съ такою дѣйствительностью, которой бы надо стыдиться и промолчать о ней хоть изъ скромности, — все одно и то же, какъ въ «скаскѣ», поданной Мошкинымъ въ 1643 году, такъ и въ «скаскѣ» Баранщикова, *напечатанной* въ 1787 году. Баранщиковъ точно такъ же лжетъ о томъ, какъ онъ неумышленно съѣхалъ въ Ростовъ съ чужимъ товаромъ и попалъ ненарокомъ на датскій корабль въ Кронштадтѣ, а потомъ не знаетъ для чего самъ себя клеймилъ то христіанскими символами, то мусульманскими, и наконецъ сдѣлался кофшценкомъ у турка и занималъ общество своимъ обжорствомъ, а потомъ плутовалъ, обиралъ турокъ и обокралъ тестя и ушелъ, и паки воспріялъ свою вѣру, и тѣмъ спасся, и долговъ не заплатилъ, и не попалъ на варницы...

Нравственное достоинство обоихъ этихъ памятниковъ бродяжной письменности одинаково, но изученія «быта чужихъ странъ» у Баранщикова уже больше, чѣмъ у Мошкина, и манера описаній у Баранщикова художественнѣе и вѣроподобнѣе. У Мошкина нѣтъ ни одной такой безстыжей, но яркой подробности, какъ поѣданіе каши съ тюленьимъ жиромъ или негодованіе молодой Ахмедуды на мужнино

неряшество. Тутъ свои и чужіе люди являются въ положеніяхъ очень живыхъ и удобныхъ для сравненія, чего нѣтъ въ скаскѣ Мошкина, но кромѣ того скаска Баранщикова гораздо опредѣлительнѣе скаски Мошкина показываетъ, къ какимъ занятіямъ иностранцы употребляли у себя тѣхъ русскихъ людей, которые къ нимъ приставали. Мошкинъ только хвалился, что его манили, но онъ еще не зналъ, къ чему бы его съ товарищами приставили, а Баранщиковъ уже испыталъ все это на дѣлѣ и убѣдился, что русскими помыкали, и они даже у турокъ употреблялись только на самыя простыя услуги. Даже и въ азіатскомъ Виолемѣ Баранщиковъ не могъ показать ничего умнѣе, какъ только ѣлъ страшное количество каши съ ворванью... Очевидно, что и Мошкину съ товарищами выпало бы что-нибудь не лучше этого, но онъ, какъ человѣкъ необразованный, почитать себя за что-то очень рѣдкое и драгоценное, или же онъ прямо хвасталъ въ надеждѣ, что слушатели его скаски еще невѣжественнѣе, чѣмъ онъ самъ, и не сумѣютъ его хвастни отличить отъ истины. На этомъ его холопью душу можно понять и простить, но какъ быть съ газетою, которая распространяла и нахваливала эту надутую и вредную ложь въ концѣ XIX вѣка?.. Газета не могла же не знать, что люди, писавшіе скаски, всегда хвастали, и что трудолюбивые люди въ народѣ обыкновенно понимали ихъ, какъ бродягъ, и ихъ бродяжескимъ скаскамъ не вѣрили, чему и служить живымъ доказательствомъ отношеніе нижегородскихъ гражданъ къ «скаскѣ», поданной въ 1793 году мѣщаниномъ Баранщиковымъ. Газета, безъ сомнѣнія, могла найти надобность въ воспроизведеніи «скаски» Мошкина, какъ любопытнаго документа, но для чего же она стала увѣрять читателей въ томъ, что эта скаска представляетъ «достоверный источникъ» и что такіе неосновательные лгуны и хвастуны должны, будто бы, представлять собою «предпримчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей»?..

Пусть сохранитъ Господь всякую страну *отъ такихъ патріотовъ и... отъ такой печати, которая ихъ хвалитъ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы увѣрять общество въ столь явномъ и очевидномъ вздорѣ и такими увѣреніями портить понятіе

людей о безкорыстїи и патриотизмѣ, вліятельная газета поступила бы гораздо лучше, если бы, при большомъ изобилїи ея средствъ, она произвела сравненїя «скаски» 1643 года съ «скаскою» 1793 года, которая сдѣлалась извѣстною раньше мошкинской скаски. Въ этомъ сравненїи газета, безъ сомнѣнїя, могла бы указать своимъ многочисленнымъ читателямъ интересное сходство, и еще болѣе интересную разницу въ подходахъ къ тому, какъ получить «жалованье тѣмъ Господь извѣститъ». И всѣ бы видѣли, какъ наивенъ былъ Мошкинъ, который составлялъ свою «скаску» въ 1643 году только съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать непосредственно на жалобливость царя Михаила, и какъ дальше мѣтилъ и шире захватывалъ уже Баранщиковъ, жившїй столѣтїемъ позже; дрянной человекъ задумалъ взять себѣ въ помощь печать и, издавъ книгу, обмануть ею все русское общество и особенно властныхъ людей, которые находили удовольствїе помочь ему идти *«наскороъ положенїя закона гражданскаго»*.

Такимъ раскрытїемъ правды понятїя читателей были бы направлены къ тому, чтобы уважать лучшее, а не худшее,—именно трудолюбіе земледѣльцевъ, а не попрошайничество бродягъ, которые указывали примѣръ другимъ, какъ уклоняться отъ исполненїя общественныхъ обязанностей, взваливая ихъ на скромныхъ и трудолюбивыхъ людей, не освобождаемыхъ отъ исполненїя всѣхъ «положенїй закона гражданскаго». А такіе люди стоятъ самаго теплаго участїя, которое просвѣщенная и честная печать должна и привлекать къ нимъ.

А что потворства проискамы' проходимцевъ со стороны печати не только увеличиваютъ наглость и дерзость людей этого сорта, но даже прямо накликаютъ ихъ въ страну на ея стыдъ и несчастїе—мы это покажемъ изъ наступающаго третьяго очерка, герой котораго протрубилъ о себѣ скаску черезъ лейбъ-газету, и тѣмъ приуготовилъ себѣ успѣхъ, какого не могъ бы ожидать никакой иной шуткарь, не заручившїйся союзничествомъ съ газетчикомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Появленїе Ашинова и вся его блестящая и быстрая карьера въ Россїи съ трескучимъ финаломъ въ Обокѣ есть

дѣло вчерашняго дня, но, тѣмъ не менѣе, все это, однако, настоящая «скаска».

Несмотря на то, что Баранщиковъ появился сто лѣтъ послѣ Мошкина, а Ашиновъ сто лѣтъ послѣ Баранщикова, они всѣ трое, по духу и доблестямъ, люди одного и того же сорта, но въ походеиіяхъ каждаго изъ нихъ духъ времени отражается по-своему и заставляетъ ихъ избирать иные приемы къ тому, какъ добывать «нессадоры» и «штиверы» въ чужихъ краяхъ, а потомъ у себя дома просить «милостивое жалованье за службишку». Мошкинъ, Баранщиковъ и Ашиновъ всѣ не любятъ «положеній закона гражданскаго» и идутъ къ своимъ цѣлямъ обходами, при чемъ, однако, слѣдятъ за практикуемыми въ данное время приемами, и сами способны выбирать, что подходит по времени. Мошкинъ въ 1643 году едва голосъ поднималъ и канючить: «пожалуй меня холопа съ товарищи» и дьякъ Гавреневъ распоряжался надъ нимъ «рукою властною». Пока дѣло дошло до того, чѣмъ этого «холопа помилуютъ», Гавреневъ уже «помѣтилъ» наказать его за то, что принялъ отъ папы сакраментъ. Баранщиковъ, появившійся въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ литературный вѣкъ Екатерины II, уже начинаетъ прямо съ генераль-губернаторовъ и доходитъ до митрополита, а свое «гражданское общество» и мѣстное приходское духовенство онъ отстраняетъ и посылаетъ, и обо всемъ этомъ подаетъ уже не писаную «скаску», которой «вся дорога отъ печи и до порога», а онъ *выпускаетъ печатную книгу* и въ ней шантажируетъ своихъ общественныхъ нижегородскихъ людей, которые, надкучивъ за него платить, сказали ему: «много васъ такихъ бродягъ!» Этотъ уже не боится, что его дьякъ «помѣтитъ» къ отвѣту за «сакраментъ». Несмотря на то, что Баранщиковъ сдѣлалъ гораздо большую вину, чѣмъ принятіе католическаго сакраментъ, ибо онъ не только разъ, но нѣсколько разъ принималъ изъ-за выгоды магометанскую вѣру, собиралъ себѣ за это по дворамъ «ризки» и потомъ женился на турчанкѣ Ахмедудѣ и хотѣлъ взять еще другую жену, но все это не помѣшало Баранщикову поставить себя во мнѣніи властныхъ особъ въ Петербургѣ такъ, что «нижегородскіе попы и граждане ничего ему не смѣли сдѣлать». Но этого еще мало: Баранщиковъ не только отвергъ

обязанность платить свои долги и подати, онъ направилъ въ укоръ нижегородцевъ такой шантакный рожонъ: «Какъ!.. Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухо-рукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину всѣ имѣнія, чтобы онъ очистилъ съ Пожарскимъ Москву отъ поляковъ» (стр. 72). Издавъ съ чьей-то помощью дрянную книжонку въ Петербургѣ, бродяга Баранщиковъ уже издѣвается надъ обществомъ, озабоченнымъ «исполненіемъ положеній закона гражданскаго», и выводя себя на одну линію съ Миннинымъ, набрасываетъ на общественныхъ людей обвиненіе въ патріотической измѣнѣ...

Попы и мѣщане должны были смириться и стерпеть наглости этого выжиги.

Просіявшій же въ концѣ XIX вѣка Ашиновъ уже и знать не хотѣлъ о такой средѣ, какъ попы или мѣщане, а онъ прямо протянулъ откуда-то свою куцапую, бородавчатую руку Каткову и пошелъ фертонъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ одинъ достопамятный день редакторъ Катковъ, находившійся въ оппозиціи ко всѣмъ «положеніямъ закона гражданскаго», за которыя стоялъ ранѣе, возвѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что въ какомъ-то царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, совокупились рать, состоящая изъ «вольныхъ казаковъ», и разные державцы, а особенно Англія, манятъ ихъ къ себѣ на службу, но атаманъ новообрѣтенныхъ вольныхъ казаковъ, тоже «вольный казакъ Николай Ивановичъ Ашиновъ», къ счастью для насъ, очень любитъ Россію, и онъ удерживаетъ своихъ товарищей, чтобы они не шли служить никому, кромѣ насъ, за что, конечно, имъ нужно дать жалованье. Катковъ сразу же почувствовалъ къ этому атаману симпатію и до вѣрїе, рекомендовалъ Россіи этимъ не манкировать, а воспользоваться названнымъ кавалеромъ, такъ какъ онъ можетъ оказать службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскимъ самимъ появляться неудобно.

Первое катковское заявленіе объ этомъ было встрѣчено съ удивленіемъ и недовѣріемъ: въ Петербургѣ думали, что «злой московскій старикъ» что-то юродствуетъ. Люди говорили: «На кой намъ прахъ еще нужна какая-то шайка

бродячей сволочи!» Но Катковъ продолжалъ свою «лейбъ-агитацію» и печаталъ въ своей «лейбъ-газетѣ» то подлинные письма сносившагося съ нимъ Ашинова, то сообщенія о томъ, что могутъ сдѣлать въ пользу Россіи вооруженные товарищи этого атамана, укрывавшіеся въ это время гдѣ-то не въ нашемъ государствѣ въ камышахъ и заводахъ. «Вольные казаки» не знали: идти ли имъ за насъ, или «за англичанку», которая будто бы уже дала имъ заказъ, что имъ надо для нея сдѣлать, и прислала человѣка заплатить имъ деньги за ихъ службишку. Тогда самые простые люди, имѣющіе понятіе объ устройствѣ европейскихъ государствъ и о бытѣ народа, сочли все это за совершенно пустую и глупую выдумку и знали, что ничего такого быть не можетъ, но Катковъ все свое твердилъ, что вольные казаки могутъ уйти у насъ изъ рукъ; что они уже и деньги отъ англичанкинаго посла взяли, но что все-таки ихъ еще можно остановить и направить къ тому, чтобы они пошли и подбили кого-то не подъ англичанку, а подъ насъ.

Это становилось смѣшно и никто не могъ понять: какую надобность можетъ имѣть «англичанка» въ томъ, чтобы разыскивать и нанимать къ себѣ на службу подобную шпигелю,—не понимали и кого еще намъ надо подъ себя подбить? Но тогда Катковъ разсерчалъ и объявилъ, что относиться къ Ашинову съ недостаткомъ довѣрія есть измѣна!

Стало даже неудобно и разузнавать: кто онъ такой въ самомъ дѣлѣ и откуда взялся?

Но вдругъ тамъ же, въ Москвѣ, нашелся безстрашный человѣкъ и сталъ спорить съ Катковымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отважный московскій гражданинъ былъ другой газетный редакторъ, Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, издававшій «Крестный календарь» и своего имени иллюстрированную газету. У Гатцука были въ разныхъ городахъ корреспонденты, и одинъ изъ нихъ зналъ объ Ашиновѣ и сообщилъ въ «Газету Гатцука», что Николай Ивановъ Ашиновъ вовсе не «вольный казакъ», какового нѣтъ и названія, а что онъ пензенскій мѣщанинъ, учился въ тамошней гимназіи и исключенъ отсюда изъ младшихъ классовъ за нехорошіе поступки. Потомъ онъ бродилъ и съякшался съ какими-то темными побродягами и скитался съ

ними гдѣ не пало, находясь всегда въ сторонѣ отъ спокойныхъ людей, исполняющихъ положенія гражданскаго закона. Гатцукъ съ радостью напечаталъ это извѣстіе, чтобы «открыть обществу глаза» и не допустить его до глупости носиться съ человѣкомъ, который вовсе не то, за кого онъ себя выдаетъ и къмъ онъ *быть не можетъ*, такъ какъ никакихъ «вольныхъ казаковъ» въ Россіи нѣтъ. Но несмотря на точность свѣдѣній Гатцука, которыя ничего не стоило провѣрить въ каждую минуту, и не стѣсняясь тѣмъ, что «вольныхъ казаковъ» въ самомъ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ, очевидная ложь, выдуманная какимъ-то выжигоемъ, при поддержкѣ Каткова, стала за истину и заставила людей довольно почтенныхъ играть передъ цѣлымъ свѣтомъ унижительныя и жалкія роли.

Говорили: «—Да!.. чортъ возьми!.. Оно кажется... что-то того... Что-то не чисто пахнетъ, но вѣдь если подумать... Если вспомнить, кто былъ Ермакъ... такъ и надо потеряться...»

«—Ну да,—возражали имъ:—но вѣдь Ермакъ «поклонился Сибирью», а этотъ чѣмъ же будетъ кланяться?»

«— А вотъ у него ужъ что-то есть!..»

И вдругъ называли Египеть и Индію.

И что же! «Все повинилось суетѣ», «мудрые обьюродѣша» и «за ослушаніе истины вѣрили лжи» (2 Ос. II, 11—12).

И не прошла еще вся эта болтовня, какъ явился персонально самъ Ашиновъ и сразу пошелъ изъ двора во дворъ, съ рукъ на руки, находя вездѣ «преданность и уваженіе и уваженіе и преданность». А про Гатцука Катковъ напечаталъ, что «въ Москвѣ были большіе жары, и съ Ал. Ал. Гатцукомъ что-то сдѣлалось». Этого было довольно, да, пожалуй, можно было обойтись и безъ этого... А Ашиновъ въ это время уже ходилъ по Петербургу и «разбирался» тутъ съ привезенными имъ заморскими птицами, черномазымъ мальчикомъ и неизвѣстною дѣвицею, въ званіи «принцессы» и дочери дружественнаго царя Менелика, которая по пути уже изрядно подучилась по-русски... Ее привѣчали дамы, а Ашиновъ самъ былъ вездѣ нарасхватъ: его всѣ желали видѣть и нѣкоторые редакторы сами за нимъ слѣдовали, а ихъ газеты провозвѣщали о вечерахъ и собраніяхъ, которые Ашиновъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Коренастый, вихрастый, рыжій, съ бѣгающими глазами, онъ ходилъ въ казачьемъ уборѣ и появлялся въ собраніяхъ въ

сопровожденіи такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Аристовъ, редакторъ Комаровъ, священникъ Наумовичъ, г. Редедя и одинъ, а иногда даже два поэта, изъ которыхъ одинъ, старикъ Розенгеймъ, обкуривалъ его мариландскою папирскою, а другой нарочито искательный мелодикъ втягивалъ въ себя даже собственныя черевы *). Гдѣ сопровождаемый свитою, гдѣ одинъ, Ашиновъ показывался у людей съ большимъ вѣсомъ, и день-ото-дня все смѣлѣе претендовалъ на предоставленіе ему еще болѣеи представительности. И какъ это ему нужно было очень скоро, то онъ торошилъ своихъ покровителей, погугивая ихъ, что промедленіе опасно, такъ какъ оно можетъ вывести изъ терпѣнія его товарищей, которымъ уже принадлежало сидѣть въ камышахъ и они могутъ кликнуть «айда», и тогда всѣ наши выгоды предоставятъ «англичанкѣ». Такой несчастный оборотъ могъ случиться ежеминутно (и зачѣмъ онъ не случился!), а Ашиновъ становился нетерпѣливъ и очень дерзокъ. Какъ человѣкъ совсѣмъ невоспитанный и наглый, онъ не стѣснялся бранить кого пошло, а иногда смѣло врывается въ дома нѣкоторыхъ сановниковъ, хваталъ ихъ за руки и даже кричалъ угрозы. Генераль Грессеръ не могъ слышать имени этого претендента, но терпѣлъ его, считая его за своего рода «табу», котораго нельзя призвать къ порядку. А тотъ пользовался этимъ съ безуміемъ настоящаго дикаря и довелъ свою азартность до того, что началъ метаться на своихъ, какъ на чужихъ, и даже на мертвыхъ. Въ семь послѣднемъ родѣ, напримѣръ, извѣстенъ былъ такой случай, что когда въ одномъ домѣ были вмѣстѣ Ашиновъ и Розенгеймъ, и судьбѣ было угодно, чтобы генераль Розенгеймъ тутъ же внезапно умеръ, то онъ упалъ со стула прямо къ ногамъ Ашинова, а этотъ вспрыгнулъ съ своего мѣста и, щелкнувъ покойника рукой, вскричалъ:

«— Охъ, ты! Пашелъ гдѣ умирать, дурашка!..»

И Петербургъ все это слушалъ и смотрѣлъ и... даже ужъ не удивлялся...

*) Въ разказахъ Ашинова было не мало темъ для поэзіи въ оссіановскомъ родѣ: такъ, я помню, какъ онъ однажды разказывалъ объ англичанинѣ, который имъ будто привезъ деньги отъ англичанки и требовалъ, чтобы они ѣхали съ нимъ, а они деньги приняли, а поѣхали въ свою сторону, а англичанина повезли за собою и на остановкахъ его «драли», пока онъ «не стерпѣлъ болѣе» и они его «тамъ и закопали».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

То, что здесь изложено, — это не только «фактъ», какъ любятъ заключать свои сообщенія газетные репортеры, но это «даже настоящее событіе», какъ говоритъ одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ ораторовъ. Ашиновъ достигъ самаго полнаго преобладанія надъ всеми «исполнителями положеній закона гражданскаго» потому, что его вывелъ въ свѣтъ редакторъ, не уважавшій «гражданскихъ постановленій». Такой соучастникъ такъ важенъ, что Ашиновъ началъ свою карьеру съ того, о чемъ Мошкинъ (XVII в.) не смѣлъ бы и думать, а Баранщиковъ (въ XVIII в.) дошелъ только въ концѣ своихъ подвиговъ, и то въ слабой степени. Ашиновъ прямо сразу пошелъ на разореніе «положеній закона гражданскаго», потому что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, кто въ періодической печати столь ненавидитъ законность, что не погнушается идти противъ нея заодно съ кѣмъ попало... И когда эти два дѣятеля соединили свои имена и свою ярость — вышло то, что униженный инцидентъ Ашинова никакими клещами не можетъ быть отодранъ отъ исторической фигуры Каткова...

Если соответственные элементы будутъ въ наличности и въ XX вѣкѣ, то возможно, что явленіе повторится, и тотъ вѣкъ тоже выставитъ своего продолжателя Мошкину, Баранщикову и Ашинову, но вдохновенный таковскимъ духомъ молодецъ въ двадцатомъ вѣкѣ долженъ имѣть бѣльшій успѣхъ, а именно — онъ долженъ начать съ того, чѣмъ кончили Ашиновъ, когда сталъ въ гордой позѣ надъ тѣломъ послѣдняго славянофильскаго поэта, лежавшаго у его ногъ въ генеральской униформѣ.

Печать же должна показать, насколько «скасочники» стоятъ ниже людей, «исполняющихъ положенія гражданскаго порядка», такъ какъ только святой трудъ этихъ людей даетъ средства на всѣ дѣйствительныя нужды страны, а также и на удовлетвореніе многихъ непухностей.

СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ.

(АПОКРИФИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Искусство сберегло намъ полное представленіе о томъ, что, по свидѣтельству очевидцевъ, назадъ тому 1860 лѣтъ происходило въ минувшую ночь въ раю и въ преисподней.

Памятникъ, который передастъ это, есть икона «Воскресенія съ сошествіемъ», древняго, греческаго типа, точно воспроизводимая русскимъ «Строгановскимъ подлинникомъ», о которой лѣтомъ 1893 года писали друзья наши французы, обсуждая изображеніе со стороны «фантазіи художника». Эта икона совсѣмъ не похожа на «живописную» икону, «нолагаемую» сегодня на аналон господствующей церкви. На новой иконѣ изображенъ гробъ, какого не знали въ Иудеѣ въ Христово время, — Христосъ представленъ взлетающимъ на воздухъ, съ знаменемъ въ рукѣ, а внизу два спящіе воина. Иногда прибавляется еще ангелъ, отваливающий «крышу» гроба, тогда какъ, держась синоптика, надо бы изображать, что ангелъ отваливаетъ «камень у двери гроба». Въ новой иконѣ нѣтъ никакой археологической вѣрности и никакого указанія на событія, сопровождавшія воскресеніе Христа на небѣ, на землѣ и въ преисподней.

Сюжетъ «полной» иконы очень интересенъ и много говоритъ воображенію: въ немъ мы наглядно видимъ, какъ представляли себѣ событія христіане раннихъ вѣковъ, имѣвшіе о воскресныхъ «дѣяніяхъ» много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не имѣемъ и принять ихъ не желаемъ или не можемъ, потому что основательность ихъ не достоверна. Однако, по этимъ-то именно представленіямъ и сочиненъ рисунокъ иконы «Воскресенія съ сошествіемъ во адъ», который и внесенъ въ «Подлинникъ» (установленный образецъ). Только одному невнималію русскихъ къ уясненію своихъ памятниковъ слѣдуетъ приписать то, что многіе до

сихъ поръ видятъ въ «полной» иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ» «*фантазію*». Древній иконописецъ или изографъ не смѣлъ фантазировать, а онъ рабски воспроизводитъ только то, что установлено «Подлинникомъ». Что же такое могъ принимать въ соображеніе первый сочинитель рисунка? Вотъ тутъ и является огромное значеніе апокрифа, безъ котораго совсѣмъ нельзя понять (и никто не понимаетъ), откуда и на какомъ основаніи на многочисленную воскресную икону древне-греческаго типа нанесены такія «дѣянія» въ аду и въ раю, для которыхъ въ каноническихъ книгахъ нѣтъ указанія.

Прежде всего скажемъ вкратцѣ, что представляется на почитаемой «полной» иконѣ съ сошествіемъ.

Здѣсь не три лица (Христосъ и два спящіе воина), а тутъ всего изображено около ста тридцати лицъ, и всѣ эти лица въ «дѣянїяхъ», т.-е. они изображены дѣйствующими, при чемъ «дѣянїя» идутъ сразу «въ трехъ планахъ»: а) посрединѣ—на землѣ, б) наверху—въ раю и в) внизу—въ преисподней у Сатаны. Христосъ «во единомъ часѣ» является во всѣхъ трехъ планахъ: онъ на землѣ воскресаетъ, во адѣ *) казнитъ Сатану и Смерть и въ раю—вводитъ «содержавшихся связанными отъ Адама». Чтобы понять изображеніе, надо начинать смотрѣть его съ средняго плана, гдѣ Христосъ воскресъ и стоитъ весь «облистанннй» лучами сіянія. Подъ ногами его уже упавшія крестъ-на-крестъ «врата адовы». Они сорвались съ петель отъ «сокрушенныхъ вереѣ» (прилодокъ) и съ грохотомъ летятъ внизъ въ зіяющую бездну. Преисподняя вся раскрыта и обнажена. Христосъ подаетъ руку Адаму, за которымъ слѣдуетъ Ева, а за ними весь «ликъ праотцевъ». Праотцы идутъ вереницею въ три оборота, и вереница не оканчивается, а теряется за «полями» изображенія. Въ «разверстомъ» аду уже нѣтъ людей, которые содержались здѣсь цѣлые вѣка въ великомъ множествѣ: всѣ они теперь выведены Христомъ на волю; а на всемъ видимомъ пространствѣ ада, начиная отъ открытаго входа, идетъ сраженіе и расправа надъ Сатаною, надъ Княземъ Тьмы, надъ Смертію и «ангелами Сатаны». Ангелы поражаютъ ихъ копьями,

*) Адъ пишется со строчной буквы, гдѣ этимъ словомъ обозначается преисподняя, какъ мѣсто мученія, и съ прописной, гдѣ Адъ трактуется какъ лицо. Такъ же и смерть—какъ умрѣніе, и Смерть—какъ лицо.

а самого Князя Тьмы заковываютъ молотами въ цѣпи. Движеніе огромное и живое. Христось тутъ же во второй разъ. Фигура Ада такъ велика, что отъ нея видна только одна большая голова—вся красная. Сатана—тоже красный, дородствомъ помельче и зато онъ виденъ по поясъ. При немъ неотлученъ Іуда съ его копелькомъ, въ которомъ тридцать сребрениковъ. Смерть въ «зеленомъ тѣлѣ», Князь Тьмы—синій. У всѣхъ у нихъ волосы дыбомъ отъ страха, который производитъ «блистаніе божества». Въ третьемъ мѣстѣ Христось съ «благоразумнымъ разбойникомъ Рахомъ», — даетъ ему красный крестъ и посылаетъ его въ рай. Это происходитъ между раемъ и адомъ. Рай наверху,— «въ огражденіи» —тамъ «древеса» и опять весь «ликъ» праведныхъ, уже вошедшихъ и привѣтствуемыхъ Ильєю и Енохомъ, которые до сихъ поръ жили въ раю только вдвоемъ. Последнимъ входитъ Іоаннъ Предтеча «въ шерсти», — у дверей «огненный серафимъ» хочетъ ударить «благоразумнаго разбойника», но тотъ ему показывасть данный Христомъ красный крестъ, и серафимъ оставляетъ Раха у дверей, пока разберутся и станетъ видно, имѣетъ ли онъ право здѣсь оставаться. Представляется вопросъ: откуда все это взято? А взято все это ни больше, ни меньше какъ съ показанія «очевидцевъ», которые самолично были въ аду въ ту ночь, когда туда приходилъ воскресшій Христось...

Этого, конечно, нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, и вѣрить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живетъ въ народѣ и сохраняется въ иконописи, и потому это интересно.

Начать надо съ того — «какъ старѣйшина жидовская» производили пристрастные допросы надъ своими же евреями, рассказывавшими, что они видѣли Христа послѣ Его смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Видѣся же сотникъ еже Іисусъ предаде духъ, прослави Бога, глагола: «во истину чловѣкъ сей праведенъ бѣ». И вси пришедшіе на позоръ сей видяще бываемое, бьюще перси своя, возвращахуся во Іерусалимъ. Воинъ же Логгинъ, приеъмъ коніе, удари въ ребра Іисуса, и абіе изыде кровь и вода. (Въ каноническихъ евангеліяхъ сказано просто, что «сотникъ ударилъ», но не сказано, что этотъ сотникъ былъ Логгинъ). Тогда сотникъ, пришелъ къ Пилату, возвѣсти ему вся. И оскорбѣ Пилатъ зѣло, и призвавъ Іуденъ,

вопроси ихъ, еда зрѣша знаменія, яже въ солнцѣ, и пная бывшая о Иисусѣ умершемъ? (А что: видѣли ли вы знаменія на солнцѣ и другія, которыя явились при смерти Иисуса?). Они же, слышавъ сіе, рекоша: яже омрачися солнце днесъ, якоже и иногда (т.-е. Что же такое? Солнце заглохло такъ, какъ это и въ другое время бывало).

«И се Иосифъ, иже отъ Аримаѳея, сынъ потаенъ ученикъ Иисусовъ, прииди къ Пгемону, моли его, да повелитъ сняти со креста тѣло Иисусово. И повелѣ Пгемонъ ему. Приѣста же тѣло Иисусово и обвѣста его ризами и ароматы, положиста Иисуса, и привалише камень *надъ* (sic) двери гроба».

«Иудеи же слышавше, яко Иосифъ съ Никодимомъ испросиша тѣло Иисусово, помыслиаху какъ убити я (ихъ) и (съ ними) дванадцятихъ (апостоловъ), такожде и другихъ иже свидѣтельствоваху о Иисусѣ предъ Пилатомъ. Все бо тогда быша вкупѣ, послѣднѣ же скрышася страха ради Иудейска. Единъ Никодимъ токмо ста предъ Иудеи, зане князь бѣ въ нихъ. (Былъ человекъ съ вѣсомъ и положеніемъ и могъ ихъ не бояться). Сей рече имъ: чесо ради приидосте паки въ сонмище нынѣ? Они же рѣша ему: ты же что пришелъ и како вшелъ еси сѣмо причастникъ бо сынъ Иисусовъ и въ части Его будеши во вѣки. (А ты самъ для чего пришелъ? Да ты еще какъ смѣлъ и войти сюда—ты вѣдь Его сообщникъ! Тебѣ и самому будетъ то самое, что и ему досталось)».

Никодимъ представленъ человекомъ горячимъ, простымъ и рѣшительнымъ. «И отвѣщавъ Никодимъ, рече: «ей! буди ми тако». (Т.-е. Что же за важность! Я и не боюсь: пусть будетъ, какъ вы говорите).

«По сихъ же прииде Иосифъ (этотъ рисуется другого характера), онъ рече: «учители, чесо ради оскорбистеся на мя, яко испросихъ тѣло Иисусово, и погребохъ въ новомъ своемъ гробѣ, и камень возложихъ нанъ. Мужіе Израилейстїи, не добро дѣло сотвористе о праведницѣ семъ, но распяте того,—неповинна суща. И не раскаетесь еще о грѣхѣхъ своемъ, но и въ ребра прободосте его?»

По вся эта ласковость и увѣтливость не помогла Иосифу... «Слышавъ сіе Иудеи яша Иосифа и затвориша въ темницу. (Объ этомъ въ канонич. книгахъ нѣтъ никакого упоминанія). Заутра же глаголаху ему: виждь яко днесъ злыя приидуть на тя, смерти же не имаша вкусити нынѣ, зане суббота настоптъ: по себѣ же (т.-е. послѣ шабана) умер-

твимаъ тебя и тѣло твоє звѣремъ предадимъ. Отвѣщавъ Иосифъ, глагола имъ: Той, Его же вы распяте на крестѣ, спленъ есть изъяти мя отъ рукъ вашихъ. Не бо, яко же Пилать буду вамъ. Той бо и безъ обрѣзанія плотскаго, но во обрѣзаніи сердца своего, очистися отъ грѣха, умыся прямо солнцу (передъ солнцемъ), глаголя: чистъ есмь отъ крови праведника сего, вы узрите.» (Это объясненіе умыванія рукъ *передъ солнцемъ*, чтобы оно было свидѣтелемъ непричастности къ дѣлу, очень интересно, и достойно замѣчанія, что о немъ нигдѣ не упоминается съ такимъ истолкованіемъ).

«Слышавше же Иудей словеса сія, исполнишася ярости зѣло и емше его, всадиша въ темницу, и затворивше утвердиша печатями и стражу поставиша. На утрій же князи и старцы людскіи собрашася въ сонмище, совѣтъ сотвориша, яко да лестію убіютъ Иосифа. И шедше, отверзоша темницу и не обрѣтоша Иосифа тамо, печатемъ же цѣлымъ и дверемъ затвореннымъ сущимъ. И уже къ тому не смѣяху напныхъ возложить рукъ, бояхубося». (Боялись, чтобы такого чуда еще впередь не повторялось).

Чудо это предшествовало первому извѣстію, которое принесли сторожа, приставленные къ пещерѣ, гдѣ было положено тѣло Иисусово. Но сейчасъ вѣдѣ за симъ приходитъ и это извѣстіе, изложенное опять значительно иначе, чѣмъ въ нашихъ книгахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Еще же сѣдящимъ имъ на сонмищи и судящимъ о Иосифѣ, се воини приидоша отъ кустодіи, и глаголюще: яко стрегущимъ намъ гробъ, абіе *уломъ бысть великъ*, и се ангель Господень сииде съ небесе и отвали камень отъ дверей гроба, и сѣде на немъ. быше лице его яко же молнія и отъ страха его быхомъ яко мертви, и *слышахомъ его глаголюща женамъ*, яже приидоша помазати тѣло Иисусово и стояху у гроба. (Во этому описанію выходитъ, что когда приближали жены, сторожа все еще спали, или дремали въ полуснѣ за пещеркою). Глагола имъ ангель: не ужасайтесь, Иисуса ищите Назарянина распятаго; и въсть здѣ, но возста. Приидите и видите мѣсто, идѣ же лежаша Господь и шедше рыцте ученикомъ Его и Петрови, отвергнушемуся Его, да не въ горшую печаль приидеть, зане сей Петръ, внигда отрещися ему отъ Него, плакавъ горько, *не ювий не пійи баже*

досель. Слышавъ же Петръ возрадовался зѣло, тече ко гробу и Иоаннъ съ нимъ. Иоаннъ же тече скорѣе (бѣжалъ рѣзвѣе) Петра. Пришедъ же и Петръ ко гробу и приникъ видѣ ризѣ едины лежаща и сударь».

Какъ только извѣстiе это дошло до іудейскихъ старшинъ, тѣ сейчасъ же распорядились узнать: что это были за женщины, съ которыми, по словамъ сторожей, разговаривалъ ангель?

«Рѣша же Іудее: кто суть жены, имъ же глаголаше ангель? отвѣща же воины, рѣша, не вѣмы. Глаголаху Іудее, чесо ради не ясте ихъ?» (Для чего вы ихъ не схватили!?)

Сторожа отвѣчаютъ старѣйшинамъ очень рѣзко: «толико знаменiе видѣвши о человекѣ семъ, еще ли не увѣросте Ему? И паки слышахомъ яже о Іосифѣ, яко и того затвористе въ темницѣ и двери утвердисте утверждениемъ крѣпци, и се не обрѣтосте его въ темницѣ, дайте намъ Іосифа, и дамы вамъ Іисуса». Синедрионъ какъ бы оробѣлъ передъ сторожами и начинаетъ съ ними переторговываться.

«Глагола Іудее: дадите вы первѣе Іисуса намъ. Воины же отвѣщаша, глаголя: ни, но вамъ достонитъ первѣе дати намъ Іосифа, днесъ бо истязуете ны о Іисусѣ недовѣдомѣмъ, сами же не вѣсте, како Іосифъ изведе изъ темницы: убо и мы не вѣмы, како Іисусъ воскресе, изыде изъ гроба и невидимъ бысть, такожде и жены невидимы быша: дайте убо Іосифа и дамы вамъ Іисуса».

Старѣйшины не могли сказать—какъ у нихъ ушелъ изъ-подъ печати Іосифъ, и они начинаютъ лгать сторожамъ: «Глаголаху Іудее, яко отъиде Іосифъ во свояси, во градъ Аримаѳейскій». Отвѣщаху же воины, глагола: «яко и Іисусъ, возставъ, отъиде въ Галилею, яко же ангель, отваливый камень отъ двери гроба, глагола женамъ».

«Тогда Іудее, слышавше сія (т.-е., услыхавъ, что упомянута снова Галилея), убоихуся зѣло и глаголаху: аще услышано будетъ слово сіе о Іисусѣ, яко возста отъ мертвыхъ, во всемъ мiрѣ вси людiе имуть вѣру Ему и увѣруютъ въ Онъ, и будемъ посрамлены отъ всѣхъ и поношенiе будетъ на насъ отъ сыновъ израилевыхъ во вѣки. И совѣтъ сотворше, собраша сребренники довольны, даша воинномъ и заповѣдаша имъ съ клятвою никому же рещи, яко воскресе Господь, но токмо глаголите: яко намъ, спящимъ, придоша ученики Іисусовы и украдоша тѣло Его. *И еще услышано будетъ сіе у Немони, яко мзду прiясте*

отъ насъ. мы умолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ. Они же взявши сребренники отъ Иудей, рекоша, яко же научени быша отъ нихъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но едва замолкають сторожа, какъ появляются новые безпокойные рассказчики о новомъ чудѣ, если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше удивительномъ.

«Священникъ иѣкій именовъ Финеесъ и Адда учитель, и Исаія Левитъ, приидоша отъ Галилеи во Иерусалимъ и повѣдоша архіереомъ и старцемъ и Левитомъ, яко видѣша Иисуса на горѣ нарицаемой Елеонъ, и съ нимъ единадесятихъ ученикъ Его, и учаши ихъ». «По сихъ же отступи Иисусъ отъ нихъ, благослови я и вознесся на небо. И се юноши два, свѣтомъ страшнымъ одѣяна, стали предъ народомъ, глаголюще: мужіе Галилейстии, что стоите зряще на небо: имже образомъ видѣсте Его грядуща на небо, такожде пакы приидеть судити міру».

Такимъ будто образомъ дошла въ Иерусалимъ первая вѣсть о вознесеніи, принесенная тремя поименованными еврейскими людьми, священникомъ Финеесомъ, учителемъ Аддою и Левитомъ Исаіею.

Сложилось цѣлое сказаніе, имѣющее начало и конецъ согласный съ началомъ! Иудей встревожились и сейчасъ же принялись дѣйствовать съ усиленною энергіею. Надо скорѣе сбить или подкупить Адду, Финееса и Исаію Левита, чтобы они отрелись отъ своего рассказа.

«Тогда глаголаху архіерей и старцы: заклинаемъ вы Богомъ живымъ рцйте: аще во истину тако бысть, якоже глаголете? Они же рѣша: живъ Господь Богъ,—яко же видѣхомъ, тако и возвѣстихомъ вамъ. Тогда архіерей и старцы, взявши писанія, заклиаша ни кому же возвѣстити сего и давше сребренники, повелѣша изыти ихъ даже до Виплеема, въ Галилею (?). И отидоша вѣждо во свояси».

Имъ дали денегъ, пригрозили никому не рассказывать и выслали всѣхъ порознь изъ столицы.

Такъ сбыли съ рукъ эту вторую серію очевидцевъ: но стало безпокойно, что если ужъ священникъ, и левитъ, и учитель разносятъ вредныя синагогѣ вѣсти, да еще присягаютъ, что это правда, и всѣмъ имъ надо «давать сребренники довольны», то до чего же это можетъ дойти? Тратамъ и конца не будетъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Тогда совѣтъ сотвориша, архіерей Анна и Каіафа, утѣшающе ихъ, и глаголаша: что скорбите, сія вся глаголы лжа суть. Ученицы бо Его купиша отъ воишь тѣло Его и наустиша я рещи: яко ангель съ небеси сниде и отвали камень отъ дверей гроба: и сотвориша тако».

«Но Никодимъ, ста посредѣ и рече имъ: право ли глаголете, николи слышаста людей сихъ, пришедшихъ отъ Галилеи и не помниста ли, еже они возвѣстиша намъ? азъ же повѣмъ вамъ, яко праведниі мужіе ти и возвѣстиша, еже видѣша о Иисусѣ, яко суну Ему на горѣ Елеонстѣй со ученики своими, *вознесся на небо. Точію не вѣмъ, тако ли, яко же и о Исаіи пишется? яко съ плотію взятъ бысть на небо, или духомъ взятъ* Иисусъ и отнесенъ на гору тѣмъ же убо подобаетъ намъ послати и понскати о Пемь по всей странѣ».

«Тогда послаша мужей отъ среды своя, и возвратишеса ти глаголюще: яко нигдѣ же обрѣтохомъ Иисуса; бывшимъ намъ во Аримаѳен, обрѣтохомъ Иосифа. Иудей же, слышавше сія, возрадовахуся радостію велию».

Не разыскавъ Христа, о Которомъ говорили чудо, они обрадовались, что могли отыскать Иосифа, освобожденіе котораго изъ темницы молва также представляла чудеснымъ. Теперь представлялась возможность вызвать его въ Иерусалимъ и лично отъ него узнать, какъ онъ ушелъ изъ-подъ камня и печати? Старѣйшины надѣялись, что онъ разъяснитъ это какъ-нибудь просто, и тогда опроверженіемъ одного чудеснаго слуха ослабится вѣроподобность и того, что сказываютъ объ Иисусѣ.

Надо только было вызвать Иосифа въ Иерусалимъ, но пойдетъ ли онъ сюда изъ Аримаѳен, гдѣ онъ безопасенъ?

Старѣйшины обращаются къ политическимъ приѣмамъ, которые очень характерны.

«Иудей посланіе написаша (къ Иосифу) съ моленіемъ великимъ—глаголюще: миръ ти и дому твоему: согрѣшихомъ предъ Богомъ и предъ тобою, честиѣйшій Иосифе. Злѣ бо въ темницу всадихъ тя. И нынѣ молимтися: потщися и прииди паки во Иерусалимъ. Се бо раскаяхомся о тебѣ»
«Потомъ избравше отъ среды своя седмь мужей честиѣйшихъ, ихъ же и самъ Иосифъ любяще, послаша ихъ, гла-

голюще: идите днесь ко Иосифу, и аще прие́млетъ отъ васъ писаніе наше, вѣдите, яко пакы при́детъ сѣмо, аще ли же ни, вѣдите, яко озлобихъ на ны и уже не кому возвратится во градъ нашъ. Вы же цѣловавше его возвратитесь съ миромъ, и благословивше отпустиша я въ путь ихъ». «Послы при́доша ко Иосифу, поклонившася ему и рѣша: миръ ти и всему дому твоему буди во вѣки. И отвѣща Иосифъ, рече: вамъ миръ, пришедшимъ издалеча, и всѣмъ людемъ Израилевымъ».

«Вземшу же посланіе Иосифу и прочетшу е. облобыза написанное и благослови Бога, рече: благословенъ Господь Богъ мой, иже посла ангела Своего и покры мя крылами благодсти своея».

«Тогда уготова Иосифъ трапезу и ядоша, и пиша. и почиша даже до утра. Возставшимъ же имъ повелѣ Иосифъ уготовати въ путь осла и всѣдъ на не, отъиде въ путь свой въ Иерусалимъ. И бысть, сгда вхождане во Иерусалимъ, изыдоша іудеи во стрѣтеніе его— глаголюще: миръ тебѣ господине Иосифе, Иосифъ же, цѣловавъ ихъ, рече имъ: буди и вамъ миръ». Тогда Иосифа «заключи на книгъ закона» говорить правду: какъ онъ ушелъ изъ-подъ замка и печати.

«Глагола Иосифъ: мужіе братіе! вѣдомо вамъ буди, яко въ день той, внегда затвористе мя, пребыхъ тамо чрезъ всю ночь и день субботный, даже до другія нощи. О полуднощи же (въ часъ воскресенія Христа), стоящи ми на молитвѣ, се верхъ темницы, въ ней же бѣхъ, взятыя отъ мѣста своего, и отыяты отъ чегырехъ угль и видѣхъ свѣтъ предъ очима моима, и пристрашенъ быхъ азъ, и падохъ на землю, и возрѣвъ, видѣхъ предъ собою стояща мужа, и той взять мя за руку и постави на позѣ моя, и изведе изъ темницы. Тогда облобызавъ мя, рече: не бойся Иосифе и возведи очи твоя и виждь, кто есть глаголюй съ тобою. И пристрашенъ быхъ азъ, мняще духъ видѣти, и рѣхъ ему: кто еси Господи; Илиа ли, или единъ отъ пророкъ? И отвѣща ми глагола: иѣсмь Илиа, ни пророкъ, но Иисусъ есмь Христосъ; Его же испросилъ еси у Пилата на погребеніе».

Такимъ образомъ надежды старинныя услышать отъ Иосифа опроверженіе тревожныхъ для нихъ слуховъ были разрушены и вмѣсто опроверженія они получили новое свидѣтельство отъ уважаемаго человѣка, что и онъ самъ видѣлъ Иисуса воскресшаго.

Для іудеевъ дѣло принимало самый отчаянный оборотъ, потому что Іосифа Аримаѳейскаго подкупить было невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Никодимъ и архіерей, и старцы», услыхавъ то, что сказалъ имъ Іосифъ, такъ испугались, что попадали ницъ, «и быша яко мертви, и не ядоша, не пища даже до вечера». Первый поднялся Никодимъ, и «глаголя имъ: возстаните на нозѣ ваша, помолимся и вкуеите отъ брашенъ и укрѣпитесь, яко суббота завтра есть». Старцы «возсташа и возмоша ясти», а перебивъ шабашъ, придумали вызвать изъ Галилеи тѣхъ трехъ человекъ, которые говорили, что они Христа видѣли, но, однако, позволили себя подкупить «взявше довольны сребреники». Разсадили ихъ порознь и стали сбивать на переспросахъ, а потомъ начали сводить вмѣстѣ на-очи.

«Они же исповѣдана истину, яко же и первѣе свидѣтельствоваху о немъ».

Анна и Каіафа не хотятъ и слышать, но встаетъ Іосифъ и дѣлаетъ посылку на новыхъ лицъ, которыя со Христомъ жили и встали изъ своихъ могилъ и *теперь живутъ снова*. Эти были уже въ аду и тамъ все видѣли.

«Внемлите, еже реку вамъ! говоритъ Іосифъ Аримаѳейскій: вѣсте Симеона, иже срѣте въ церкви и пріять Іисуса на руку свою, младенца суща. Сей имѣяше два сына, иже умроста уже (они уже умерли, а между тѣмъ), и видѣхомъ ихъ вси. Тецыте убо нынѣ и видите яко гробы его отворена суть, зане воскресоша (они уже ушли изъ гробовъ, и теперь) во Аримаѳей суть въ молитвѣ и молчаніи пребывающе. Идемъ убо къ нима молящіе (и упросимъ ихъ), да придуть съмо, и воспросимъ ихъ съ клятвою возвѣстите намъ, како воскресоста?» Іудее же, слышавше сія, возрадовашася зѣло и шедше Анна и Каіафа, Никодимъ, Іосифъ и Гамалиилъ ко гробу его (къ фамильной гробницѣ Симеона) и не обрѣтоша (не нашли тѣхъ двухъ его покойныхъ сыновей). Идоша же во Аримаѳей и обрѣтоша я колѣнопреклоненна молящася, и обѣмше и цѣловавше, ведоша въ Іерусалимъ въ Церковь. Затвориша же двери, пріемши скрижали Господни, возложиша на ня, и заклявше Господомъ Богомъ Адонаи и Богомъ Израилевымъ (подвели подъ присягу) и рѣша: рцыте нынѣ: аще вѣруете, яко

Иисусъ воскреси вы отъ мертвыхъ, возвѣстите убо намъ: еже видѣста и како воскресоста? Кариннъ же и Лектій (сыны Симеоновы), слышавше сія, трепетна быста, и воздохнувъ и возрѣвъ на небо, вообразиста персты своими знаменіе креста, на языку своего рекоста: дадите хартію нама и напишемъ еже въма. Они же даша има и возсѣдъ писаста».

Отсюда начинается разсказъ о происшествіяхъ во адѣ, списанный Каринномъ и Лектіемъ, которые сами въ то время были въ аду и все сами, своими глазами видѣли, и своими ушами слышали, и оба собственными руками одно и то же слово въ слово на хартіи написали.

Вотъ это любопытное сказаніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«Сѣдящимъ намъ всѣмъ со отцы нашими въ преисподнихъ ада, во тмѣ кромѣшной, се везану свѣтъ, яко свѣтъ солнца и лучъ, яко лучъ огня облиста ны. Адамъ, отецъ земнородныхъ, и патріархи, и праотцы, трепетни быша, и рекоша: се лучъ отъ источника свѣта вѣчнаго. Всѣхъ прежде понялъ явленіе пророкъ Исаія. Онъ воскликнулъ: «сеи есть свѣтъ Отца и Сына Божія, якоже предрекохъ, сый на земли въ животѣ моемъ».

Всѣ засуетились.

Приходитъ Симеонъ и сказалъ «болящимся»: «прославимъ Иисуса Христа, Сына Божія, его же азъ пріяхъ младенца суща, на руку мою». Едва Симеонъ кончилъ, — выходитъ «мужъ во образѣ пустынножителя, и вси сущи въ преисподнихъ (бросились къ нему и) вопросиша его глаголюще: рцы намъ, кто еси ты?» Пустынножитель отвѣчалъ: «азъ есмь гласъ вопіющаго въ пустынѣ—Іоаннъ Креститель и пророкъ Вышняго. Азъ видѣхъ Иисуса грядуща ко ми и рекохъ о немъ Духомъ Святымъ: се Агнецъ Божій, взямаи грѣхи міра, тѣмъ же и пыи предтекохъ Ему и сподохъ возвѣстити вамъ, яко въ славіи Сынъ Божій сидеть съ высоты своя сѣмо».

Тотчасъ началось въ аду чрезвычайное оживленіе, всѣ снѣшили сообщать дошедшую до нихъ радостную новость другъ другу, и стали посылать одинъ другого далѣе по всѣмъ областямъ ада. Такъ радостная вѣсть быстро дошла до самого Адама и тотъ сейчасъ «призва Свое сына своего и глаголя ему: шедъ возвѣсти сыномъ твоимъ патріархомъ

и пророкомъ вся, яже слышалъ еси отъ архангела (sic), всегда болящу ми, послахъ тя ко вратомъ рая испросити помазаніе на главу мою». Сноѣ пошелъ исполнять волю отца, и «приступи къ патриархомъ и пророкомъ и глагола имъ: азъ есмь Сноѣ. Егда молихся у вратъ Рая (проситъ отцу лѣкарства), се ангель Господень явился мнѣ, глаголя: Сноѣ, да не проліеши нынѣ слезъ предъ Господемъ, не дастся бо тебѣ елей милосердія, во еже помазати главу отца твоего, въ болѣзни суща: нѣсть бо возможно сіе, послѣди же имѣетъ быти, внигда скончаются лѣта пять тысячъ и пять сотъ. Тогда возлюбленный Сынъ Божій придетъ на землю возвести Адама и воскресити съ нимъ тѣлеса умершихъ».

Тутъ всѣ святые, дожидавшіеся въ аду, обрадовались и, ободрившись духомъ, стали уже наступать на Князя Тьмы и гнать его вонъ изъ ада, чтобы Христу было не скверно сюда спуститься въ его присутствіи.

Сатана, однако, не выходилъ. Пророкъ и царь Давидъ поддержалъ общее движеніе толпившихся въ адѣ, возгласивъ: «не предрекохъ ли въ животъ моемъ, яко изведе я изъ тьмы и сѣни смертныя, и врата мѣдная сокруши и веревъ желѣзныя сломи». Но Сатана и царя Давида не слушался,—тогда отозвался пророкъ Исаія, глаголя: «и азъ предрекохъ въ животъ моемъ: воскреснутъ мертвыи, возстанутъ сущіи во гробѣхъ, и вси земнородніи возрадуются!» Но Сатана и Исаію пророка не послушался.

Тогда въ аду сдѣлалось всеобщее движеніе и противъ Князя Тьмы раздался голосъ изъ иныхъ сферъ, откуда Князь Тьмы и самъ сообразить не можетъ.

«Се услышанъ бысть гласъ шумень—яко гласъ грома, глаголющъ: возмите врата князя ваша и возмитесь врата вѣчныя, се бо входитъ Царь славы». Сатана впрочемъ и тутъ все-таки еще продолжалъ упрямствовати и обратился къ хитрости. «Князь адскій слышавъ сія, и творяи себѣ не разумѣти слышаннаго (притворился будто не понимаетъ) и рече: Кто есть сей царь славы?»—Давидъ отвѣща ему:—«Господь силенъ въ брани, той есть Царь Славы. Се Онъ придетъ съ высоты святыя своея: услышати воздыханіе окриваныхъ и разрѣшити сыны умерщвленныхъ! Отверзай убо врата и видетъ Царь Славы!»

Услыхавъ это, всѣ святые, патриархи и пророски еще бо-

лѣе обрадовались и заплескали въ восторгѣ ладошами. Шумъ радости и ликованія сдѣлался такъ великъ, что его услыхалъ самъ «Сатана—глава смерти», пришелъ самъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сатана сталъ говорить съ ласкою: «Се азъ готовъ есмь пріяти Іисуса Назарянина иже непщева себѣ на земли Сыномъ Божиимъ быти». Онъ мнѣ не опасенъ. Онъ боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя даже до смерти». Правда, что онъ дѣлалъ мнѣ много неприятностей (сотвори пакости мнози) тѣмъ, что исцѣлялъ тѣхъ, кого я поражалъ недугами, и воскресилъ много мертвыхъ, но все это еще не страшно. Выходить, что Сатана не понималъ Іисуса Христа и судилъ о немъ не высоко, почитая его за смертнаго, и притомъ еще за такого, который боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя». Но Князь Тьмы хоть и меньше значить въ аду, чѣмъ Сатана, однако ошъ оказался благоразумнѣе и осторожнѣе.

«Князь же ада отвѣща Сатанѣ, глаголя: како можетъ сей такову власть имѣти; аще бо человекъ простъ быть? вси бо владыцы міра сего подъ державою моею суть, ихъ же поработилъ ми еси силою твоею; сей же во истину силенъ есть и не токмо за человекство, но и за Божество, и никто власти его протівостати не можетъ. Еда же и рече сей, яко убояся смерти, не ими вѣры ему (если онъ и сказалъ, что боится смерти — то ты ему не вѣрь), злѣ-бо будетъ намъ отсель (худо намъ будетъ)».

Сатана же остался легкомысленникомъ, и «слышавъ сіе, отвѣща: — Онъ не можетъ протівостати намъ,—я уже его искусилъ, возмутивъ протівъ него ревностію и гнѣвомъ народъ Іудейскій, и Смерть прикоснулась къ нему. Не бойтесь,—я его приведу къ вамъ покорнаго».

Князь Тьмы опять сдерживаетъ пылкость Сатаны.

«Глагола Князь Тьмы: не сей ли, иже Лазаря воздвиге четверодневна, его же азъ держакъ мертва? заклинаю тя силою нашею, да не приведеси его сѣмо: яко се Богъ-Вседержитель есть, и можетъ творити вся яко же хощеть».

А пока они между собою это переговорили, «се абіе слышанъ гласъ быеть, яко гласъ грома и бурн: возмите врата князи ваши, се бо входитъ Царь славы».

Цепугавый Князь Тьмы закричалъ Сатанѣ: «бѣжи ско-

рѣй и удались отъ жилищъ адовыхъ, а если ты силенъ, то сразись съ нимъ!»

Но увидавъ, что Сатана все храбрится и хочетъ самъ ввести Христа въ адъ, Князь Тьмы разсердился «и изгна Сатану отъ жилищъ своихъ и глагола клеветомъ своимъ: заключите (заприте скорѣе) врата мѣдная и противостаните». И только-что Князь Тьмы успѣлъ сдѣлать это распоряженіе, какъ «Господь въ велелѣніи Божества и во образѣ человѣчествъ вииде и осія тьму вѣчную и узы нерѣшимыя расторже».

«Тогда Смерть со клеветы своими объята бысть укасомъ и возопи: побѣжденъ есмь тобою, яко смятеніе вселилъ еси въ насъ!»

«Тогда Господь славы поверже смерть къ ногу свою, и Князя адова обезсили, и возведъ отца земнородныхъ къ свѣту». Что собственно и изображается по «подлиннику» на иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ».

Обезспленный Князь Тьмы не сопротивлялся, но «начель укоряти Сатану: о сатано! Что восхотѣлъ еси распяти Царя славы! Не вѣси ли нынѣ, яко безуменъ еси! (узналъ ли теперь, что ты глупъ)».

Сора и перекоръ у Князя Тьмы съ Сатаною вышли на виду у всѣхъ, и самого Иисуса Христа, который въ это время отозвался съ словомъ къ Князю Тьмы.

«Глагола Вельзевулу: отнынѣ да будетъ Сатана во власти твоей во вѣкъ, и поработаетъ ти во Адама мѣсто и сыновъ его, иже кровію моею оправдишася».

Этимъ Спаситель кончаетъ съ Сатаною и обращается къ настрадавшимся въ аду праотцамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Простеръ Иисусъ десницу Свою, глагола: приидите ко Миѣ вси святіи, созданныя по образу Моому, иже осуждени бывше преступленіемъ заповѣди, еже о древѣ — оживитесь нынѣ древомъ креста Моего. Князь-бо міра сего осужденъ есть и смерть поправа».

«Тогда вси святіи собращася подъ-руку Всевышняго: «Господь же держа десницу Адама, глагола ему: миръ ти и чадомъ твоимъ».—Этотъ и послѣдующіе эпизоды изображаются на истовыхъ иконахъ «Воскресенія съ сошествіемъ».

«И припаде Адамъ къ колѣнома Господа Иисуса Христа,

моли Его со слезами, глаголя: вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси и возвелъ еси отъ Ада».

«Также и вси святїи, припадше къ ногу Иисусову, Господь же простре десницу, сотвори знаменіе креста надъ Адамомъ и надъ родомъ его и возьмъ за руку Адама, изведе отъ ада и вси святїи съ нимъ». Это и есть тотъ ходъ въ нѣсколько разъ обороченною вереницею, которая занимаетъ средній планъ иконы.

«Царь и пророкъ Давидъ» какъ только тронулись, заплѣлъ: «Воспойте Господеви пѣснь нову». Святые отвѣчали антифонами: «Слава сія будетъ веъмъ преподобнымъ Его». «По семъ же пророкъ Аввакумъ возопи: «исшелъ еси во спасенїи людей твоихъ, спасти помазанныя твоя». Святые на отвѣтъ Аввакуму заплѣли: «Благословенъ грядый во имя Господне». Итакъ: «вси святїи и пророцы» прослѣдовали изъ ада въ рай съ пѣніемъ «хвалу воздающе и идоша во слѣдъ Господа».

«Держай Господь руку Адама, введе его Архангелу Михаилу и вси идоша съ нимъ, и со славою введени быша въ рай».

Но и въ раю начинается то же недоумѣніе: тамъ тогда было всего только два обитателя, Енохъ и Ілія, и они удивились, что это за огромное нашествіе и кто его ведетъ. «Два старца стаста предъ ними (пришельцами изъ ада) и вопросиша ихъ святїи: кто еста, не бо бѣста съ нами во адѣ. Единъ же отъ нихъ отвѣщавъ: азъ есмь Енохъ, а сей Ілія Фезвитянинъ».

«Егда же Енохъ и Ілія глаголаста сія, прииде мужъ нѣкій страшнѣй, носий крестъ на рамѣ своей, и святїи вопросиша его: Кто сей? зракъ разбойника имый, и чесо ради носиии крестъ на рамѣ своей?»

«Онъ же отвѣща: во истину разбойникъ есмь, много бо зла сотворихъ на земли, и со Иисусомъ распятъ бѣхъ, и даде ми крестъ свой—глагола: иди, и аще ангель, иже при вратѣхъ рая, воспретитъ ти входъ, яви ему крестъ и рцы: яко Иисусъ Христосъ, днесь распятыи, присла ми къ тебѣ».

Этотъ «ст. Рахъ разбойникъ» или по неправильному обозначенію титла «Страхъ разбойникъ», или «Благоразумный разбойникъ» (котораго видимъ на картинѣ Ге) и у самыхъ воротъ рая дожидается съ крестомъ на ладони.

«Скончавшу же разбойнику глаголы сія, вси патриарси

и пророци возопиша гласомъ велимъ: Боже Вседержителю! устрой убо ему милость Твою въ раи, и постави его въ животъ вѣчномъ».

Этимъ оканчивается рукописаніе на хартіяхъ, на которыхъ писали сыновья Сумеона, бывшіе очевидцами событіи въ аду. Рукопись, которую они дали еврейскимъ архіереямъ, заключалась слѣдующимъ заявленіемъ:

«Сія убо суть священная и божественная таинства, яже мы, Каринъ и Лектій и вси сущи тамо видѣхомъ; прочее же возбрани намъ возвѣщати (прочаго же что еще видѣли, мы открыти не можемъ), якоже яви намъ архангелъ Михаилъ, повелѣвый намъ ити съ братією нашею во Иерусалимъ». Егда же сконча кійждо писати сія, владѣ Карин писанное Аннѣ, Каіафѣ и Гамалии, Лектій же Никодиму и Иосифу, и внезапно преобразиста предъ ними, и бѣста бѣла яко снѣгъ, и невидима бѣста. Писаніе же обою равно бѣ, и *неразличествова ни въ единомъ словеси*. Тогда весь сонмъ Иудейскій, видѣвъ сіе, дивися, и глагола другъ ко другу: во истину Сынъ Божій есть, сотворивый сія. И изыдоша отъ сонмища, плачуще и біяще перси своя, и отыдоша во свояси. Иосифъ же и Никодимъ возвѣстиста Игемону вся бывшая и написа сія Пилать и положи въ кивотѣ».

Вотъ почему на нѣкоторыхъ старыхъ любочныхъ изображеніяхъ «суда» вмѣстѣ съ «старѣйшими иудейскими» сидитъ Пилать въ епанчѣ, въ узкихъ штанцахъ въ обтяжку и въ шляпѣ съ перомъ въ родѣ атаманской. Тамъ же обозначается какой-то сундучокъ, въ которомъ повидимому нѣтъ никакого смысла, если не знать, что онъ спрятанъ въ «кивотѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Вниде Пилать въ церковь и собравъ архіерен и книжники, повелѣ заключити двери и глагола: увидѣвъ, яко имаше книгохранительницу церковную, сего ради заклинаю вы Богомъ отецъ вашихъ, не сокройте правды отъ мене, рцете ми, еда-ли въ писаніи обрѣтаете, яко Исусъ, его же распясте, Сынъ Божій бѣ? Тогда повелѣста Анна и Каіафа изыти изъ церкви всѣмъ, и заключивше двери, рекоста Пилату: егда распяхомъ Исуса, не видѣхомъ его Сына Божія быти, мняще яко волхвованіи знаменія творяше. Также по смерти его понскахомъ о еже содѣла; и обрѣтохомъ свидѣтелей мнозѣхъ отъ колѣна нашего, иже видѣша его жива

по страданіи и смерти; и сами видѣхомъ двою свидѣтелю, ихъ же воскреси Исусъ отъ мертвыхъ. Тѣмъ бо возвѣстиша намъ дивная чудеса, яко сотвори Исусъ во адѣ; обычай же имамы на всяко лѣто искати отъ писаній свидѣтельства Божія, и обрѣтохомъ въ первой книзѣ толкованій, яко глагола архангелъ третьему сыну Адама, яко по пяти тысящамъ и пятистахъ лѣтѣхъ, имать принти съ небесе взлюбленный сынъ Божій Христосъ; и разумѣхомъ, яко тойъ есть Богъ Израилевъ».

Такимъ образомъ даже и для помѣщенія Пилата сидящимъ въ собраніи съ архіереями и старѣйшинами іудейскимъ есть письменное основаніе, къ которому первые компановщики иконы «суда» и «сошествія», конечно, отнесли съ полнымъ довѣріемъ и критиковать его не могли, да, вѣроятно, и не желали.

Сюжетъ этотъ какъ вошелъ въ иконописный «подлинникъ», такъ и сталъ воспроизводиться, и почитался до церковной реформы за «правильное». Послѣ реформы, когда старое стали почитать за неправильное, новые «фразьскіе мастера» начали писать икону «Воскресенія» иначе.

Апокрифъ же этотъ, изъ котораго сдѣланы выписки, объясняющія кажущуюся произвольность фантазіи русскихъ иконописцевъ, весьма многимъ изъ простолюдиновъ извѣстенъ, и вотъ что я, напримѣръ, помню о распространеніи его во время всеобщаго безграмотства среди самыхъ темныхъ, крѣпостныхъ крестьянъ въ орловской губерніи.

Въ селѣ Добрыни, гдѣ я проводилъ дѣтство, былъ діакономъ на дьячковской вакансіи. Онъ получилъ свое скромное мѣсто въ приданое за женою, бывшею дочерью униатскаго попа или раскопа. по имени Фока. Отецъ Фока былъ «изъ непокорныхъ униатовъ». Впрочемъ, всѣ дашныя для исторіи Фоки у насъ ограничивались тѣмъ, что онъ «съ митрополитомъ Сѣманкомъ былъ въ школѣ товарищъ и вмѣстѣ съ нимъ на православіе подписался, но не захотѣлъ «долгихъ кость носить», и такъ заспорилъ, что сказалъ: «я тебя переживу». Сѣманко же будто отвѣчалъ Фокѣ: «а я тебя на высылъ представлю» Каждый и началъ доказывать другъ другу то, чѣмъ грозился. Сѣманко удалилъ Фоку съ мѣста и «представилъ на высылъ», а Фока пошелъ его «переживать». Высылъ Фокѣ вышелъ изъ виленской губерніи въ

орловскую, гдѣ о ту пору былъ архіерей изъ южныхъ уроженцевъ, — нерасположенный къ Антонію Сѣмаишкѣ. Это стеченіе обстоятельствъ послужило въ пользу Фоки: архіерей узналъ о бѣдственномъ положеніи голодавшаго «недовѣрка» и «предоставилъ одной изъ его дочерей дьяческую ваканцію въ селѣ». Но этимъ еще владыка орловскій не окончилъ свою укоризну Сѣмаишкѣ, а взялъ да и произвелъ Фокина зятя изъ дьячковъ въ дьяконы. Самъ же Фока какъ-то совсѣмъ отпалъ духовнаго чина, ходилъ въ «сурдуть» и обучалъ латинскому языку и другимъ наукамъ дѣтей у нашего предводителя, а потомъ оставался у него «вольнымъ секретаремъ». Что касается духовныхъ правъ отца Фоки, то никто не зналъ, какъ на этотъ счетъ располагать о немъ. Приходскіе батюшки не отчисляли Фоку ни къ приказнымъ, ни къ благороднымъ, но въ отличіе отъ себя называли его «распопомъ», а мужики, слышавшіе, что онъ «уніатъ» — безъ дурной мысли именовали его «тунеядомъ».

У Фоки была изрядная бібліотека, въ которой находилось много книгъ почаевской и гродненской славянскихъ типографій и нѣсколько рукописей, — извлеченій и переводовъ, сдѣланныхъ самимъ отцомъ Фокою.

Когда Фока умеръ и бібліотека его перешла къ его зятю діакону на дьяческой вакансіи, — тотъ устроилъ литературное сокровище Фоки сообразно своему усмотрѣнію, и только одну рукопись оставилъ себѣ «для душевной пользы», а польза заключалась въ томъ, что въ пасхальную ночь, когда дворяне, ихъ дѣти, дворовые люди и мужики, боясь ночной темноты и распутицы, прибывали изъ деревень къ церкви съ вечера и въ ожиданіи заутрени размѣщались по домамъ на поповкѣ, — тогда каждый годъ въ ригѣ у діакона составлялось прелюбопытное чтеніе, за удовольствіе слушать которое всякій «слухачъ» долженъ былъ дать три копейки на свѣчку.

Тутъ мы и получали о предстоящемъ часѣ воскресенія Христова такія любопытныя свѣдѣнія, какихъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не получишь. И вотъ зато теперь намъ странно и смѣшно слышать, что чужестранцы толкуютъ, будто самая любимая икона русскаго народа «пишется по фантазіи художника», а бывшіе въ ту пору въ Парижѣ писатели наши не нашлись это поправить. Пусть, однакоже, хоть даѣе не думаютъ такъ ошибочно наши просвѣщенные люди, которымъ не пришлось раньше узнать объ этомъ.

Оглавленіе

XXI тома.

	стр.
Разсказы кетати:	
Дама и фёфела	3
Голось природы.	47
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старшны).	56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія «скаски»)	111
Сомешствіе во адъ. (Апокрифическое сказаніе)	146

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.